

Е.И. ПОДРЕПНЫЙ ● Е.П. ТИТКОВ

СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА РОССИИ

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Национальный исследовательский университет

Арзамасский филиал

Е.И. Подрепный, Е.П. Титков

СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА РОССИИ

Русская разведка от великих князей до Петра Великого

Спецкурс

Арзамас
ОО «Ассоциация ученых г. Арзамаса»
2015

УДК 947
ББК 63.3 (2) я 73
П 44
Печатается по решению редакционно-издательского совета
Арзамасского филиала ННГУ

Рецензент: доктор исторических наук, профессор Е.В. Кузнецов

Подрепный Е.И.
П 44 Секретная служба России. Русская разведка от великих князей до Петра Великого: спецкурс / Е.И. Подрепный, Е.П. Титков; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2015. – 159 с.
ISBN 978-5-903523-09-2

В спецкурсе представлены основные события в истории отечественной разведки от зарождения в Киевской Руси до формирования спецслужб при императоре Петре Великом. Основное внимание уделено людям разведки, которые беззаветно служили своему Отечеству.

Спецкурс предназначен для студентов исторических факультетов, а также для преподавателей, учителей, учащихся, всем интересующихся историей нашей Родины.

УДК 947
ББК 63.3 (2) я 73

ISBN 978-5-903523-09-2

© Подрепный Е.И., 2015
© Титков Е.П., 2015
© Арзамасский филиал ННГУ, 2015

Содержание

Введение 4

Глава I. Развитие отечественной разведки от Киевской Руси до формирования Централизованного российского государства..... 6

1.1. Русские разведчики в лабиринтах тайной войны от Владимира Святого до великих русских князей..... 6

1.2. Русская разведка от царя Ивана IV Грозного до Алексея Михайловича Тишайшего..... 27

Глава II. Разведка и разведчики России эпохи Петра Великого..... 76

2.1. Петр I и развитие отечественных спецслужб на рубеже XVII – XVIII веков..... 76

2.2. Русские разведчики на защите Российской империи по всем азимутам..... 88

2.3. Некоторые итоги деятельности разведывательных служб России во времена Петра Великого..... 124

Рекомендуемая литература..... 159

ВВЕДЕНИЕ

Начало XXI века полностью опровергло прогнозы апологетов так называемого «нового политического мышления» и «общечеловеческих ценностей» на благоприятное развитие мирового политического процесса после распада СССР – величайшей геополитической катастрофы в истории XX века и нашего Отечества. События последних лет, многочисленные «цветные революции» и «экспорт демократии» наглядно показали роль специальных служб в мировой политике. Особенно трагически это проявилось на территории бывшего Советского Союза – Украине, которая стала, по выражению иностранных СМИ, «песочницей» для западных разведок и других специальных служб.

Возникает закономерный вопрос: в какой степени Россия и ее народы защищены от этих разрушительных процессов и угрозы распада страны в условиях глобального противоборства, в котором важнейшую роль играют разведывательные службы?

Авторы спецкурса ставили перед собой скромную задачу: опираясь на современную историографию, на материалах возникновения внешней и военной разведки ознакомить студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского с достижениями и просчетами спецслужб Руси – России – Российской империи и на основе этого материала показать современному читателю, что безопасность Отечества является не только уделом профессионалов, но и всех граждан нашей страны. История свидетельствует, что игнорирование проблем разведки и контрразведки, «экономия» на спецслужбах государства впоследствии дорого обходится всему обществу, независимо от времени и эпохи, в которой существует Россия.

Особое внимание уделено людям разведки, которые, невзирая на различия в происхождении и социального положения, служили своему Отечеству, имея главной целью безопасность России.

Авторы учитывали, что литература по истории разведывательных служб России издавалась сравнительно небольшими тиражами, поэтому включили в спецкурс пространные цитаты из этих трудов, имея в виду ознакомить с их содержанием студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского и других читателей.

ГЛАВА I. РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РАЗВЕДКИ ОТ КИЕВСКОЙ РУСИ ДО ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

1.1. Русские разведчики в лабиринтах тайной войны от Владимира Святого до великих русских князей

История не всегда щедра на документальные источники, особенно в том случае, когда речь идет о тайных делах. Конспирация и секретность – основа разведывательной деятельности. Поэтому исследователи истории спецслужб при попытке воссоздания структуры, целей и задач разведывательных органов, а также выявления их личного состава на том или ином конкретном историческом этапе неминуемо сталкиваются с большими трудностями. Как правило, им достаются очень скудные, отрывочные, весьма разрозненные свидетельства, достоверность которых порой приходится ставить под сомнение. И это понятно. Особо важные поручения разведывательного характера были столь деликатны, что вообще никогда не отражались на бумаге, а отдавались только в устной форме, поэтому искать их следы даже в самых секретных архивах просто бессмысленно[1].

Разведку принято считать древнейшей профессией на Земле. В Библии, в древних эпосах и преданиях (например, в шумерском и аккадском эпосе, посвященном Гильгамешу), исследователи находят упоминания о первых «разведчиках».

В Библии (3 глава «Книги Чисел»), в частности, говорится следующее:

«18. Когда посылал их Моисей обозревать землю Ханаанскую [то есть Палестину, Финикию и Сирию], тогда сказал им: подите в южную страну и взойдите на гору;

[1] Для государевых секретных поручений // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. – С. 41.

19. И осмотрите землю, какова она, и народ, живущий на ней, силен ли он или слаб, малочислен ли он или многочислен?

20. Какова земля, на которой он живет, хороша ли она или худа?

И каковы города, в коих он живет, в станах ли он живет или в крепостях?

21. Какова земля, тучна ли она или суха?

Есть ли на ней дерева или нет?

Будьте смелы и возьмите плодов земли».

Другими словами, «разведчикам» предлагалось провести ряд оперативно-розыскных мероприятий в целях широкомасштабного сбора информации о чужой стране[1].

В памятнике древнеиндийской литературы «Артхашастре» много говорится о разведке («… что у кого увидишь дурного, тотчас сообщай»), о создании и деятельности разведывательных агентурных сетей – «отравителей» (то есть диверсантов), «шпионов», которые должны быть лишены постоянных средств к жизни, дабы преданно служить государству, поскольку они находятся от него в сильной материальной зависимости». Сурово, но очень практично, с учетом человеческой психологии и перманентной жажды наживы у лиц с авантюрной складкой характера.

Как пишут современные исследователи, «когда в разных уголках земного шара начали складываться государства, внешняя разведка непременно становилась их неотъемлемой частью. Однако о создании специальных разведывательных органов речь тогда не шла – они возникнут только при мощном централизованном государстве. Разведка в качестве самостоятельной службы могла появиться только при наличии развитой государственности и развитых внешнеполитических связей. Потребность глав государств (князей, царей) знать как

[1] Телицын, В.Л. Российские спецслужбы. От Рюрика до Екатерины Второй / В.Л. Телицын. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 10-11.

можно больше о соседях, особенно о вероятных противниках, являлась естественной движущей силой для развития разведывательного дела[1].

Историю военной разведки России хорошо знают только ученые и военные специалисты. Современные же её секреты надежно укрыты в стальных сейфах министерств обороны и генеральных штабов, и только по прошествии многих десятилетий отдельные из них станут достоянием общественности, а большинство операций военной разведки поглотит медлительная Лета.

И это правильно: разведка не терпит гласности. Однако военная разведка так же стара, как и сами войны, и уже полководцы древности: Александр Македонский, Юлий Цезарь, Митридат Понтийский и другие – умело пользовались данными, получаемыми разведкой, которую с древнейших времен по праву считают «глазами и ушами армии». Разведка была и остается одним из самых важнейших видов обеспечения боевых действий армии. Успех или неудачи той или иной боевой операции во многом зависят от того, насколько эффективно ведется разведка сил противника, его замыслов и намерений. Пренебрежение этими истинами всегда вело к военным поражениям.

Ум, информация, знание, по-английски «intelligence», это слово одновременно означает «разведка». Да и по-русски это однокоренное слово: «ведать» – знать, «разведывать» – узнавать, распознавать, приобретать информацию, знания.

Слово «разведка» было хорошо знакомо и на заре создания государства на Руси – государства княжеского, удельного, когда, по выражению Н.М. Карамзина, «еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских ступенях, и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою»[1].

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 11.

Письменные источники времен Киевской Руси, становления Московского государства хотя и мало, но содержат некоторые сведения о разведывательных делах наших предков. Выдающийся знаток русских исторических древностей Н.П. Павлов-Сильванский в книге «Государевы служилые люди» (1909) счел нужным отметить, что «исторические источники иногда (!) говорят о деятельности княжеских служб специального назначения – в летописях есть тексты о приближении к границам княжества вражеских армий, о количестве войск, их вооружении, о политических событиях в ставке или столице вероятного противника и его возможных действиях. Сохранились и донесения от разведгрупп дружинников – «сторож», донесения от княжеских послов. Службу специального назначения в русских княжествах возглавляли, как правило, путные бояре, подчинявшиеся лично князю и имевшие для управления службой небольшой штат сотрудников»[2].

Первые попытки организации разведывательного дела в России были сведены к примитивному сбору нужной информации из разных, часто случайных источников. Так же просто был организован и анализ полученных разведывательных данных.

С военной разведкой было чуть легче. Ее, как и в других государствах, издавна организовывала по мере своих сил сама армия. Поскольку русское воинство со времен Рюрика постоянно вынуждено было воевать, сталкиваясь с самыми разнообразными соперниками, происходил взаимообмен воинскими хитростями организации разведки. Еще от соседей-недругов,

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти т. – Т. 1: От древнейших времен до 1917 года. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 15.

[2] Васильев, И.И., Зданович, А.А. Спецслужбы в зеркале социологии / И.И. Васильев, А.А. Зданович // Труды Общества изучения отечественных спецслужб. Т. II. – М.: Кучково поле, 2006. – С. 8.

северных викингов, русские дружинники научились организовывать морскую разведку небольшими отрядами на ладьях. Наиболее ранний исторический факт разведывательной акции относится к первым годам существования государственности Древней Руси. Есть версия, что когда знаменитый полководец Олег, прославленный затем в русской истории как Вещий Олег, вез малолетнего сына умершего Рюрика и будущего князя Игоря в 882 году в Киев для посажения на русский престол, то он выслал вперед небольшую часть своих дружинников на ладьях под видом мирных купцов из варягов. И эта стихийная разведка, вернувшись, донесла Олегу, что в Киеве засели у власти князья-соправители Аскольд и Дир, являвшиеся то ли узурпаторами власти из таких же, как сами Рюриковичи, пришельцев со скандинавского севера, то ли потомки древней киевской династии славянских князей из рода Киевичей. По их норманнским именам, первая версия выглядит все же более вероятной. В любом случае Аскольд и Дир, как сообщили разведчики, власти Рюрика или его сына над Киевом не признавали, при этом располагая значительной вооруженной дружиной древних киевлян. Именно из-за информации своих разведчиков Олег не ввязался со своими новгородцами в открытую битву с киевлянами, и первая разведывательная акция в русской истории повлекла первую же акцию диверсионно-террористическую. Олег прибыл в Киев с теми же «торговцами», позвал Аскольда с Диром на дружескую беседу, в ходе которой князья киевских «сепаратистов» были предательски убиты дружинниками Олега, а на престол сел первый князь новой державы Киевской Руси – Игорь из рода Рюриковичей[1].

[1] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718-1725 / И. Симбирцев. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – С. 295-296.

Ещё во времена Киевской Руси правящие в ней князья вели активную разведку на Востоке, используя для этого торговое «прикрытие». Арабский летописец Х. ибн Хордабла в своей «Книге путей и стран» повествует о том, что в 883 году послы русского «кагана» прибыли в столицу Византии Константинополь, а вскоре соглядатаи киевского князя проникли и в столицу Абасидского халифата Багдад под видом русских купцов. Они собрали здесь важные сведения о византийско-арабских отношениях, разобраться в которых Киеву было невозможно без ведения активной разведки.

Примечательно, что русские торговцы выдавали себя за христиан, а может быть, и на самом деле тайно приняли христианство, что было не таким уж редким явлением в языческой Руси. Багдадские власти, давно знакомые с христианством, не чинили препятствий русским купцам, которых рассматривали как людей, «принявших Закон», однако не совсем такой, как закон пророка Мухаммеда. Отношение же мусульманских владык Багдада к язычникам было далеко не столь терпимым[1].

С принятием христианства Русью религиозная маскировка получила широкое применение в разведывательной деятельности русских князей, которые активно использовали священников, совершавших паломничество в Иерусалим и Святую землю, для сбора разведывательной информации не только на территории Палестины и Сирии, но и нынешнего Ирака, где в те времена всё еще оставались очаги христианства. Чернецы шли еще дальше. Так, например, черниговский игумен Даниил сумел даже расположить к себе Иерусалимского короля Балдуина I, который разрешил ему беспрепятственно перемещаться по территории королевства, а затем выдал игумену охранную грамоту для возвращения на родину.

[1] Авдеев, В.А., Карпов, В.Н. Секретная миссия в Париже. Граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915-1917 гг. / В.А. Авдеев, В.Н. Карпов. – М.: Вече, 2009. – С. 9.

История военной разведки России неотделима от боевых дел её армии. Для русских княжеств, подвергавшихся давлению хазар, половцев, печенегов, а позднее монголо-татар, она была одним из главных условий национального выживания. Ипатьевская летопись повествует о походе князя Игоря Святославича на половцев. Этому походу предшествуют действия *войсковой разведки*, так называемых сторожей. «Из Оскола пошли дальше, – свидетельствует летописец, – и тут к ним прибыли сторожи, которых князь послал ловить «языка», и сказали: «Мы видели, что ратные ратники ездят в чистом поле наготове. Или поезжайте быстро вперед, или возвращайтесь быстро домой, ибо не наше нынче время».

Уже в то время разведка не ограничивалась простым сбором сведений о противнике. Она активно боролась с его лазутчиками, а также стремилась ввести врага в заблуждение. Когда в 1170 году князь Мстислав Изяславич пошел походом на половцев, он позаботился о том, чтобы довести до них преувеличенные сведения о своих силах. «Бысть весть половцам, – сообщает летописец от пленника, от Гаврилки Ославовича, что идут-де русские князья. И побежали половцы, бросив жен своих, и детей, и повозки свои». Так путем дезинформации князь Мстислав Изяславич добился того, чего мог достигнуть только ценой кровавой битвы. Очевидно, что успех его был полным, поскольку летописец упоминает имя безвестного Гаврилки, именуя его по отчеству, что было в то время привилегией только знатных и уважаемых людей.

После первых же столкновений с монголами хана Батыя в русском войске был перенят монгольский обычай конной разведки мелкими отрядами в далеком тылу противника, когда передовой дозор уклонялся от прямых столкновений с врагом, а выяснял его численность и разведывал местность. У монголов Чингисхана такие разведчики назывались «юртчжи», позднее у ханов Золотой Орды – «ертоулы», к XIV веку слово «ертоульский» (разведывательный) отряд прочно вошло в военный лексикон русской армии. Позднее, в годы Ливонской

войны, такие отряды из казаков и принявших русское подданство татар в войске Ивана Грозного уже европейцев заставили перенять такой восточный метод разведки. Да и вообще многие приемы и хитрости средневековой разведки пришли на Русь с востока с монгольскими ордами. Там, в средневековом Китае, зародились сами институты разведки и тайной полиции, китайцы и в этом вопросе стали первопроходцами в мировой истории[1].

Князья вели не только войсковую, но и стратегическую разведку с использованием, как говорят сегодня, «дипломатического и торгового прикрытия». Послы князей во вражеском стане в те времена повсеместно рассматривались как разведчики и соглядатаи. То же самое относилось и к купцам, торгующим с зарубежными странами[2].

Примером успешно организованной тактической разведки времен феодальной раздробленности, в данном случае войсковой, могут послужить события 1240 года. Летом этого года шведское войско под командой Биргера – зятя короля «в силе велице пыхая духом ратным» – появилось в устье реки Ижоры, где и был разбит лагерь. Войско состояло из шведских феодалов, норвежцев и финских племен. Биргер был уверен в победе и послал в Новгород послов к князю Александру с заявлением: «Если можешь мне сопротивляться, то я уже стою здесь, воюю твою землю». На границах Новгородской земли несли службу заставы из числа местных племен. Так, на морском побережье у устья Невы службу наблюдения осуществляли вооруженные люди из племени водь. Начальник одной из застав Пелгусий, как свидетельствует летопись, обнаружил шведскую флотилию и обо всем, что увидел, доложил Александру.

---

[1] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и её преемники. – С. 296-297.

[2] Авдеев, В.А., Карпов, В.Н. Секретная миссия в Париже. – С. 9-11.

Получив разведывательные сведения о появлении противника, новгородский князь решил внезапно его атаковать. Времени на организацию войска не было, да и созыв веча мог затянуть сборы и привести к срыву внезапных действий. Поэтому Александр решил выступить против шведов со своей дружиной, усилив её лишь новгородскими добровольцами и отрядом ладожан. Рать во главе с Александром устремилась к устью реки Ижора. В полдень 15 июля новгородцы внезапно атаковали шведских феодалов. Нападение было столь неожиданным, что шведы не успели «опоясать мечи на чресла свои». Новгородцы же бились «в ярости мужества своего», пробились к центру лагеря противника и подрубили шатер самого Биргера. Было потоплено три шведских корабля. Войско зятя шведского короля было разбито и его остатки бежали на уцелевших кораблях. Потери новгородцев был незначительны[1].

Александр Невский, который придерживался нейтралитета с Золотой Ордой, но ведущий активные боевые действия с рыцарями Тевтонского ордена, использовал и донесения стратегического характера. Вот что пишут современные исследователи: «Широкая слава пришла к Александру Невскому после Ледового побоища 5 апреля 1242 года, где он мастерски использовал разведку боем. Отряд под руководством новгородца Домаша Твердиславича и воеводы Кербета, проявив инициативу, смело вступил в схватку с основными силами Ливонских крестоносцев и установил состав их сил и точное направление движения. Это позволило знаменитому русскому князю своевременно и с выгодной для себя позиции сосредоточить свою дружину на их пути и одержать блестящую победу.

[1] Алексеев, М.А. Военная разведка России от Рюрика до Николая II / М.А. Алексеев. Книга I. – М.: Издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998. – С. 12-13.

И с этими фактами нельзя не согласиться. Стоит только добавить, что о разведке, как отдельно существующем сегменте государственной машины для того времени говорить не стоит. Скорее всего разведывательные действия носили разовый, ограниченный характер. Необходимость разведки предопределялась конкретикой – решением о начале военных действий, карательной экспедицией или необходимостью осуществления военного заговора[1].

Не хуже нас древние знали о том, какие огромные преимущества может дать вовремя полученная информация о тайных замыслах противника. В этом отношении примечателен такой вполне достоверный случай.

Летом 1380 года великий князь Московский Дмитрий Иоаннович (впоследствии прозванный Донским) отправил к хану Мамаю «хитрого мужа», боярина Захарию Тютчева (предка знаменитого русского поэта и дипломата Ф.И. Тютчева), дав ему много золота, серебра и двух переводчиков. Сей посол, как повествует Никоновская летопись, услышал в земле Рязанской об измене местного князя Олега, а также о союзе литовского князя Ягайлы с Мамаем и дал знать о том Дмитрию. В начале сентября заговорщики намеревались встретиться на берегу Оки и вместе двинуться на Москву. Великой князь немедленно отправил «первую службу» для проверки поступивших сведений, «дабы разведать о неприятеле». «Стража» вернулась с вестью, что Мамай точно намерен «воевать Россию». Тогда великий князь приказал собраться войску в Коломне 15 августа, чтобы, не дожидаясь соединения Мамая с Олегом и Ягайло, нанести ему упреждающий удар.

А тем временем Захария, прибыв в Орду, именем великого князя спросил Мамая, как положено, о здоровье. Мамай, как свидетельствует предание, сбросил башмак с правой ноги и дерзко сказал ему: «Се ти дарую… от ноги моея отпадшее».

[1] Телицын, В.Л. Российские спецслужбы. От Рюрика до Екатерины Второй. – С. 14-15.

И, обратясь к своим воинам, якобы сказал: «Возьмите дары Московские и купите себе плети; злато бо и сребро князя Дмитрия все будут в руку моею; землю же разделю служившим мне, а самого приставлю стадо пасти верблюжее»[1].

О дальнейшей судьбе Захарии Тютчева известно, что на дерзкие выпады Мамая он отвечал смело, с достоинством и чуть не был убит мурзами из окружения хана. Однако Мамай удержал их и пригласил Захарию к себе на службу. Хитрый Захария, как повествует летопись, не отказался, но просил, чтобы ему дозволили прежде отправить Дмитриево посольство. Мамай написал грамоту великому князю, предлагая сдаться: «Прииде ко мне, до помилую тя». Захария в сопровождении четырех ханских мурз был отправлен к Дмитрию, но близ Оки встретил передовой отряд русских войск, «связал сих четырех мурз, изорвал грамоту Ханскую, послал одного татарина сказать о том их государю и благополучно возвратился в Москву».

Был ли Захария разведчиком? Тогда такой профессии еще не существовало. Он был «хитрым мужем». Он сумел получить секретную информацию, своевременно довел её до сведения своего руководства, что позволило правильно оценить сложившуюся обстановку и нанести противнику упреждающий удар, имевший столь важные последствия для всей дальнейшей истории государства[2].

По приказу князя в «поле» высылаются конные дозоры для захвата языков – «крепкие сторожи». Командир одного из них, Родион Ржевский, захвативший языка, вскоре доносит князю, что татары действительно идут на Русь и что их вторжения следует ожидать после сбора урожая.

Когда русское войско двинулось на врага, князь высылает вперед разведывательный отряд из пяти отборных дворян с задачей взять языка из ордынских мурз или князей. Дворяне

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 18.
[2] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 18.

сумели взять языка из свиты самого Мамая. Он показал, что хан Золотой Орды стоит с войском за Доном всего в трех переходах от русской рати. Двигаться не спешит, а поджидает подхода дружин Ягайлы и Олега. О том, что Дмитрий выступил ему навстречу, хан не подозревает. Всего же его рать начитывает 200-300 тысяч копий.

Блестяще проведенная Дмитрием Донским разведывательная операция во многом предопределила успех Куликовской битвы. Разведка войск противника позволила сорвать планы хана на соединение с Ягайлой и Олегом, выявить реальные силы противника и, с учетом полученных сведений, правильно построить полки на Куликовом поле. В результате Дмитрий Донской нанес сокрушающий удар Золотой Орде[1].

Когда окрепшая Москва под началом Дмитрия Донского бросила вызов монгольскому диктату, в битве при реке Пьяне войско москвичей было разбито татарами хана Мамая из-за того, что формально нейтральные племенные мордовские вожди в тех местах были предварительно подкуплены Мамаем и сообщили ему численность и путь движения русского войска. Позднее, узнав о таком коварстве в своем тылу, москвичи захватили виновных мордовских старейшин и казнили их, затравив собаками на льду озера, но прием подкупа третьей силы для использования в целях разведки запомнили. Спустя два века уже Иван Грозный в своем знаменитом походе на Казанское ханство использовал тот же метод, подкупив недовольных ханом марийцев и черемисов, которые всю осаду Казани снабжали русских нужной информацией, а после взятия Казани добровольно пошли в российское подданство. До монгольского завоевания прием разведки через третью и нейтральную силу русским князьям еще не был знаком. Поэтому Святослав и шел спокойно из своего болгарского похода с огромной добычей, не догадываясь, что предупрежденные племенами проходимых им земель печенеги уже сидят в

[1] Авдеев, В.А., Карпов, В.Н. Секретная миссия в Париже. – С. 11.

засаде за порогами Днепра, и жизнь его вскоре оборвется в битве на пике своего военного триумфа. А вот уже затем многому научившиеся в плане военной разведки от монголов русские князья охотно повторяли такой прием. Князь Александр Невский при своем налете на шведский Стокгольм использовал в качестве тайных лоцманов карелов, которые не раз плавали с товаром к шведам и отлично знали все проливы у озера Меларен[1].

Исследователи подмечают, что с началом процесса сбора земель Руси в одно целое великие князья «всея Руси», в частности, Иван III начинают проводить активную внешнюю политику. Следовательно, возрастает потребность в услугах разведчиков. Разведчики Ивана III – лично известные и подотчетные ему люди, в первую очередь послы. Привлекались гонцы, торговые люди, представители духовенства и иностранцы, занимавшие самое различное социальное и общественное положение. Создание первых органов центрального управления благотворно сказывается на информационной осведомленности князей.

Сравнивать организацию той разведки под крылом дипломатии с современными образцами внешней разведки бессмысленно. Тогда это был зачастую еще хаотичный процесс сбора по возможности как можно большей информации без особого её анализа. Поэтому, например, Иван III, отправляя в июне 1487 года и затем в октябре 1489 года гонца Грибца Иванова сына Климентьева в Крым, приказал ему не только доставить великокняжескую грамоту хану Менгли-Гирею, но и такое всеобъемлющее разведывательное задание: «Отписати великому князю о тамошних вестях о всех, об ординском деле, и о турском, и о волошском, и о Литве, и о королях, и о всем тамошнем деле»[2]. Все эти данные требовалось срочно передать в

[1] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники 1718-1725. – С. 297-298.

[2] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники 1718-1725. – С. 297-298.

Москву. Неоднократные разведывательные поездки Климентьева в Крым свидетельствуют о том, что это был осторожный информативный секретный агент. Иван III всецело доверял ему, поэтому в посланиях к Менгли-Гирею называл «ближним паробком»[1].

Выполняя такие объемные задания, первые русские разведчики метались между коллегами по делу из других стран, подкупали местных царедворцев, просто собирали слухи в стране пребывания. Для примера, вот как описана деятельность послов-разведчиков тех лет в книге об истории старой русской разведки «Государево око»: «В октябре 1492 года посол в Крыму И.А. Лобан-Колычев доносил в Москву со ссылкой на ханского посла, вернувшегося из Литвы, о смерти польского короля и литовского великого князя Казимира, которому наследовали его сыновья. Польская корона досталась Альбрехту, а литовская корона – Александру. В том же донесении Лобан-Колычев пишет о приезде в Крым литовского посла Ивана Глинского и приводит содержание его «речей» хану. Затем в донесении подробно излагается цель приезда к Менгли-Гирею посла от молдавского воеводы Стефана».

С точки зрения современного разведчика весь этот доклад Лобана-Колычева выглядел бы странно, масса необработанной информации, большей частью еще и с чужих непроверенных слов, но тогда именно так понималось дело разведки[2].

В мае 1493 года в Москву прибыл посол князя Конрада III с брачным предложением его сюзерена относительно одной из дочерей Ивана III. Последний решил использовать в свои интересах враждебные отношения мазовецких Пястов и их союзников – тевтонских рыцарей с сыновьями Казимира IV Ягеллона – венценосцами Польши и Великого княжества Литовского, в

[1] Михайлова, И. «Пытать… про всё тамошнее дело подлинно». Разведка Московского государства на рубеже XV-XVI веков / И. Михайлова // Родина. 2012. № 12. – С. 83.

[2] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. – С. 303.

то время находившегося в состоянии войны с Москвой. Вступив в переговоры, Иван III настаивал на заключении военного союза Мазовии и Московского государства против «Казимировых детей». Не удовлетворившись заявлениями Подося о том, что его сюзерен и магистр Прусского ордена готовы «стати сооединого» против врагов Москвы, государь отправил к Конраду послов во главе с сыном боярским Василием Асанчюком Григорьевичем Заболоцким и дьяком Василием Третьяком Васильевичем Долматовым.

Наряду с исполнением официальных функций, они должны были внимательно «смотрити» и «пытати» всех, «кого будет пригоже» о сложных взаимоотношениях Конрада III, Ягеллонов и тевтонских рыцарей. От них требовалось выяснить: «Чем был послушен тот князь (Мазовецкий) королю Казимиру, служил ли ему, давал ли ему подать какову и кому он ровей иным князем, и что его княжение, велика ли его земля, и сколь силён, люден или нелюден, и сколко городов, и послушны ли ему люди, и мочно ли ему от Казимировых детей отстати и противу их стати; и те городы мощно ли ему назад взятии, которые у него король взял, и колко тех городов, и как им имена и к которой земле, к Полской ли, или к Литовской? А брат его на уделе живёт, или с ним в одном месте, мирен ли ему или не мирен, и каково его дело с братом и которые городы за братом и которые за ним? А с пруським магистром в одиначестве ли, или не в одиначестве… как магистр пруський с Казимеровыми детми с королевыми… в миру ль ими не в миру, и те городы пруские, что король Казимер поимал, Гденеск и Торунь и иные городы за королём или ныне магистру их мочно ли опять взять назад, хотят ли опять к нему или не хотят?»[1]

Эти вопросы свидетельствуют о хорошем знании русскими «спецслужбами» обстановки в Центральной Европе и умении разными способами уточнять информацию о происходящих в зарубежных странах событиях. Задуманный Иваном III план

[1] Родина. 2012. № 12. – С. 83-84.

проведения «мазовецкой» операции, инструкция, составленная для русских послов, направлявшихся ко двору Казимира III, свидетельствуют о существовании в московском государстве специального ведомства, занимавшегося сбором и обработкой разведывательных данных, поступавших из-за рубежа[1].

Опытным разведчиком был брат посла Александра Яковлевича – сын боярский, русский вотчинник Борис Голохвастов. Впервые на государевой службе он упоминается в1495 году.

В 1506 году Борис Яковлевич был приставом при литовских послах Юрии Глебовиче, Иване Сапежиче и Иване Федорове. Пристав должен был охранять дипломатов, обеспечивать их всем необходимым в пути и на московском подворье, не допускать контактов чужеземцев с соотечественниками во избежание шпионажа. Намного сложнее была его агентурная функция. Австрийский барон Сигизмунд Герберштейн, приезжавший на переговоры в Россию в 1517 и 1526 годах, писал о сопровождавшем его приставе: «Во время… путешествия посла он быстро разузнает прежде всего имя посла и отдельных его слуг, равно как имена их родителей, из какой кто области родом, какой кто знает язык и какое занимает положение: служит ли он у какого-либо государя, не родственник ли он или свойственник посла и бывал ли прежде в их стране. Обо всём этом в отдельности они тотчас доносят письмами великому князю»[2].

В 1509 году Борис Яковлевич по поручению Василия III ездил к польскому королю Сигизмунду I на переговоры «о порубежныхъ делехъ и о обидахъ», взаимно чинившимися русскими и литовскими людьми. «И Борис из Литвы приехал, и привёз от короля грамоту, а в грамоте его писано, что он (Сигизмунд) того всего велит сыскать и управу учинить»[3].

За многолетнюю безупречную службу Василий III пожаловал Бориса Яковлевича Голохвастова доходными землями

[1] Родина. 2012. № 12. – С. 84.
[2] Родина. 2012. № 12. – С. 84.
[3] Родина. 2012. № 12. – С. 84.

«числяков и ордынцев» в Московском уезде, которые были отданы ему в управление и кормление на 1516-1518 годы.

Приобретенный послом-разведчиком опыт пригодился, когда ему снова пришлось выполнять сложное и опасное задание Василия III в Крыму. Но прежде, поздней осенью 1517 года, Борис Яковлевич в качестве пристава провожал до границы Русского государства возвращавшегося в Австрию посла и шпиона германского императора Герберштейна. Дипломаты ехали через Можайск, Вязьму, Дорогобуж, Смоленск. Здесь они «отдыхали… две ночи под открытым небом среди глубоких снегов», и приставы «почтили» Герберштейна «щедрым угощением» и «чрезмерными возлияниями». «На другую ночь, – вспоминал австрийский барон, – мы подъехали к какой-то реке, тогда ещё не совсем замёрзшей; но после полуночи [от сильной стужи] она покрылась таким льдом, что по нему переехали более десяти саней, да ещё гружёных. Лошади же [согнанные вместе] переходили не здесь, а там, где лёд сломался, и река текла быстрее [и с большей силой]. Проявив выдержку, поддерживая жёсткую дисциплину среди подчиненных ему слуг, Борис Голохвастов умело организовал переправу, во время которой ни люди, ни животные не пострадали, и даже многочисленные дорогие подарки, полученные иностранцами от московского государя, были в сохранности перевезены на другой берег Днепра»[1].

Тем временем родственники и придворные крымского хана разделились на две противоборствующие группировки. Воинственному Мухаммед-Гирею противостояли промосковски настроенные крымские татары по главе с его братом Ахмангланом и «доброхотом» Василия III мурзой Аппаком. В марте 1519 года последний прибыл в Москву, где подтвердил приверженность своих соратников политике великого князя Московского. В марте же по приказу Мухаммед-Гирея его сын Алп-султан убил дядю Ахмата, чем вызвал ещё большую ненависть и жажду мщения со стороны осиротевших двоюродных братьев. Последних поддерживал турецкий султан, считавшийся союзником Москвы, но почти четыре года, с 1515 года, не посылавший к Василию III послов. Неясная международная обстановка осложнялась претензиями Мухаммед-Гирея к великому князю Московскому, самовластно – в интересах России, а не Крыма – решавшему «казанский» и «астраханский» вопросы. Ситуация требовала немедленных действий.

[1] Родина. 2012. № 12. – С.84-85.

С этой целью было быстро сформировано посольство во главе с Борисом Голохвастовым, которое уже в марте 1519 года отправилось в дальний путь. Более двух месяцев в сопровождении рязанских детей боярских и казаков московское посольство добиралось до Дона и плыло по реке. 2 июня оно прибыло в турецкую крепость Азов, и здесь почти месяц Голохвастов собирал сведения об обстановке в Черноморско-Каспийском регионе.

9 июля в Москве было получено его обстоятельное донесение, из которого следовало, что ввиду возросшей активности донских казаков и «азтороканцев» крымские татары по приказу Селима сосредоточили основные военные силы именно против них, турки строили дополнительные укрепления на Кубани; Порта разорвала дипломатические отношения с Венгрией, вступила в войну с Персией, потерпела поражение и готовилась к новым сражениям с «кизилбашами». Эта информация означала, что ни Мухаммед-Гирей, ни Селим не готовились к войне с Россией. Борис Яковлевич раздобыл также сведения о продолжавшихся распрях при дворе крымского хана. Он сообщил, что потенциальные союзники Василия III, младшие дети Ахмат-Гирея, вместе с матерью нашли прибежище в улусе доброжелательно настроенного к русским знатного рода Ширинов, с которыми у Мухаммед-Гирея разгорелась «рознь велика». Более того, султан Селим, предоставивший кров старшему сыну Ахмата Геммету, гневался на крымского хана, и последний, по

словам Голохвастова, «апосаетця Турского»[1]. Сложилась ситуация, благоприятная для продолжения миссии московского посла и выполнения им дипломатической комбинации, задуманной Василием III.

21 июня русские послы вышли в Азовское море, пересекли его и вскоре бросили якорь в Керченской бухте, а 3 июля уже были в Кафе. Отсюда Голохвастов отправил второе послание Василию III, в котором подтвердил прежние сведения и сообщил новые важные оперативные данные. Он писал: «И у Кизылбаша, Государь, сказывают, делают пушки и пищали», которых раньше в персидских войсках не было. Эта информация имела важное значение для русских военачальников, защищавших юго-восточные рубежи Московского государства. Также Борис Яковлевич подтвердил сообщение азовского наместника о походе крымских татар в Великое княжество Литовское и победе над 20-тысячным корпусом Константина Острожского.

В Керчи и Кафе, находившихся на границах владения Ширинов, московскому разведчику было легче, чем в Азове, встречаться с нужными людьми и тайно собирать сведения о «доброхотах» и недругах из рода Гиреев. Послания Голохвастова Василию III свидетельствуют о незаурядных аналитических способностях государева агента. Он лаконично и точно обозначил расстановку сил в высших кругах крымской знати, написал об интригах и заговорах родственников и придворных Мухаммед-Гирея, пришёл к верному выводу об их готовности ради удовлетворения своих честолюбивых замыслов служить как турецкому султану, так и великому князю Московскому[2].

Постоянно рискуя жизнью, Борис Яковлевич успешно решал поставленные перед ним задачи. Вследствие различных причин, одной из которых была смерть султана Селима в конце 1520 года, хитроумный план Василия III, рассчитанный на объ-

[1] Родина. 2012. № 12. – С. 85.
[2] Родина. 2012. № 12. – С. 85.

единение всех промосковски настроенных сил в Крыму, дворцовый переворот в Бахчисарае, изменение военно-политической обстановки на южных и западных рубежах России, не был осуществлен, что нисколько не умаляет значения дипломатической и агентурной деятельности мужественного разведчика[1].

Не все секретные агенты Василия III были участниками дипломатических миссий. Некоторые из них тайно засылались на территорию противника для выполнения агентурных заданий. В начале XVI века Тимофей Фролов якобы по причине «невзгоды» отъехал в Литву и поселился в Смоленске. В действительности он перешёл границу как спецагент великокняжеской власти. Когда в 1512 году Василий III «почал Смоленска доступати», Беклемишев ему «служил, и вести к нему всякие посылал». Информация, собранная московским разведчиком в Литве, была использована летом 1514 г., когда «по его службе» великий князь Василий Иванович «Смоленск взял». Государь высоко оценил агентурную деятельность Беклемишева. Он пожаловал разведчику пять сёл «з деревнями» в Повельском стане Дмитровского уезда «да и в ыных городех многие ему сёла подавал». Сын Тимофея Степан был пожалован кормлением в Ростове.

Агенты государя действовали не только за рубежом, но и в удельных княжествах, где интриговали братья Василия III. О «великих, страшных, смертоносных делах» Юрия Ивановича Дмитровского монарха известили Иван Яганов и Яков Мещеринов. В 1520-е годы осведомителями в Угличе служили Губа Дедков и Башмак Литомин. Все они подчинялись князю Михаилу Львовичу Глинскому и ближайшему сподвижнику Василия III Ивану Юрьевичу Шигоне Поджогину[2].

До конца XV века на Руси разведка осуществлялась под руководством великих или удельных князей, считавших, что оп-

[1] Родина. 2012. № 12. – С. 85.
[2] Родина. 2012. № 12. – С. 86.

тимальным вариантом будет объединение под своим началом и разведки, и обороны, и контрразведки, и гражданских дел (связанных с поддержанием порядка). Специального органа, занимающегося разведкой – военной или дипломатической – на Руси не существовало. В течение многих веков между словами «разведчик» и «дипломат» можно было смело ставить знак равенства. Говоря «дипломат», подразумевали «разведчик»; говоря «разведчик», подразумевали «дипломат». И этому никто не удивлялся: все закономерно[1].

Все шло по схеме: едешь за границу с посольством или с купеческим караваном – узнай вот что… или найди того-то. Так, Василий III, отправляя в 1520 году своего посла Харламова в Австрию и Ливонию, поручал ему тайно выведать подробности конфликта Ливонского ордена с Польшей, возможности союза России с поляками, осадившими в том году ливонцев в Кенигсберге. А посланник Москвы к турецкому султану Селиму Василий Коробов раз за разом слал в Москву секретные депеши о распрях турок с Ираном, о состоянии турецкой армии, о передвижениях в районе Дона союзного туркам войска крымского хана[2].

Послы-разведчики осуществляли первые вербовки российской разведки, подкупая деньгами важных государственных лиц в посещаемых государствах: тот же Колычев направлял в Москву донесения завербованного наместника султана (аги) в оккупированном тогда турками Азове по имени Бурган. Этот один из первых «кротов» на русской службе предупредил, в частности, Москву о выступлениях против русских крымского войска хана Менгли-Гирея[3].

[1] Телицын, В.Л. Российские спецслужбы. От Рюрика до Екатерины Второй. – С. 48-49.
[2] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718-1825. – С. 299-300.
[3] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. – С. 301.

1.2. Русская разведка от царя Ивана IV Грозного до Алексея Михайловича Тишайшего

До формирования разведки как профессиональной государственной службы было, конечно, еще очень и очень далеко. На этом долгом пути, длившемся несколько столетий, прослеживается целый ряд более или менее четко определенных этапов:

1549 год – создание Иваном IV Посольского приказа – первой в России самостоятельной государственной структуры, ведавшей всеми вопросами международных отношений. В этот период еще не делается различий между дипломатической и разведывательной службами. Еще не было на Руси дипломатов-профессионалов, как не было и профессионалов-разведчиков.

Посольский приказ, по сути первое на Руси специализированное учреждение, отвечавшее за реализацию внешней политики, в том числе задач, стоявших перед внешней разведкой, и занимавшее главенствующие позиции среди других приказов, чья деятельность так или иначе была связана с иностранными государствами.

На Посольский приказ возлагался огромный объем работы: – перед отправкой дипломатических посольств Приказ должен был подробно разработать поручения, возложенные на главу миссии, в том числе и разведывательного характера;объяснить каждому включенному в состав дипломатической миссии дьяку его задачи (как явные, так и тайные), его поведение, его место в иерархии выезжающей за рубеж группы. На Приказ возлагались все вопросы, связанные и с приемом иностранных представителей на русской земле. В том числе вопросы элементарной слежки за иностранцами, составление, в случае необходимости, подробных отчетов о поведении того или иного лица, о его встречах с другими иностранными гостями, и уж тем более скрупулезно отслеживались встречи с русскими[1].

[1] Телицын В.Д. Указ. соч. – С. 105.

Начиная с 1549 года все поступающие от многочисленных посольств сообщения, доклады, записки, письма (и даже доносы) поступали в «избу» Посольского приказа. Туда же писали из-за границы немногочисленные на то время купцы, служилые люди и проч. Сюда же поступали и все другие сведения, позволявшие судить о состоянии дел в других государствах, об отношении к России, о поведении русских людей за границей. Все это тщательным образом прочитывалось, обобщалось, составлялись обзоры, первичные материалы отправлялись на хранение в архив, который стал разрастаться буквально с первых дней существования Посольского приказа. Сотрудники приказа (а их было при Иване IV всего /всего!/ двадцать девять человек) выполняли огромную работу: собирали сведения о соседях, прогнозировали возможные намерения потенциального противника, отслеживали сообщения о военной силе западных и восточных стран, наблюдали за всеми иностранными подданными и за всем, что было с ними связано.

Покажется удивительным, но многие документы Посольского приказа, выдаваемые уезжавшим за границу русским людям, заканчивались общим для всех обязательством: «да будучи в стране разведать о всяком тамошнем состоянии». (Чем не прямой намек на необходимость каждому собирать данные о том, что видишь, что слышишь за границей?).

«И все это говорит за то, что сбор и обработка поступающих разведывательных материалов в этом учреждении были поставлены весьма недурно», – так считают современные исследователи. Во времена Ивана Грозного к России присоединяются Казанское и Астраханское ханства, устанавливаются новые торговые связи. Соответственно расширяется поле деятельности русского государства на внешнеполитической арене, что увеличивает возможности применения тайнописи и приводит к усложнению шифровки важных государственных депеш из Москвы к послам и обратно. Это одно только требовало привлечения ши-

рокого круга лиц, обладавших достаточно высоким для обыкновенного обывателя уровнем интеллекта[1].

Опробованная практика вербовки за деньги иностранных подданных позволила не только получать от завербованных иностранцев нужные разведке сведения, но и использовать их как агентов русского влияния в политике чужих стран, что является уже более сложной и тонкой формой ведения зарубежной разведки. В Ливонскую войну, которую Иван Грозный вел почти в одиночку с немцами, поляками и шведами, при взятии Полоцка в плен к русским попал польский воевода Вильно (Вильнюса) Ян Глебович. Как выяснилось впоследствии, вскоре обмененный на русских пленных и вернувшийся в Польшу Глебович был завербован русскими и долго писал в войско Ивана тайные депеши, совсем как наши современники британец Филби или американец Эймс, долгое время работавшие на КГБ СССР. При этом своему послу на переговорах о перемирии с поляками боярину Федору Колычеву Иван Грозный приказывал не только тайно встретиться с Глебовичем, но и окольным путем проверить его лояльность России и правдивость его депеш. Глебович почти предвосхитил судьбу Кима Филби из XX века, почувствовав интерес к себе польской «контрразведки», которая, скорее всего, фильтровала всех бывших пленных: он собирался бежать в Россию, но был арестован в 1569 году. Следственная комиссия по делу Глебовича во главе с гетманом Ходкевичем предъявила шпиону каким-то образом добытый текст его присяги русскому царю с обязательством склонять верхушку шляхты к миру с Россией в качестве агента русского влияния, и запираться было бессмысленно. Глебович покаялся, говоря о вынужденном характере принесения такой присяги в условиях плена и отрицая выдачу русским государственных тайн. Король Сигизмунд в итоге своим указом помиловал воеводу. Другим, менее знатным агентам Ивана в Польше и Литве повезло меньше. Так,

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 106-108.

обиженный на нового польского короля Стефана Батория, ярого неприятеля России, литовский дворянин Остик (литовские земли тогда уже входили в Польшу) сам пробрался к русскому послу Нащокину и предложил свои услуги шпиона. Он успел дать много ценной информации, но его, как и Эймса в конце XX века в США, погубила жадность: Остик не хотел скрывать полученного за свои услугу от русских богатства, даже принял от Нащокина дорого коня, да еще на досуге поправлял свое финансовое положение изготовлением фальшивых польских монет. Вскоре арестованный поляками Остик под пытками признал свою работу на русских, да еще заявил о своем обещании Ивану Грозному через посла Нащокина «при удобном случае попробовать убить короля Стефана». Хотя это, возможно, был и самооговор, польский аналог стихийной контрразведки работал по тем же лекалам и заказам верховной власти и пользовался теми же методами дознания. В результате Остик в 1580 году был казнен в Варшаве[1].

В разведке против Польши со времен Ивана Грозного использовался и такой метод её ведения, как ложные перебежчики. Польские хронисты времен Ливонской войны отмечали, что часть русских перебежчиков только прикрывается возможными гонениями на них на Руси, а сами перешли границу с целью дезинформации польского командования и последующего сбора данных уже в тылу противника.

Вот упоминание о таких первых российских подставных агентах, или лжеперебежчиках, во «Всемирной истории шпионажа»: «Сам Иван Грозный высоко ценил всякую разведывательную информацию. В сборнике «Иностранцы о древней Москве» приведено свидетельство некоего Михалона Литвина о делах того времени: У нас (в Литве) большое число московских перебежчиков, которые, разузнав наши дела, средства и обычаи, свободно возвращаются к своим, пока они у нас, тайно передают своим наши планы. Между московскими перебежчиками, которые в темные ночи убивали людей в Вильне и освобождали пленных своих земляков из темниц, был один священник, который посылал к князю своему с договоров, указов и других бумаг, тайно добытых в королевской канцелярии, копии. Хитрый этот человек (Иван IV) назначил награду возвращающимся перебежчикам, даже пустым и бесполезным: рабу – свободу, простолюдину – дворянство, должнику – прощение долгов, злодею – отпущение вины»[1].

Из этого сообщения польского свидетеля можно сделать несколько занятных выводов. Не только о том, что лжеперебежчики помимо простого сбора и переправки в Московию информации занимались в Польше и Литве настоящими диверсиями и силовыми акциями по освобождению пленных русских солдат. И даже не о том, что выкрадывал у поляков секретные бумаги королевской канцелярии священник-перебежчик. Главное в этом свидетельстве – в России поощряли затем не только специально заброшенных в Польшу под видом перебежчиков, но и амнистировали тех вернувшихся, кто действительно ранее перебежал по каким-то причинам из России. Причем поощряли их не только в случае доставки на родину каких-то важных сведений, но и «пустых и бесполезных» с точки зрения разведки. И поощряли не просто вернувшихся из польского плена, но и бывших предателей родины. Причем не только амнистию за побег, но и заметные льготы с наградами за возвращение в Россию (свободу, дворянство, амнистию за прошлые грехи, от которых и бежал) обещал лично царь, считаемый в нашей истории самым кровавым тираном[2].

Нелегко складывались судьбы многих русских разведчиков. Несмотря на большие заслуги перед Отечеством, многие из них подвергались необоснованным репрессиям, знакомым современному читателю по 30-м, да и более поздним годам

[1] Цит. по: Симбирцев, И. Первая спецслужба России. – С. 304-305.

[1] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. – С. 305-306.
[2] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. – С. 305-306.

XX века. Но еще при Иване Грозном была пущена в ход зловещая схема: огульное обвинение в государственной измене – казнь – запоздалая реабилитация. Список жертв открывает имя *Ивана Михайловича Висковатого.*

25 июля 1570 г. царские опричники вывели на московскую рыночную площадь, прозванную в народе «Поганой лужей», около ста осужденных на смерть. Все они были сановниками – старшие и приказные чины, дьяки, подьячие. Всех Иван Грозный заподозрил в измене и заговоре против трона. Палачи разожгли огромный костер, повесили над огнем чан с водой, соорудили распятия. Грозный появился на месте казни в окружении стрельцов, дал приказ согнать на площадь всех, кто попадет по руку на улицах города. «Поганая лужа» быстро наполнялась народом. Началась церемония казни. Первым был Иван Михайлович Висковатый. Его пытались заставить публично признаться в «преступном заговоре» против царя и просить о помиловании. Но самолюбивый и твердый Висковатый отрицательно покачал головой, произнеся сквозь зубы последнюю фразу: «Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!» Грозный махнул рукой, и Ивана Михайловича распяли на кресте из бревен, расчленили живого у всех на глазах. Так закончил свой земной путь первый дьяк Посольского приказа, первый руководитель дипломатической службы царя. По свидетельству историков, Грозный любил его «как сам себя».

Что же произошло, какая черная тень легла между ними? Почему царь послал на плаху, по словам польского историка А. Гваньини, «превосходного мужа, выдающегося по уму и многим добродетелям канцлера»?

Ответ на этот вопрос не прост. Умный, грамотный, красноречивый, исполнительный – эти качества, пожалуй, и приглянулись молодому царю, который поручил рядовому, мало кому известному подьячему «ведать посольское дело». Иван Михайлович Висковатый, как никто другой при дворе, умел вникать в тексты посланий царю зарубежных государей,

находить в них междустрочный смысл, интерпретировать содержание с выгодой для царя. А потому еще до создания Посольского приказа Грозный направлял Ивану Михайловичу все заморские бумаги со своими указаниями.

И. Висковатый готовил проекты ответов, оценивал складывающуюся обстановку, планировал дальнейшие действия, причем делал это профессионально, с большим знанием дела и широкой эрудицией. Став во главе Посольского приказа, Иван Михайлович, как и подобает мудрому государственному мужу, прежде всего направил свое усердие на создание единого Царского архива, в который вошли рукописные своды и государственные бумаги московских великих и удельных князей, вся документация внешнеполитического характера и различные следственные материалы, хранившиеся до этого в «ларцах текущей документации», принадлежавших отдельным великокняжеским дьякам. Общаясь по долгу службы с иностранными послами, Висковатый постоянно заглядывал в материалы созданного им документального хранилища, наводил справки, делал выписки, определял характер и содержание оперативной информации, которую следовало бы получить во время бесед в «дьячьей избе» от литовского посланника, ногайского представителя или, скажем, посланца датского короля.

Круг интересов и обязанностей Ивана Михайловича как первого руководителя Посольского приказа был весьма разнообразен. Он ведал перепиской царя и Боярской думы с иностранными послами, решал вопросы, связанные с представлением Ивану IV вновь прибывающих в Москву дипломатов, занимался подбором кандидатов на дипломатическую службу и формированием российских посольств за границей. Архивы сохранили отдельные экземпляры переписных документов с пометками, сделанными лично Висковатым, которого зарубежные современники считали «ничему не учившимся московитом, подобного которому не было равных в то время в Москве».

Его природные дарования в полной мере оценил на себе английский посланник Ричард Ченслор. После торжественного приема у царя Ченслор вел переговоры о развитии политических и экономических связей между Англией и Россией исключительно с Висковатым, который отлично понимал значение таких связей и во многом содействовал получению англичанами «льготной грамоты» с различными привилегиями. В благодарность за это английские власти разрешили русским подданным также беспошлинно и свободно торговать на территории Англии. Кроме того, была достигнута договоренность о свободном въезде в Россию английских художников, ремесленников, медиков, «рудознатцев» и т.д., что в те времена сыграло заметную роль в сближении между двумя странами.

И.М. Висковатый всячески стремился закрепить достигнутые результаты в развитии русско-британских отношений, направив в Лондон первого русского посла Осипа Непею.

И.М. Висковтый был сторонником выхода России на Запад и потому все свое дипломатическое усердие употреблял на то, чтобы выйти к просторам Балтики. А это означало конфликт с Польшей, Швецией, Ливонией, Данией, которые считали этот регион своей традиционной сферой влияния. Понимая это, Иван Михайлович тщательно изучал с помощью специально посланных людей военно-политическую обстановку в Прибалтике, пытался ослабить союз противостоящих России государств, сам лично отправился для ведения межгосударственных переговоров в Данию в августе 1562 года. Висковатый привез в Москву союзный договор с Данией и 20-летнее перемирие со Швецией, что в значительной мере ободрило Грозного в его Ливонской военной кампании, проходившей с переменным успехом.

Нелегко было Висковатому выполнить возложенную на него миссию в Копенгагене. Король и слышать не хотел о договоре с Москвой. Иван Михайлович понял, что обычными

дипломатическими средствами успеха не добьешься[1]. И.М. Висковатому (дабы склонить Данию к союзу с Россией) пришлось решать поставленную задачу благодаря созданию «агентуры влияния». Не останавливался Висковатый перед прямым подкупом высших сановников, считая, что в этом деле – добыча информации и переговоры с иностранцами – все средства хороши. Причем подкуп того или иного лица тщательно продумывался и осуществлялся как настоящая боевая операция, задействованными в которой оказывались все входящие в посольство люди. Висковатый прекрасно понимал, что любой его прокол дорого станет для Руси, а потому в случае провала был готов всю вину взять на себя, не подставляя своих подчиненных. Но и славой он делиться ни с кем не собирался, считая свою роль в том или ином деле определяющей.

И.М. Висковатый занимался анализом важных государственных донесений, в том числе работал и с посланиями к царю, поступавшими из-за рубежа, подготавливал проекты ответов, планировал работу всего Посольского приказа и каждого из его сотрудников, в полном объеме используя собственные таланты и широкую эрудицию[2].

В 1566 году в Москву к царю Ивану IV прибыло великое посольство для ведения переговоров об условиях прекращения Ливонской войны. К этому времени военные успехи русской армии в Прибалтике заметно снизились, и поляки воспрянули духом. Они потребовали у России возвращения Смоленска и Полоцка, не желая при этом уступать русским морской порт Ригу. Переговоры застыли на мертвой точке. За дело взялся И.М. Висковатый. Он видел опасность для России в продолжении кровопролитного конфликта и предложил полякам компромисс: он согласился на перемирие при условии

[1] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. – С. 29-31.
[2] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 108-109.

вывода из Прибалтики польских войск и не настаивал на том, чтобы Польша уступила России спорные ливонские города…

Так уж повелось в русской истории, что у мудрых и коварных царей не было недостатка в толковых и знающих дело помощниках. Грозный умышленно то приближал, то отдалял от себя способных, самостоятельно мыслящих царедворцев, сталкивал их лбами, чтобы затем по-царски «мудро рассудить». Изнанкой такого политического лукавства была неизбежная вражда претендентов на царские милости. Таким политическим соперником и врагом Висковатого царь сделал окольничего А.Ф. Адашева, который внушал царю мысль о прекращении практически выигранной войны с Ливонией и переносе военных операций против Крымского ханства и Турции. Бесспорно, логика в этих военно-политических изменениях была. Русскому государству приходилось воевать на два фронта, а постоянные столкновения на востоке и особенно юге, с Крымским ханством и Оттоманской империей, сильно досаждали Ивану Грозному. Русское общество было расколото: придворная знать поддерживала линию Висковатого, рассчитывая на получение поместий на западе и расширение торговли с Англией, Германией, Голландией и другими странами. Группе А.Ф. Адашева оказывало содействие служилое дворянство, особенно воеводы, которые вдоволь натерпелись от постоянных набегов со стороны турок и татар.

Спор Висковатого с Адашевым мог решить только царь. Но намеревался ли он это сделать? Сомнительно. И тут вмешался «его величество случай». Ивана Михайловича, слывшего знатоком церковно-учительской премудрости, вовлекли в чисто теологический, церковный спор, связанный с делом о так называемой «ереси Башкина». Суть конфликта состояла в том, что один из видных религиозных мыслителей того времени Матвей Башкин, вопреки канонам Православной церкви, стал отрицать божественное происхождение Христа, необходимость церковной иерархии, а святые книги, за исключением Нового Завета, объявил «баснословием». И.М. Висковатый в присутствии царя

и бояр выступил против религиозных взглядов Матвея Башкина, но, доказав судьям свою правоту, он явно не сумел убедить в этом Ивана Грозного, который своим иезуитским умом заподозрил лукавство со стороны Ивана Михайловича. Вот уж, поистине: не бойся суда, а бойся судьи, тем более, что судья – сам царь. По воле Грозного Ивана Михайловича на три года отлучили от церкви. В первый год он должен был стоять около храма и просить входящих помолиться за него; во второй – входить в церковь только для слушания божественного писания; в третий – находиться в церкви, но без права общения. Дальше – больше. Висковатого постепенно отстраняют от ведения текущей работы в Посольском приказе, затем и формально лишают должности. А когда Иван Грозный вернулся в Москву после «наведения порядка» в мятежном Новгороде, положение бывшего первого руководителя Посольского приказа стало критическим. Его причислили к группе так называемых «московских заговорщиков» и инкриминировали «заговор» с целью сдать Новгород и Псков полякам; обвинили в тайных изменнических сношениях с турецким султаном и крымским ханом, которым Висковатый якобы «предлагал» Казань и Астрахань.

Иван Грозный быстро «разобрался» с заговорщиками и всех их отправил на эшафот.

Прошло долгих тринадцать кровавых лет после смерти Ивана Михайловича Висковатого. Трудно сказать, какими душевными переживаниями совести мучился Грозный, но, очевидно, предвидя неизбежную встречу с Богом, царь решил покаяться. С 1563 года во всех монастырях стали регулярно проводиться «поминовения опальных».

И одним из первых в трагический список поминаемых попал Иван Михайлович Висковатый. Более того, доподлинно известно, что Иван Грозный самолично прислал в Троице-Сергиев монастырь 223 рубля и на 23 рубля свечей на «помин

души Висковатого». Не зря утверждали историки, что царь любил Ивана Михайловича «как самого себя»…[1]

Висковатый выпестовал прекрасную плеяду учеников, пошедших дальше своего учителя, таких же способных, таких же эрудированных и также способных круглые сутки напролет трудиться во славу Руси. Чего стоит одна только история дипломата Семена Елизаровича Мальцева (1570-е годы), который смог, находясь в Ногайской Орде фактически под арестом и под страхом смертной казни, удержать от соблазна военного столкновения неспокойных степняков. Он с честью и достоинством вел себя в этой непростой ситуации, не уставая объяснять местным правителям, к чему может привести даже малая война с Русью. Мало того, он смог наладить доставку секретной информации к русским передовым отрядам, которыми командовал не менее знаменитый, чем Мальцев, князь Серебряный. Тогда потомков воинственных монголо-татар удалось сдержать, правда, ненадолго…

Время для государства, особенно после смерти Ивана Грозного, становилось все более взрывоопасным, на границах было неспокойно…

Летом 1591 года многочисленная конница крымского хана Казы-Гирея двигалась по направлению к Руси. Воевода (и будущий русский царь) Борис Федорович Годунов, командовавший при царе Федоре Ивановиче русским войском, стянул все находившиеся под его началом силы к Оке (у окрестностей Москвы), ожидая вражеского натиска.

3 июля 1591-го передовые отряды татар вступили в бой с русским авангардом. Несколько человек из русской конницы попали в плен. 4-го и 5-го июля русские и татарские силы готовились к решительной схватке. Но она все откладывалась: никто не хотел начинать первым, татары опасались какого-то подвоха, а русские считали, что их сил явно недостаточно для

[1] Очерки истории российской внешней разведки: в 6-ти тт. – Т. 1. – С. 32-33.

атаки позиций противника. В ночь с 5-го на 6-е июля татары были обеспокоены шумом каких-то гуляний, происходивших в стане русских. Ничего не понимая и боясь проводить разведку, татарский хан приказал привести к нему русских пленных, захваченных два дня назад. Они сообщили, что, видимо, к Годунову прибыло большое подкрепление из Пскова и Новгорода и русские радостно встречают подмогу. Казы-Гирей, обеспокоенный этим известием, не спал всю ночь, а на рассвете отдал приказ отступать. Б. Годунову осталось только потирать от удовольствия руки; никакого подкрепления не было, а просто сработал его план по дезинформации противника: и пленные, и гуляние в лагере – все это было настоящей мистификацией, рассчитанной на полнейший обман противника. Надо сказать, что Борис Годунов действовал самостоятельно, не ставя в известность царя, считая, что любая утечка информации сыграет против него. И был абсолютно прав.

Это – еще один штрих к истории русских спецслужб, могущих планировать и осуществлять важнейшие операции как в военное, так и в мирное время.

Но история с годуновским обманом на этом не закончилась: она шла по нарастающей. Воевода, узнав об отходе основных сил противника, тут же отдал приказ преследовать отступающие отряды крымских татар, нанеся им страшный удар под Тулой, уничтожив в одном бою более тысячи человек. Дальше Казы-Гирею пришлось спасаться просто бегством.

Вообще, именно при Годунове русская разведка достигла наибольшего своего расцвета, но и понесла самое жестокое поражение, «проморгав» появление самозванцев. Но это уже отдельная история[1].

Русское государство в XVI веке воевало в среднем один раз в год из двух, поэтому и разведывательные сведения, необходимые для феодальных властителей, носили преимущественно военный или военно-политический характер. Какой-

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 110-111.

либо приказ из числа органов центрального военного управления, в части организации и ведения разведки не выделялся среди прочих приказов. Однако именно в Разряд направляются разведывательные сведения и материалы из других центральных государственных органов.

В интересах сбора разведывательных сведений за рубежом в качестве «соглядатаев» использовались русские подданные – послы и члены временных русских посольств, направлявшихся для переговоров за границу. Кроме того, привлекались гонцы, торговые люди, представители духовенства, иностранцы (как пребывавшие на территории российского государства – купцы, церковнослужители, члены зарубежных посольств в Москве, перебежчики, так и находившиеся за его пределами), среди которых были лица самого различного социального и общественного положения[1].

В конце XV – начале XVI века вместо производных от *глядати (розглядати, согладяти, подглядати)* для определения процесса сбора разведывательной информации в русском языке появляются производные от глагола *ведати: доведываться, проведывать, розведывати (разведывати)* в значении «знать, иметь о чем-нибудь, о ком-либо сведения, весть, знание», разведывание (розведывание) в значении «действие по глаголу «разведывать» и ведомость в значении «весть, известие, сообщение».

«И посылали есмо того доведываться, так ли то было» – встречаем в «Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством», относящихся к 1490 году.

В царском указе Родиону Биркову, Петру Пивову, отправлявшимся в 1587 году с посольством в Грузию, говорилось: *«Да памят*[ь] *Родиону и Петру, будучи в Грузинской земле, проведати им себе тайно: как ныне Грузинской княз*[ь] *с Турским и Кизылбашским [Персидским]? И посланники или гонцы от Турского или от Кизылбашского шаха у грузинского Александра князя бывали ли ?... И война меж Турского салтана и Кизылбашского на семь лете бывала ли? И впред*[ь] *меж ними войны чаят ли?»*

Перед отправлением Ивана Евпловича Замыцкого к шведскому королю с извещением о заключении мира в 1557 году ему был дан наказ: *«Да будучи Ивану у кроля разведати про то гораздо: как Густав кроль с цысарем и с Датским королем и с Литовским королем и маистром Ливонским, в миру ли с теми и с иными государи порубежными, и с которыми государи о чем ссылка, и что Бог даст, проведает, и то, приехав, сказати царю и великому князю»*. **Разведывать** – ключевое русское слово в разведке[1].

В начале XVII века для России открылась новая эра: на царский трон взошел Михаил Федорович Романов, первый представитель династии, правившей государством чуть более трех сотен лет. Но Михаил Федорович скорее царствовал, но не правил. Практически вся государственная власть сосредоточилась в руках его отца, жесткого и не терпящего прекословий патриарха Филарета. Он лично занимался международной политикой России, курировал внешнюю разведку.

Естественно, что, руководя внешней политикой, патриарх Филарет лично взялся за дела Посольского приказа и его сотрудников, вникая во все мелочи, зная «подноготную правду» про их жен, детей и родителей, про их привычки, слабости и склонности. Удивительно, но получается, что «первую скрипку» в повышении профессионального уровня разведки в России начинают играть представители – высшие чины – Православной церкви. (А может быть, и нет ничего удивительного, ведь Церковь всегда умела хранить свои тайны и добираться до чужих тайн?) Филаретом лично был разработан единый

[1] Алексеев, М.А. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Книга I // М.А. Алексеев. – М.: Издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998. – С. 16.

[1] Алексеев, М.А. Указ. соч. Книга I. – С. 18.

шифр для ведения тайной переписки. Как отмечается в исследованиях, «при нем шифрованные послания стали называться не «затейными» (как это было принято на Руси), а «закрытыми». Тайнопись перестала быть «детской забавой», но – одним из средств и способов хранения государственной тайны. В 1633 году патриарх Филарет написал «для своих государевых и тайных посольских дел» особую азбуку и «склад затейным письмом». Сохранился наказ русскому представителю в Швеции Д.А. Францбекову, из которого видно, что при составлении донесений царю, посол должен был использовать тайнопись. Наказ заканчивался следующим образом: «Да что он, Дмитрий [Францбеков], будучи в Свее [Швеции], по сему тайному наказу о тех или иных о наших делах и тайных вестях проведает и ему о всем писати ко государю царю и великому князе Михаилу Федоровичу всея Руси к Москве посему государеву наказу тайным письмом». До наших времен дошел черновик этого наказа, в котором слово «затейным» зачеркнуто, и заменено «закрытым». Следовательно, можно сделать вывод, что в России тайнопись перестала быть затеей и превратилась в одно из средств сохранения государственных тайн[1].

При Михаиле Федоровиче Романове спецслужбы (в первую очередь, внешняя разведка) все более начинают напоминать паука, чья паутина охватывала все сферы государственной жизни, регламентации, казалось, подвергается каждый шаг того или иного чиновника, дабы врагу (в том числе и потенциальному) не дать возможность учинить «разбой и поругание». Так, в специальном наказе от 1628 года по поводу часто приезжавших в Астрахань дипломатических представителей говорилось, что воеводы должны «честь и береженье послам, посланникам и гонцам держать и приставом у них быти, и корм им давати», но в то же время и «спасенье от них всякое имети, и городских и острожных крепостей рассматривать им не давати». Можно подумать, что воеводы и сами не знали, как себя вести в той или иной ситуации. Но и за ними был установлен серьезный надзор, чтобы и здесь не допустить возможности прокола.

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 112-113.

Или другой случай.

В своем «статейном списке» (отчете о поездке за границу) некто Г. Дохтуров подробно описывает все, что он видел в пути своего следования в Англию в 1645 году. Описывая, например, датский порт Варгаву, он замечает: «И гонец Герасим Дохтуров корабельных людей спрашивал, которые ехали на английском корабле с ним, сколь людно в том датцком городе и много ли служилых людей. И корабельщик аглицкий Вадим Гудлев сказывал, что служилых людей в том городе мало, и дворов всего со 100, да и те худы»[1].

Необходимость **военной разведки** была отражена в первой военной печатной книге на русском языке *«Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки»* 1621 года Онисима Михайлова. В *«Указе о вестовщиках и лазутчиках»,* являвшемся составной частью «Устава…» подчеркивалось, что следует делать организатору разведки, в качестве которого выступает «великий воевода» – командующий войском. *«Прежде всего, подобает Государю или Великому Воеводе великое прилежание имети, чтоб ему всякие прямые вести от мужеску полу и женска известны были».* Здесь же указывалось, что для сбора разведывательных сведений должны использоваться не только «лазутчики», но и «подъезды» (в нынешнем понимании – разведывательные группы войсковой разведки), которые наряду с наблюдением за противником должны были захватывать пленных – добывать «языков», для чего предписывалось «имети в великих и малых полках добрых и прилежных, смелых людей, смотря по делу, для посылки в подъезды… чтоб добытися языки»[2].

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 114-115.
[2] Алексеев, М.А. Указ. соч. – Книга I. – С. 20.

При царе **Алексее Михайловиче**, сыне Михаила Федоровича, разведка (под флагом дипломатии) получает более широкое распространение. **1654 год:** царь Алексей Михайлович создает при себе особую канцелярию – Приказ тайных дел. Происходит некоторое перераспределение функций в государственном аппарате. Посольский приказ продолжает существовать, но разведывательная деятельность все больше переходит в ведение Приказа тайных дел[1].

Надо сказать, что Приказу тайных дел, этому прапрадеду российских спецслужб – разведывательной, контрразведывательной, охраны «августейших особ», шифровальной – в известной мере повезло. И даже дважды. Во-первых, сохранилась значительная часть секретного архива. А во-вторых, как это ни парадоксально, помогло предательство. При Алексее Михайловиче бежал за границу один из сотрудников дипломатической службы царя – Посольского приказа. Бежавший, судя по всему, имел негласное отношение и к делам Тайного приказа, был хорошо осведомлен о дворцовых секретах. Кроме того, он выполнял тайные поручения царя.

Как чаще всего бывает, перебежчик кормился за рубежом за счет продажи своих сенсационных «откровений». О Приказе тайных дел, в частности, он сообщал: в нем «сидит дьяк да подьячих с десять человек и ведают они и делают дела всякие царские, тайные и явные, а в тот приказ бояре и думные люди не ходят и дел не ведают, кроме самого царя, а посылаются того приказу подьячие с послами в государства и на посольские съезды и в войну с воеводами… И те подьячие над послы и над воеводы подсматривают и царю, приехав, сказывают. А устроен тот приказ при нынешнем царе для того, чтобы его царская мысль и дела исполнялись все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали»[2]. Ну и ну! Не

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 19.
[2] Для государевых секретных поручений // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. – С. 41-42.

дьяки и подьячие из Тайного приказа, а прямо-таки чекистская «внутренняя линия» в первых советских посольствах и особисты вместе с членами реввоенсоветов при командующих фронтами и армиями из числа военспецов времен Гражданской войны. Воистину, нет ничего нового под Луной![1]

Приказ непосредственно подчинялся царю и осуществлял контроль над деятельностью всех государственных учреждений, послов, воевод, вел следствия по важным государственным делам, занимался разведкой, в компетенцию которой входили тогда не только политические вопросы, но и, к примеру, поиск полезных ископаемых. С 1663 года к нему перешла часть функций Приказа Большого дворца по управлению царским хозяйством, охране и обслуживанию августейшей семьи.

За все время существования Приказа тайных дел должность дьяка, т.е. руководителя, в нем занимали четыре человека: Томила Перфильев, Дементий Башмаков, Федор Михайлов и Иван, он же Данила, Полянский. Все они были незнатного происхождения, но по чину приглашались за царский стол наравне с самыми родовитыми боярами. Дьяк Тайного приказа должен был всегда находиться поблизости от царя на случай, если понадобится для какого-либо спешного секретного поручения. В его обязанности входило организовывать тайную охрану, сопровождать царя во время походов и выездов на охоту и богомолье. Дьяк одним из первых встречал иностранных послов при посещении ими Кремлевского дворца и одним из последних провожал их.

Дьяку Тайного приказа, как главному доверенному лицу царя, полагался весьма высокий по тому времени оклад: триста рублей в год, не считая денежных подарков, вина и провизии из царских погребов. Кроме того, ему полагались еще и

[1] Васильев, И.И., Зданович, А.А. Спецслужбы в зеркале социологии / И.И. Васильев, А.А. Зданович // Труды Общества по изучению истории отечественных спецслужб. Том II. – С. 20.

земельные угодья. Во многих грамотах он именовался дьяком «в государевом имени», так как имел право подписывать указы, исходившие «из его, великого государя, царских палат за его, государскими, тремя красными печатями».

Для работы в Приказе тайных дел отбирались только наиболее проверенные и способные, хорошо знающие грамоту, сообразительные подьячие из других приказов. Они обучались в специальной школе, созданной при Спасском монастыре. В ней учился, например, Семен Медведев, постригшийся впоследствии в монахи под именем Сильвестра и прославившийся своими литературными сочинениями.

Выполнявшие сложные и щекотливые поручения подьячие Приказа тайных дел получали гораздо большее жалование, чем служащие других государственных учреждений. Они кормились во дворце и получали значительные суммы на дорожные и всякие иные расходы, связанные с выполнением государевых поручений. На пошив парадной одежды им выдавалось вдвое больше денег, чем, например, подьячим Приказа Большого дворца. По праздникам они щедро награждались: получали денежные подарки и съестные припасы. Наиболее старательным в качестве поощрения посылались целые мясные туши.

Работа в этом спецучреждении и усердие при выполнении личных поручений царя способствовали успешному продвижению по служебной лестнице. Подьячие Тайного приказа назначались дьяками в другие приказы, а дьяки становились думными дьяками, но и тогда продолжали оставаться особо доверенными царскими чиновниками и привлекались к выполнению все тех же секретных заданий.

Учитывая деликатность тайных поручений, царь Алексей Михайлович, да и дьяк в «государевом имени» предпочитали отдавать их в устной форме. Но если указ отдавался письменно, то его имел право читать только тот, кому он был непосредственно адресован. Прочитав секретное распоряжение, адресат тут же должен был вернуть его посланцу. А если по-

сланец по каким-либо причинам не мог вручить его адресату, то должен был вернуть царю или своему высшему должностному лицу в нераспечатанном виде. «Прочтетчи, пришли назад с тем же, запечатав сей лист», – писал царь в одном из своих указаний.

Выполнив секретное поручение, подьячие Тайного приказа были обязаны немедленно докладывать об этом лично царю. Если же доклад облекался в письменную форму, излагать на бумаге суть поручения запрещалось. Писали так: «Что по твоему, великого государя, указу, задано мне, холопу твоему, учинить, и то, государь, учинено ж».

Когда нужно было доставить особо важное секретное письмо иностранному правительству, собственному послу или воеводе, царь посылал запечатанный пакет не с обычным гонцом, а с одним из подьячих Приказа тайных дел. При этом подьячему давались дополнительные задания разведывательного характера: разузнать стороной то, что интересовало лично царя, собрать сведения о настроении людей, с некоторыми лицами провести доверительные беседы наедине по вопросам, перечисленным в тайном наказе, составленном лично царем. Нередко подьячим предписывалось скрывать свое истинное место службы, прибегая к нынешней профессиональной терминологии, действовать под прикрытием[1].

Алексей Михайлович, готовясь в последние годы своего царствования к войне с Крымским ханством, почти целиком сосредоточил в Тайном приказе весь вопрос о приготовлениях к этой войне. С февраля 1665 г. по «великого государя имянному приказу» в Тайный приказ из военного ведомства (Разряда) ежедневно доставлялись донесения о положении дел в полках. Приведенные факты – не что иное как свидетельство не исключительной, а повседневной, подчас рутинной работы

[1] Военно-исторический журнал. 1994. № 9. – С. 42.

госучреждений, связанной с укреплением безопасности страны[1].

Некоторые задания Тайному приказу можно считать весьма отдаленным прообразом нынешней *научно-технической, экономической разведки*[2]. Что касается методов вербовочной работы, то один из самых первых российских разведчиков – выдающийся государственный деятель воевода Афанасий Ордин-Нащокин использовал универсальный способ – побольше золота!

21 февраля 1672 года в Крыпецком монастыре Иоанна Богослова, что в 60 километрах от Пскова, местный игумен Тарасий постриг в монахи под именем инока Антония Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина. Так несколько неожиданно завершилась незаурядная карьера одного из самых талантливых, искусных руководителей «царственных и государственных посольских дел» боярина, которого историк В.Ю. Ключевский назвал «русским Ришелье»[3].

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин родился в 1605 году в дворянской семье в провинциальном городе Опочка. Благодаря своим недюжинным природным дарованиям он быстро осваивал иностранные языки, математику и механику, отличался большой начитанностью не только среди провинциального служивого люда, но и среди столичной вельможной знати. С поляками он легко разговаривал по-польски, с литовцами – на их родном языке. Мог изъясняться и по-немецки, научившись этому языку у заезжего иностранца в Опочке.

Царь Михаил Федорович довольно быстро обратил внимание на яркую личность, ознакомившись с несколькими его «аналитическими работами» по истории и военному делу. Одна из них – о военно-политическом положении Российского государства – пришлась самодержцу особенно по душе, по-

[1] Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Том II. – С. 19-20.
[2] Военно-исторический журнал. 1994. № 9. – С. 43.
[3] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 43.

скольку в ней впервые была четко сформулирована мысль о том, что Россия должна идти к международному признанию самостоятельным путем, используя в первую очередь свою мудрость и свой исторический опыт.

Ордин-Нащокин мечтал, чтобы Посольский приказ был «оком всей великой России», а дипломатией занимались «беспорочные и избранные люди». Однако пока ему приходилось тщетно добиваться, чтобы Посольский приказ освободили от обязанностей контролировать сборы с кабаков, что также вменялось ему в обязанность[1].

Когда в условиях надвигающейся войны с Оттоманской Портой и постоянных конфликтов с Речью Посполитой возникла реальная угроза объединенного наступления Варшавы и Стамбула на Московское государство, царю потребовался человек, который был бы в состоянии объективно оценить сложившуюся ситуацию и дать свои рекомендации по предотвращению внешней угрозы. А для этого нужно было быть поближе к театру военных действий и иметь в пограничных странах надежных друзей, которые могли бы заранее предупредить Москву о надвигающейся опасности. Выбор Михаила Федоровича пал на Ордин-Нащокина.

24 октября 1642 года Афанасий Лаврентьевич отправился в свое первое заграничное путешествие в маленький молдавский город Яссы. Этот город был выбран не случайно. В нем пересекались многие пути с Востока на Запад: из Оттоманской империи на Украину, в Польшу, в страны Западной Европы. Но главное достоинство Ясс – тогдашней столицы изнемогавшей от турецкого ига Молдавии – была прорусская, доброжелательная атмосфера, которую стремился всемерно поддерживать молдавский господарь Василий Лупу. Это он дал знать царю, что примет и комфортно устроит при воем дворе негласного посланца Московии, определив ему место в своей свите.

[1] Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого / Н.Н Молчанов. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 30.

Итак, захватив с собой подарки: серебро, шкурки соболей и чернобурых лисиц – Афанасий Лаврентьевич отправился в путь. Дорога была не из легких. Он ехал по пустынной, безлюдной местности, избегая крупных поселений и городов, чтобы не привлекать излишнего внимания к себе и дорогостоящему багажу. Василий Лупу радушно принял гостя. Он выделил ему удобную резиденцию, прислал гардероб национальных молдавских одежд, назначил хорошее «жалованье». Ведь по тайному уговору между российским царем и молдавским господарем было условлено, что Афанасий Ордин-Нащокин поступает на службу к Василию Лупу, будет выполнять его личные указания и распоряжения. В общем, выражаясь современным профессиональным языком разведчиков, молдавский господарь любезно предоставил московскому гостю надежную «крышу», которой он разумно и воспользовался.

Ордин-Нащокин начал с изучения обстановки. Прежде всего, государю московскому требовалась информация о планах польского и турецкого правительств и их военных приготовлениях против России. Где её достать? Нужны люди, которые знали бы, о чем думают и что намереваются делать правители Стамбула, Варшавы и союзных с ними государств. В те далекие времена такой разведывательной информацией до некоторой степени располагали духовные пастыри – греческие монахи – и странствующие русские и молдавские купцы. И Ордин-Нащокин нашел к ним верный подход: золото и православие. Результат оправдал ожидания. В Москву стали уходить частые доклады и наблюдения об обстановке на российской границе. В одном из них, в частности, подробно излагалось содержание антирусских выступлений в Сейме Польши в 1642 году, в другом – о намерениях крымских ханов совершить поход на Москву, в третьем – о коварстве литовских князей и их сговоре против московского царя.

Афанасий Лаврентьевич отлично сознавал, что в лице Василия Лупу он имел не только доброго покровителя и личного

друга, но и надежного союзника России, проводника её политики, защитника её международных интересов. Поэтому он всегда помогал Лупу в укреплении его авторитета и расширении влияния, подчеркивая в своих докладах новому царю – Алексею Михайловичу – значение для Москвы личности Лупу и его преданности православию.

Заканчивая свою миссию в Молдавии, Ордин-Нащокин увозил с собой не только приятные воспоминания о Молдавии, но и личное послание В. Лупу московскому царю. В послании, в частности, говорилось: «Где ни услышу де какое дурно к Его царскому Величеству, или што де мне укажет Его царское Величество, и аз де готов ему, государю, головой своей служить».

А тем временем над Россией сгущались тучи большой войны. Речь шла о возможности внезапного нападения объединенных польско-датских вооруженных отрядов, сгруппировавшихся для атаки в западных приграничных районах. И Афанасия Лаврентьевича спешно призвали помочь разузнать о намерениях «супостатов». Ордин-Нащокин не растерялся. «Если в Молдавии мне содействовали духовные иерархи, почему бы и на этот раз не обратиться к ним за содействием», – рассуждал он. Так Ордин-Нащокин установил контакт с архимандритом Духова монастыря в Вильно Никодимом и уговорил его разузнать о планах Польши и Дании. Секретный доклад царю был оптимистичен: «Дания не намерена ссориться с Россией из-за неудавшегося сватовства принца Вольдемара к русской царевне Ирине Михайловне – сестре Алексея Михайловича. Поляки в одиночку на Россию не нападут», – сообщил в Москву Афанасий Лаврентьевич.

Царь Алексей Михайлович мог на какое-то время вздохнуть свободно. Другой противник России – Швеция – усиленно готовился к восточному походу. Теперь Ордин-Нащокину судьба уготовила роль своего рода военного разведчика. Он должен был подробно описать царю театр возможных военных операций в Прибалтике. В секретных посланиях в Москву

Афанасий Лаврентьевич называл численность шведских вооруженных сил, давал подробное описание состояния дорог и военных фортификаций, рекомендовал наиболее удобные пути передвижения русских войск. Как разумный политик и прозорливый дипломат, он в то же время советовал царю шире применять практику найма на платную военную службу в российскую армию солдат из числа латышей, что, по его мнению, способствовало бы росту русофильских настроений среди прибалтийского населения.

С 1650 по 1666 год Ордин-Нащокин выступал по указанию царя в различных ипостасях. Он был посредником на российско-шведских переговорах о взаимном обмене пленными: 607 человек были переданы шведам и 462 россиянина вернулись на родину. Но одновременно ему приходилось заниматься и делами, не связанными с внешней политикой, наиболее крупным из которых было подавление вспыхнувшего в Пскове «хлебного» восстания[1].

Но все-таки душа Афанасия Лаврентьевича больше тяготела к внешней политике. Недаром историки считают звездным часом его дипломатического и разведывательного искусства заключение Андрусовского договора 1667 года между Россией и Польшей, по которому к России вернулись её исконные территории – Смоленское и Черниговские воеводства, Северская земля. Благодаря этому договору Россия получила тринадцать с половиной лет перемирия с Польшей и право управлять Киевом. Все Запорожье объявлялось совместным владением России и Речи Посполитой «на общую их службу от наступающих басурманских сил». Но главный свой успех Ордин-Нащокин видел даже не в земельных приобретениях, а в том, что ему удалось надолго вбить клин между извечными врагами России – Речью Посполитой и Крымским ханством. Нелестное определение «басурмане» было, как бы невзначай,

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 4-46.

вставлено в текст Андрусовского договора именно с подачи Афанасия Лаврентьевича.

Москва с восторгом встретила посольский кортеж Ордин-Нащокина. По свидетельству историков, весь царский двор собрался в Дорогомиловской слободе, чтобы чествовать триумфатора. Это произошло 1 февраля 1667 года, а уже через день после прибытия в Москву и доклада государю Ордин-Нащокин «был пожалован в бояре». Он получил также 500 крестьянских дворов в Костромском уезде, вотчину в Порецкой волости под Смоленском с пристанью на реке Касыле, 500-рублевый боярский оклад и атласную шубу на соболях. По специальному указу царя, Афанасий Лаврентьевич возглавил Посольский приказ, который он тут же принялся усердно расширять. Кадровый аппарат приказа при Ордин-Нащокине практически удвоился. Причем он лично подбирал надежных людей, способных и обаятельных, умевших в личных беседах с иностранцами так ставить вопросы, чтобы на основе ответа можно было загодя составить информацию государю, до того как иностранный посол будет принят в Кремле российским монархом.

Руководитель Посольского приказа, однако, недолго купался в лучах славы и монаршей милости. Он лично на себе испытал справедливость старинной русской поговорки: «Подальше от царей – головушка целей!» Кто-то из завистливых придворных сумел убедить российского государя в том, что Ордин-Нащокин «уж больно рьяно и подозрительно» старается замириться с Речью Посполитой в ущерб сношениям с другими государствами. А тут как раз на имя царя пришла «служебная записка», исполненная рукой самого Афанасия Лаврентьевича. В своем послании царю глава Посольского приказа упорно повторял мысль о необходимости заключения русско-польского союза и даже о возможном возвращении Киева полякам. Эта записка и решила дальнейшую судьбу «русского Ришелье». Его предполагаемая поездка в Речь Посполитую была отменена, он был лишен звания «оберегателя Посоль-

ского приказа». А в конце 1671 года царь и формально принял отставку своего первого дипломата. В присутствии всех своих приближенных царь зачитал указ, в котором говорилось, что он принимает отставку А.Л. Ордин-Нащокина и «освобождает его явно от всей мирской суеты».

Ордин-Нащокин был внешнеполитическим деятелем крупной величины – «наихитрейшей лисицей», по выражению вступавших с ним в переговоры иностранных представителей. «Это был мастер своеобразных и неожиданных политических построений, – писал В.О. Ключевский. – Вдумчивый и находчивый, он иногда выводил из себя иноземных дипломатов, с которыми вел переговоры, они ему же пеняли на трудность иметь с ним дело: не пропустит ни малейшего промаха, никакой непоследовательности в дипломатической диалектике, сейчас подденет и поставит в тупик неосторожного или близорукого противника».

У Ордин-Нащокина была своя заветная мечта, которую он пытался осуществить с большим упорством и последовательностью. Он считал первостепенным направить все усилия Российского государства на приобретение «морских пристаней» на Балтике[1]. Афанасий Лаврентьевич считал, что против Швеции надо создать коалицию, отобрать у нее Ливонию и получить выход к морю. Но для этого следовало помириться с турками, а с Польшей даже заключить союз. Иначе говоря, надо резко и смело преобразить всю внешнюю политику. Тогдашний Кремль к такого рода делам оказался неспособен. И хотя Ордин-Нащокин был государственным канцлером, а точнее, «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателем», хотя царь Алексей Михайлович любил и уважал его, ему не дали возможности сломить инерцию московского двора. Карьера «русского Ришелье»,

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 46-48.

как называли иностранцы Ордин-Нащокина, кончилась тем, что он ушел в монастырь[1].

В тринадцать лет Артамон – сын дьяка Сергея Матвеева, выдвинувшегося на дипломатической службе при царе Михаиле Федоровиче, – был взят во дворец. Будучи старше наследника престола царевича Алексея Михайловича на четыре года, он рос и воспитывался вместе с ним. Позднее они даже состояли в некотором родстве. Дело в том, что Артамон Матвеев был женат на Евдокии Григорьевне Гамильтон, происходившей из знатного шотландского рода, обосновавшегося в России еще при Иване Грозном, а родной дядя царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, второй жены Алексея Михайловича, был женат на племяннице Евдокии Григорьевны – тоже из рода Гамильтонов.

В 1633 году *Артамон Матвеев* – особо доверенное лицо – направляется Алексеем Михайловичем на Украину для приведения малороссиян, как тогда было принято говорить, в подданство России. В последовавшей за этим войне с поляками он способствовал освобождению Смоленска, начальствовал в битве против поляков при Каменец-Подольском, осаждал Львов и вместе с князем Ромодановским отвоевал Чернигов. Впоследствии он дважды направлялся в Литву и Польшу для конфиденциальных переговоров с гетманом Гонсевским об избрании царя Алексея польским королем. В 1669 году он направляется царем в Глуховскую раду, где успешно отстаивает невозвращение Киева полякам. Позднее Алексей Михайлович назначает его главой двух важнейших царских приказов – Малороссийского и Посольского, из думных дворян жалует в окольничие, а затем и в ближние бояре.

Современники отмечали его особое умение ладить с людьми, не задевать самолюбие строптивых придворных бояр, уходить от конфликта, его верность и преданность Алексею Михайловичу. Но не только это сделало его царским любимцем.

[1] Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого. – С. 30-31.

Артамон Матвеев был одним из наиболее видных лидеров нарождающейся новой России. Крупный государственный деятель, выдающийся дипломат, военачальник, разведчик, писатель, историк, основатель русского придворного театра – вот лишь неполный перечень многогранных ипостасей этого человека. Наряду с такими известными деятелями, как Ордин-Нащокин, он входил в образовавшуюся вокруг царя «избранную думу» преобразователей, «западников», людей новых, в основном «худородных», которые служили при дворе своеобразным противовесом родовитым представителям старины. Трудами преобразователей укреплялась государственная система, создавалась дипломатическая служба, значительно расширялись контакты с зарубежными странами, реформировалась армия по западному образцу, все чаще стали говорить о необходимости выхода к морю и создания собственного флота.

Но какое отношение имел Артамон Матвеев к делам государевых спецслужб? Самое прямое. На протяжении всей жизни он, например, был связан со стрельцами: сначала стрелецкий голова, глава московских стрельцов, а потом и всего Стрелецкого приказа. В обязанности стрельцов входила охрана царского дворца и дипломатического корпуса. Как это выглядело на практике?

При особе государя в качестве телохранителей постоянно находились 200 человек – выходцев из дворянских семей. Ночью подле царской спальни дежурил главный спальничий с одним или двумя приближенными царедворцами. В соседней комнате находилось шесть телохранителей, а в следующей располагались еще 40 человек. Кроме того, у каждых ворот и дверей дворца стояли отборные молодцы. К постоянной дворцовой страже принадлежали также 2000 стремянных стрельцов, которые поочередно стояли день и ночь с заряженными пищалями и зажженными фитилями – по 250 у дворца, на самом дворе и у казначейства.

Что касается зарубежных представительств, то в Москве их окружали самым пристальным «вниманием». При дверях иностранной миссии ставились «караульщики»; особые «приставники» (т.е. сотрудники службы наружного наблюдения) сопровождали иностранцев, если они выходили в город, что, впрочем, не дозволялось без уважительной причины. Никому также нельзя было, не навлекая на себя опасного подозрения, приходить к послу и говорить с ним по частным делам. Если кто-то из сотрудников посольства заболевал, то к нему не допускались или редко допускались придворные лекари из числа иностранцев (других врачей тогда в Москве не было).

В середине XVII века недалеко от Кремля бы построен специальный Посольский двор с просторными сенями, золототканными обоями и мебелью, покрытой красным сукном. Теперь, как отмечал посланец Шлезвиг-Гольштинского двора Олеарий, неоднократно посещавший Москву, послов принимали с большей вежливостью. После первой аудиенции посол со свитой могли без труда выходить из квартиры и осматривать город даже без провожатых. «Оттого, – отмечал Олеарий, – европейские государи не боятся теперь посылать в Москву послов, а некоторые даже имеют там постоянных резидентов». При Олеарии в Москве жили шведский и английский резиденты; во второй половине XVII века, кроме них, упоминаются резиденты датский, польский и персидский.

Но до первой аудиенции послов держали по-прежнему в самом строгом заключении. Тот же Олеарий свидетельствует, что, едва гольштинское посольство разместилось в своей квартире, пристава принесли ему суточное содержание и, удаляясь, заперли ворота и приставили к ним 12 стрельцов, строго приказав никого не пускать ни со двора, ни на двор!

Одни только пристава приходили к послам каждый день, чтобы развлекать их и справляться, не имеют ли в чем нужды.

Нужды особой они, по всей видимости, не испытывали. Гольштинскому посольству, свита которого состояла из 34 человек, в Москве ежедневно выдавалось по 62 каравая хлеба,

по четверти быка, по 4 барана, по 12 кур, по 2 гуся, по одному зайцу или тетереву, по 50 яиц, по 10 копеек на свечи и по 5 – на мелочные расходы по кухне, по четверти ведра испанского вина, по два ведра меда, по три четверти ведра пива и несколько меньше водки; кроме того, посольским слугам отпускалось по бочке пива, по бочонку меда по бочонку же водки. Сверх всего этого выдавали на неделю пуд масла и столько же соли, три ведра уксусу, а по воскресеньям прибавляли по 2 барана и одному гусю. В дни прибытия посольства в Москву, а также в дни больших праздников и придворных торжеств содержание посольства удваивалось…

Что касается развлечений, то на сей счет имеется немало свидетельств о том, что пристава были большими мастерами устраивать застолья. Это называлось «поить гостя», причем, «как можно пьянее». Пили за здоровье великих государей, потом их братьев, сыновей и прочих родственников и важных лиц обоих государств. Известный русский историк В.Ю. Ключевский так писал по этому поводу:

«Пристава часто вполне достигали своей цели – напоить посла, причем дело не обходилось часто без печальных историй. Но при этом достигались иногда и другия важные цели: подвыпивший посол не раз проговаривался о том, что ему приказано было держать только на уме»[1].

Справедливости ради надо сказать, что к концу XVII века некоторые варварские обычаи в обращении с иностранными послами стали постепенно принимать более цивилизованные формы. Подозрительность уже не обнаруживалась так резко, хотя полностью и не исчезла. По-прежнему зорко следили за тем, чтобы сотрудники посольства не входили в слишком короткие отношения с жителями Москвы, особенно с иностранцами. Послам говорили, что они могут посещать все, кому что будет угодно, но на самом деле устраивали так, чтобы немногим удавалось поддерживать такой контакт на официальной основе. Стража подвергала строгому допросу всех желающих видеть посла и своей бесцеремонностью у многих отбивала охоту к подобным посещениям. Если иностранец, служивший в русском войске, просил у своего начальника разрешения повидаться с посольскими людьми, ему не отказывали, но внушали при этом оставить свое намерение, чтобы не возбудить подозрения при дворе.

[1] Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 58-60.

Женщинам контакты с иностранцами вовсе запрещались. Например, английский представитель в Москве Карлайль не мог добиться позволения для своей жены видеться с английскими купчихами, жившими в Немецкой слободе. Из отряда стрельцов, ежедневно сторожившие Посольское подворье, несколько человек размещалось по потаенным углам с целью предупреждения и пресечения нежелательных посещений. Есть сведения, что эти стрелецкие добры молодцы не только прятались по темным углам, но и открыто «несли службу» прямо под окнами подворья.

В.О. Ключевский, ссылаясь на свидетельства иностранцев, сообщает о том, что письма, направлявшиеся из-за границы послам в Москву, якобы вскрывались, прочитывались и потом уничтожались. Видимо, нельзя исключать, что в «дипломатической» практике имели место и такие случаи. А если имели, то только с ведома главы Посольского и Стрелецкого приказов, ближнего боярина Артамона Сергевича Матвеева.

Были у Стрелецкого приказа и другие функции: участие в сыскном деле и пыточных процессах. Приказ тайных дел для удобства царя помещался рядом с его покоями, то есть в верхних кремлевских палатах – «в Верху», как было принято говорить тогда. Поэтому всякие сыски и расследования по подозрению в угрозе государевой безопасности назывались «государевым верхним делом». Попавших под подозрение частенько пытали: тащили в застенок, делали «стряску» – били кнутом или жгли огнем, а то и на дыбу ставили, чтобы «язык развязался». Вся эта «черная и грязная» работа проделывалась

уже не по соседству с царскими покоями, а в Стрелецком приказе.

Способы следствия были настолько жестокими, что многие, «не истерпя пытки», наговаривали на себя, предпочитая невыносимым мукам скорую смерть. Заподозренные в преступлении, пытаясь избежать следствия, нередко кончали жизнь самоубийством. Поэтому предписания Тайного приказа часто сопровождались припиской: взятых под стражу «беречь накрепко, чтобы над собой какого дурна не учинили». Охрана задержанных по «государеву верхнему делу» поручалась стрельцам.

Личная причастность Артамона Матвеева к важнейшим государевым делам подтверждается многими примерами. Он, в частности, доказал свою преданность царю в «деле» патриарха Никона, пытавшегося поставить себя выше царя. Известно, что 12 октября 1667 года А.С. Матвеев по личному указанию царя выехал для встречи патриархов Александрийского и Антиохийского соборов, прибывших в Россию по делу Никона. В задачи Матвеева входило убедить патриархов в виновности Никона. С подобным поручением царь мог направить только особо доверенное лицо, знающее всю подоплеку дела и обладающее даром убедительной аргументации. Матвеев успешно выполнил эту миссию. 4 ноября патриархи были приняты царем. Во время аудиенции присутствовал стольник, полковник и голова московских стрельцов Артамон Матвеев. Для разбора дела был созван церковный Великий собор, который объявил Никона простым монахом и отправил в заточение в Ферапонтов монастырь.

Аналитические способности Матвеева, его умение правильно оценивать ситуацию и прогнозировать её дальнейшее развитие ярко проявились во время восстания Степана Разина. В челобитных на имя царя в 1669 году он предупреждал, чтобы разинцев не выпускали из Астрахани, иначе к ним присоединятся и появится тыл, который будет поставлять оружие, продовольствие и людей для войск бунтовщика. После ареста

Разина и его брата в 1671 году Матвеев сообщал царю: «А в том деле работишка моя, холопа твоего, была»[1].

В деятельности Артамона Матвеева особенно выделяются события, связанные с Украиной. Именно здесь наиболее ярко проявились его способности разведчика и дипломата. Украина середины XVII века представляла собой сложнейшее переплетение самых противоречивых общественных сил. Представители разных национальностей (украинцы, русские, поляки, литовцы, евреи), разных вероисповеданий (православные, католики, униаты), разных социальных слоев (шляхта, мещанство, казацкая старшина и «голота») находились в постоянном движении, противоборстве. На украинские богатства и земли с известной долей вожделения поглядывали из Крыма, Турции, Молдавии, Польши, да и со стороны северного соседа. Наибольшие притязания на украинские земли предъявляла польская шляхта.

В это время в казацкой среде появляется новая яркая фигура – Богдан Хмельницкий, человек неизвестного происхождения, объявивший себя «гетманом» Украины, вступивший в вооруженную борьбу с Речью Посполитой и обратившийся к Московскому государству с просьбой принять его со всем войском казацким в российское подданство.

Царь в ответ направляет на Украину посольство во главе с Артамоном Матвеевым. Задача перед посольством очень непростая. Прежде всего необходимо разобраться, с кем конкретно имеешь дело.

Сейчас все кажется очевидным. В Киеве на высоком постаменте стоит огромный бронзовый памятник с гетманской булавой, во время Великой Отечественной войны был учрежден орден Богдана Хмельницкого… Но триста с лишним лет назад было много сомнений. И Артамону Матвееву предстоя-

---

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1 – С. 61-62.

ло решить: кто же он, этот новоявленный атаман – авантюрист или крупная историческая личность?

Были сведения, что Хмельницкий происходит из мелкопоместных дворян. Но они не подтвердились. Были другие сведения, что отцом «гетмана Украины» был еврей, мясник из города Хмельника в Подолии по имени Берко, крещеный Михаилом. Он поселился в деревне Субботово и содержал там кабак, затем какими-то неведомыми путями Богдан попадает в плен к крымским татарам. Не воспользовались ли крымчаки его пребыванием в плену для обращения будущего гетмана в свою «бусурманскую» веру? Известно было еще и другое: учился Богдан у иезуитов, но, кажется, только в первых классах, хоть вроде бы и освоил латынь… Как же все-таки понимать высказанную в Москве просьбу посланцев Хмельницкого, «чтобы великий государь их пожаловал, для православных христианские веры велел гетмана их со всем войском запорожским принять под свою государеву высокую руку»? Нет ли здесь какого подвоха?

Матвеев уже в пути приступил к выполнению тайного царского наказа. Проезжая по городам и весям, люди Матвеева, да и он сам, посол, подробно беседовали с местными жителями. Их интересовал широкий круг вопросов. Много ли войск у гетмана? Есть ли в нем иностранные наемники? Много ли войск крымского хана у гетмана, и как они ведут себя на Украине? Хочет ли польский король заключить союз с Хмельницким? Согласится ли на это Рада? Поддержит ли она стремление Хмельницкого воссоединиться с Россией?

Не доверяя полностью Хмельницкому, царский эмиссар хотел понять мотивы, движущие им, особенно интересовался его связями с Речью Посполитой. Известно, в частности, что Матвеев имел тайную встречу с неким монахом Феофилом, который был послан гетманом Потоцким с письмом к Хмельницкому. От Феофила Матвеев узнал, что польские магнаты сильно обеспокоены военными приготовлениями России. В близком окружении Хмельницкого Матвеев установил доверительные отношения с писарем Иваном Выговским, через которого стало известно о попытках Турции присоединить к себе Украину…

Уже из этих скудных сохранившихся свидетельств вполне ясно, что поездка Матвеева к Хмельницкому и состоявшиеся с ним 4 июля 1653 года секретные переговоры выходили далеко за рамки ныне принятой дипломатической практики.

Посольство Матвеева подтвердило желание украинского народа воссоединиться с русским. Люди Матвеева собрали важный стратегический материал: «сколько ныне у гетмана полков ратных людей учинено и кто у них полковников имена». Большое значение имела информация о приготовлениях Речи Посполитой, Турции, Крыма к военным действиям против России.

8-9 января 1654 года в Переяславе состоялась казацкая рада, на которой было торжественно провозглашено воссоединение Украины с Россией. 11 января Артамон Матвеев, присутствовавший на Переяславской раде, направился с отчетом к царю.

После смерти Богдана Хмельницкого на Украине начинается продолжительный период брожения, снова различные социальные и религиозные силы и группировки вступают в междоусобное противоборство. В 1669 году царь Алексей Михайлович назначает Матвеева главой Малороссийского приказа. Историки отмечают, что в период правления Матвеева сведения о внутренних и внешних событиях поступали в основном от многочисленных агентов, специально направлявшихся на Украину. Ими часто были служащие Малороссийского приказа – дьяки и подьячие.

В 1673 году Матвеев внимательно следил за отголосками разинского восстания в Запорожье, где действовал некий самозванец, выдававший себя за царевича Симеона, сына Алексея Михайловича. Матвееву удалось подкупить казацкую верхушку и заполучить самозванца. Матвеев принимает личное участие в его допросах и все полученные материалы направ-

ляет царю. 17 сентября 1675 года Матвеев объявляет царской приговор самозванцу: «казнь вершить на Красной площади, четвертовать и по кольям растыкать…».

Мог ли всемогущий вельможа тогда почувствовать, что в скором времени его ждет почти такая же участь?

После смерти Алексея Михайловича в 1676 году Артамон Матвеев оказался в опале, в ссылке, а затем был лишен боярского чина, поместий и всего имущества. Только в мае 1682 года после смерти Федора и назначения новым царем 10-летнего Петра его мать Наталья Кирилловна Нарышкина, воспитанница Матвеева, принимает срочные меры для его приезда в Москву. Чины, власть и богатство снова возвращаются к нему. Но всего на несколько дней…

Сторонники Милославских – родственников первой жены Алексея Михайловича – поднимают в Москве стрелецкий мятеж. 15 мая стрельцы с пушками двинулись в Кремль, требуя престолонаследия для царевича Ивана и назначения царевны Софьи правительницей до его совершеннолетия. Среди стрельцов распространили слух, что царевич Иван якобы убит. Тогда они потребовали немедленной казни всех Нарышкиных. Вышедшему к толпе Матвееву в какой-то мере удалось утихомирить страсти. Но сторонники Софьи снова стали провоцировать стрельцов, пугая их расправами в том случае, если они поддадутся уговорам. Отряд стрельцов ворвался во дворец. Артамон Матвеев был схвачен разъяренной толпой, выведен на Красное крыльцо и сброшен на пики.

Так была поставлена последняя точка на периоде правления Алексея Михайловича Тишайшего с его заботами об укреплении авторитета и могущества государства Российского, с его делами, явными и тайными, без которых едва ли стали бы возможны великие преобразования его сына Петра[1].

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 64-65.

Основным направлением внешней политики России с середины 1670-х годов стала борьба с Турцией (из-за украинского вопроса). Наиболее вероятными союзниками России могли стать те государства, которые также подвергались турецкой агрессии, а именно Речь Посполитая (Польша), Римская империя и Венеция. В задачу Посольского приказа входила оценка военной мощи этих стран. Вот как описывали боеспособность Речи Посполитой в статейных списках 1667 года российские разведчики (и по совместительству дипломаты) И.А. Желбяужский и Г. Кузьмин: «… И прежь до сего владенье его (короля Яна Казимира) было несовершенное, а ныне де и досталь стало владенье королевское безмочно». В то же время послы подчеркивали, что «служилые люди и чернь готовы от турка обороняться и с великим государем перемирия не разрывать». В 1673 году переводчик Посольского приказа А. Виниус в дополнение к этому писал, что в Польше «разделение великое, где друг друга встретят, бьют, скудость такая, что войску заплаты достать не могут. Многие начальные люди, немцы из Польши выезжают и за их денежной скудостью и несогласием служить им не мочно».

После заключения в 1686 году «Вечного мира» России с Речью Посполитой дьяк К.Н. Нефимонов должен был выяснить, почему польский король, не соблюдая союзного договора, плохо воюет с турками и можно ли на него надеяться впредь. В своем отчете Нефимонов, связывая события внешней политики с внутренним экономическим положением Речи Посполитой, приходит к выводу, что войско оголодало и «изнищало по причине великого недороду хлеба, и потому де поборов взять не с кого».

Как видно из приведенных сообщений сотрудников Посольского приказа, разведка выстраивает свои действия достаточно планомерно, расширяет сектор наблюдения, очень глубока в анализе и не спешит с обобщениями[1].

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 115-116.

На наш взгляд, совершенно точно подмечено, что во второй половине XVII века «тайные операции начали проводиться уже не только во время военных действий, но и в мирное время. Разведка стремится стать *непрерывной* (курсив авторов). Успех был на той стороне, где ей уделялось должное внимание, где она располагала достаточными силами, средствами, действовала находчиво и дерзко, где ею руководили и в ее рядах были бесстрашные и талантливые люди. Разведка была чрезвычайно опасной профессией: допущенные ею ошибки никогда не прощались, вели к тяжелым потерям. И еще одно – было ясно, что она не приемлет людей посредственных»[1]. Здесь, в разведке, начинают работать действительно специалисты (в первую очередь, те, кто прекрасно разбирается в международных делах, в экономике, географии, во взаимоотношениях, складывающихся между различными правящими домами Европы, кто в состоянии «играть» на противоречиях между многочисленными родственниками восточных деспотов). И такие люди были.

Практически всю дипломатическую переписку Алексей Михайлович вел исключительно через Приказ тайных дел (чем очень обижал Посольский приказ и его руководство), кроме того, всегда поручал ему же собирать сведения о настроениях населения тех местностей, по которым он путешествовал. Сообщения всегда получались достаточно объемными и объективными, что в немалой степени радовало царя. Большое значение Приказ тайных дел придавал шифровальному делу, «тарабарской грамоте», работе над составлением новых шифров, над расшифровкой перехваченных сообщений, составлением аналитических обзоров. Русские послы, отправляемые за границу, получали жесткий приказ «вытвердить… памятно (то есть выучить наизусть) шифры, применяемые Посольским приказом и Приказом Тайных дел. Посол Николай Воркач получил от царя Федора Ивановича наказ, в

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 116-117.

котором говорилось: «писат письма мудрою азбукою, чтоб опричь Царского Величества никто не разумел». В шифрованном предписании подьячему Г. Никифорову поручалось передать руководителю русской делегации на переговорах с Польшей А.Д. Ордин-Нащокину написанные тайнописью рекомендации царя. Из инструкции Г. Никифорову следовало, что царь озабочен складывающейся в Ливонии и Балтике ситуацией: «Проведать подлинно, сколько ратных людей и каких в Риге и в иных городах по сей стране…»[1].

Вся переписка по дипломатическому ведомству шла через «затейное письмо», причем шифровались даже самые безобидные данные (очень силен был страх перед враждебной разведкой). Ключ к расшифровке этих посланий не записывался, – как считают исследователи, его заучивали наизусть. Существовало великое множество вариантов «секретного письма» и, как положено, никто из подьячих не должен был знать всех вариантов тайнописи. Каждый знал лишь то, что должен был знать: один или два варианта, не больше. Таким образом, уменьшалась возможность утечки информации.

Как правило, тайнопись составлялась «по одному из наиболее примитивных способов зашифровки, получивших название «литорея» (латинского «litera» - «буквенный»). «Сложность» подобного способа шифровки заключалась в обыкновенной перестановке букв, когда тот или иной текст разбивался на отдельные слоги, последние же расставлялись вместе с буквами по заранее определенному принципу: порой каждая буква заменялась специальным, особым, иногда причудливым значком (каждый из которых был прост в написании). Зачастую писцы или писали фразы в обратном порядке, составляя удивительные криптограммы, или не дописывали буквы. Такой шифр назывался «полусловицей»[2].

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 117.
[2] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 126-127.

В это время в России начинают появляться рукописные и печатные газеты. Их завозят сюда купцы и иностранцы, посещавшие наше государство. Но этот путь получения газет являлся неудобным, так как он был случаен, и потому Посольскому приказу было вменено «озаботиться» получением газет непосредственно из-за границы и переводить интересные места. И уже при царе Алексее Михайловиче, который находился на престоле в 1645-1676 годах, Россия имела за границей особо доверенное лицо, Ивана Гебдана, который обязан был не только доставлять газеты, но и опровергать все неблагоприятные для нашего государства публикации в них[1].

В 1665 году Приказ тайных дел царя Алексея Михайловича заключил контракт с Иваном Сведеном, по которому последний обязывался доставлять «всякие вестовые листы и грамоты печатные и письменные из разных государств и земель: цысарской земли и испанской земли, фряжской земли, польской земли, свицкой земли, дацкой земли, аглийской земли, итальской земли, голландской и нидерландской земли, изо всех стольных городов по вся недели, и с турского царства, и из Козыл-баш, и из Индии, также в тех вышеописанных царствах и городах деется воинских и торговых и иных всяких…».

Также известно значительное количество рукописных газет, выходивших в России еще в начале XVII века, старейшая из которых, «Куранты», составлялась в Посольском приказе для информации правительства о зарубежных событиях. Сохранились выпуски «Курантов» с 1600 года. Другие рукописные газеты чаще всего назывались «Вести», «Вести из разных мест», «Вестовые письма». Содержание их чрезвычайно разнообразно, но наибольшее внимание уделялось военным событиям.

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн / Н.Л. Волковский. В 2 ч. Ч. 1. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. – С. 106.

Таким образом, уже в рукописных газетах, которые выходили в ограниченном количестве, еще при царе Алексее Михайловиче фиксировались сведения о событиях в других странах. Это свидетельство того, что в России большое внимание уделялось военно-политическим событиям.

Заменить эти рукописные издания настоящей газетой Алексей Михайлович не смог. Предполагается, что это было исторически предопределено: царю, который боялся всяких новшеств, не надобно было убеждать народ в их поддержке[1].

Здесь стоит вернуться к вопросу о «предателях». Одним из последних можно назвать Григория Карповича Котошихина, служившего во время царствования Алексея Михайловича подьячим Приказа тайных дел.

26 января 1664 года шведский представитель в Москве (или, как тогда называли, комиссар), Адольф Эберс в зашифрованном донесении своему королю писал: «Мой тайный корреспондент, от которого я всегда получаю ценные сведения, послан отсюда к князю Якову Черкасскому и, вероятно, будет некоторое время отсутствовать. Это для меня очень прискорбно, потому что найти в скором времени равноценное лицо мне будет очень трудно».

В одном из донесений на имя короля Адольф Эберс пояснял: «Оный субъект, хотя русский, но… по своим симпатиям добрый швед… обещался и впредь извещать меня обо всем, что будут писать русские послы и какое решение примет Его царское Величество»[2].

Из этих донесений даже самому неискушенному в делах спецслужб ясно, что у Адольфа Эберса был в Москве ценный агент из числа русских, имевший доступ к секретной переписке царских послов и, по всей видимости, из близкого окруже-

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. – Ч. 1. – С. 106-107.

[2] Очерки истории российское внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1 – С. 49.

ния царя. Такой человек мог быть только из Приказа тайных дел или из Посольского приказа.

Если бы в Москве знали об этих донесениях Эберса, то предателя нетрудно было бы вычислить, зная, где в тот момент находился князь Черкасский. А он вместе с другим царским воеводой, князем Прозоровским, сдерживал в это время стоявшие на берегу Днепра польские войска. Туда же, под Смоленск, к ним прибыли проводить переговоры о мире с Польшей особо доверенный царский воевода Ордин-Нащокин вместе со своим родственником Богданом Нащокиным и подъячим Григорием Котошихиным. А.Л. Ордин-Нащокин – один из наиболее доверенных людей царя – находился вне всяких подозрений, его родственник – тоже. Остается Г.К. Котошихин.

Среди начальства и сослуживцев его не без оснований стали считать весьма способным молодым человеком с явной перспективой занять высокий пост при дворе. Сам царь благоволил к нему, хотя однажды в сердцах и приказал строго наказать его[1].

Вот, что нам известно из опубликованных источников об его истории:

Предателем он оказался оригинальным – после измены, проживая в Швеции, Г.К. Котошихин написал труд «О России в царствование Алексея Михайловича», опубликованном в России только в конце XIX века, который пользовался успехом у исследователей по истории нашей страны.

Настоящих причин измены теперь, конечно, мы никогда не узнаем, но можно предположить следующее.

Во-первых, обида на царя-батюшку. При написании грамоты вместо слов «великий государь» написал «великий», пропустив слово «государь». В XVII веке таких ошибок не

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 49-50.

прощали – «подьячему Гришке Котошихину, который тое отписку писал, велели… за то учинить наказание – бить батоги».

Во-вторых, Г.К Котошихин проявил недовольство по поводу собственного жалованья. К тому же, летом 1661 года он узнал, что его отец, монастырский казначей, был обвинен в растрате. Подоплека растраты оказалась навсегда темной, поскольку, когда у Г.К. Котошихина за долги отца конфисковали дом с имуществом, оказалось, что в монастырской казне не хватало… пятнадцать копеек! К тому же конфискованное имущество Г.К. Котошихину, конечно, не вернули.

Однако и ошибка в правописании, и долг отца не послужили поводом для «увольнения» Г.К. Котошихина из древнерусской «спецслужбы». Так, если в 1661 году за год он получил «тринадцать рублев», в 1663 году – уже тридцать.

С определенной долей уверенности возможно предположить, что Г.К. Котошихин являлся злопамятным человеком и не мог простить выпавшее на его долю «наказание», считая себя способным и даровитым человеком.

Как бы то ни было, «в прошлом во 172 году [1664 год] Гришка своровал, изменил, отъехал в Польшу». Еще ранее Г.К. Котошихин успешно «работал» на шведов. Так, в конце 1663 года он продал определенного рода информацию шведскому послу в Москве Адольфу Эберсу, получив сорок рублей (впоследствии оказалось, что Г.К Котошихину было выделено сто рублей, а разницу А. Эберс положил в собственный карман).

Последняя запись, внесенная в 1665 году в ведомости на выплату жалования дьякам и подьячим Посольского приказа, гласит: «В прошлом во 172 году Гришка своровал, изменил, отъехал в Польшу. А был он в полках бояр и воевод князя Якова Куденетовича Черкасского товарыщи». Что именно «своровал» Гришка и своровал ли действительно – установить сейчас не представляется возможным, каких-то конкретных документов или свидетельств на сей счет не обнаружено. Од-

нако сохранилось прошение на имя шведского короля Карла XI с просьбой предоставить ему убежище и работу в Швеции[1].

После бегства Г.К. Котошихин предлагает свои услуги польскому королю Яну Казимиру, выражая готовность даже «к способу в войне будет годность». Кроме того, изменник предлагал королю собственные изобретения в «военно-технической сфере» – изготовить рогатки (т.е. рогатины), которые «лутше и легче московских».

Однако Яну Казимиру перебежчик не понравился, и последний уехал в немецкий город Любек (один из главных городов Ганзы – знаменитого торгового союза Средневековья), откуда предатель перебирается в Нарву, к шведам.

Дальнейшая судьба Котошихниа подробно прослеживается по документам шведских архивов. В Нарве он встретился с еще одним перебежчиком – купцом Кузьмой Овчинниковым, о личных качествах которого достаточно красноречиво свидетельствует следующая сохранившаяся в шведских архивах запись: «В Новгороде он набрал у одного купца товару на шестьдесят любекских ефимков и, не заплатив ни гроша, скрылся». Через этого аферист Котошихин передал шведскому генерал-губернатору Ингерманландии (область по берегам Невы и Финского залива, которая в 1583-1595 и в 1609-1702 гг. находилась под властью Швеции) Якову Таубе свое прошение на имя шведского короля[2].

Однако он сильно рисковал: по следам Г.К. Котошихина уже шли стрельцы с приказом доставить его в Москву. Но изменнику повезло – шведы заинтересовались его персоной, и 24 ноября 1665 года Карл XI подписал специальный указ о «некоем русском Грегори Котосикии», в котором говорилось:

«Поелику до сведения нашего дошло, что этот человек хорошо знает русское государство, служил в канцелярии великого князя и изъявил готовность делать нам разные полезные

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 51.
[2] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 53.

сообщения, мы решили всемилостливейше пожаловать этому русскому двести риксдалеров серебром». Одновременно Г.К Котошихину сообщили, что он принят на королевскую службу, и под именем Иоганна Александра Селецкого он прибыл в Стекольн (старое русское название Стокгольма). В результате изменник был зачислен на государственную службу с неплохим окладом.

Казалось, дальнейшая жизнь Иоганну Селецкому обеспечена. Однако произошло одно неприятное событие, истоки которого, вероятно, так и останутся невыясненными. В конце августа 1667 года он пришел домой пьяным и «в состоянии алкогольного опьянения» ударил ножом хозяина дома, у которого снимал квартиру (коллегу по работе) и его родственницу; «от полученных ножевых ранений» через две недели мужчина скончался.

11 и 12 сентября 1667 года состоялся суд, который вынес довольно жесткий приговор: «Поелику русский подьячий Иван Александрович Селецкий, называющий себя также Григорием Карповичем Котошихиным, сознался в том, что он 25 августа в пьяном виде заколол… своего хозяина Даниила Анастазиуса, вследствие чего последний спустя две недели умер, суд не может пощадить его и на основании Божеских и шведских законов присуждает его к смерти». Смертный приговор незамедлительно был приведен в исполнение – все-таки изменник получил по заслугам. В заключение остается добавить, что в силу позднейших розысков, произведенных в 1837 году русским ученым С.М. Соловьевым, предатель не был предан земле и «его кости до сих пор [то есть к 30-м годам XIX века] хранятся в Упсале, как некий монумент, нанизанные на медные и стальные проволоки».

Мрачная картина, нечего сказать! Здесь и предательство, и бегство из страны, и жалкое существование, и бесславный конец – все налицо!

Но если разобраться по существу дела? Так и остается непонятным, почему «изменил» Котошихин. Все три причины,

на которые ссылается цитируемый автор, вполне могли явиться причинами ухода за «кордон». И не стоит иронизировать по поводу их якобы «незначительности», «мизерности» и проч. Все не так просто. И незаслуженное наказание за пропущенное слово, и грошовая растрата, которую Котошихин смог бы покрыть без «напряга», и малая зарплата (даже выплата за первую информацию составила бóльшие деньги, чем те, которые Котошихин получал в приказе) – все это и толкает людей на «измену». А как же иначе маленький человек, каким был, скорее всего, Котошихин, мог отомстить государству?

Это, во-первых.

А, во-вторых, не все ясно с этой проданной шведскому послу информацией. Судя по всему, Котошихин не занимал каких-либо крупных постов, то есть знания его во внешнеполитической деятельности были весьма скудны. Что он мог продать шведам? Только второстепенную информацию, не более того. А перед нами настоящий детектив, с посылкой стрельцов на задержание. Видимо, незначительность Котошихина и привела его к бесславному концу: к пьянству, к совершению преступления и, наконец, к смертной казни. И это все при довольно высокой «пенсии», назначенной ему шведским королем. Что-то здесь не вяжется?

А уж о костях, нанизанных на медную и стальную проволоку, якобы виденных С.М. Соловьевым, и говорить всерьез не приходится[1].

В 1676 году, после смерти Алексея Михайловича, Приказ тайных дел был расформирован и дела внешней разведки перешли снова в сферу деятельности Посольского приказа. Думается, что дело не обошлось без подковерной борьбы между различными политическими группировками, вылившимися затем в перманентную войну представителей одной «околоцарской» фамилии с другой. Конец этой борьбы был положен Петром Великим[1].

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 121-122.

После кончины Алексея Михайловича по понятным причинам среди бояр было немало людей, которые спешили ликвидировать и его архив. Сейчас трудно восстановить, что именно было уничтожено. Часть архивных дел было разослано по разным ведомствам, «в которые какие пристойно». Лишь небольшой дубовый ящик с личной перепиской Алексея Михайловича был «взнесен вверх», в царские покои, одним из бывших руководителей приказа дьяком Дементием Башмаковым. Он же через некоторое время принес «наверх» мешок с «тайными забавами» – шифрами.

Петр Алексеевич, став царем, вспомнил об отцовском архиве, куда входили и документы Приказа тайных дел, и велел своему тайному советнику и «ближней канцелярии генералу» Никите Зотову, воспитателю царя, обучавшему его в детстве грамоте, немедленно переписать все оставшиеся от Тайного приказа бумаги и хранить их в своей канцелярии. Впоследствии эти документы оказались в подвалах дома Двенадцати коллегий на Васильевском острове, которые не раз затоплялись во время часто случавшихся в Петербурге наводнений. Лишь в 1835 году правительствующим Сенатом была назначена специальная комиссия по разбору архива. Оказалось, что в подвалах скопилось более двух миллионов дел, многие из которых «по случаю наводнения и от долговременности» пришли в такую ветхость, что «едва ли можно узнать их содержание». Найти среди них все дела Тайного приказа, конечно, не удалось. Многие безвозвратно исчезли, другие настолько истлели, что при первом прикосновении превращались в прах[2].

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 127-128.
[2] Очерки истории российской внешней разведки: В. 6-ти тт. – Т. 1. – С. 42.

ГЛАВА II. РАЗВЕДКА И РАЗВЕДЧИКИ РОССИИ ЭПОХИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

2.1. Петр I и развитие отечественных спецслужб на рубеже XVII – XVIII веков

В апреле 2003 года издательский дом «Русская разведка» выпустил в свет книгу «Русская разведка времен Петра I» (издание вышло в свет к 300-летию Санкт-Петербурга). Как указано в аннотации, в «основу издания положены монография и научные разработки, выполненные в стенах Военно-дипломатической академии в 1947-1954 годах». Само повествование уникально по своей сути, поскольку данная тема никогда еще не освещалась в российской литературе. При Петре I, чьи годы правления почти целиком прошли в обстановке войны, *русская разведка впервые в истории стала одним из институтов государства* (курсив наш. – Авт.). Она обрела новые, достаточно стройные организационные формы и методы работы, что позволило ей встать на уровень иностранных разведок того времени, обеспечивая военные мероприятия Петра I ценными сведениями и парализуя деятельность западных противников России. В отличие от всех русских правителей, Петр I лично занимался разведкой и был её руководителем[1].

В сфере спецслужб Петр сделал все, чтобы выстроить деятельность силовых ведомств по иному, чем существовавший ранее, образцу[2].

Преображенским приказом в 1686 году в России создается тайная полиция, просуществовавшая в первоначальном виде до 1729 года. Кроме исполнения собственно полицейских функций, **она занималась и разведкой**. Руководили ею

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 130-131.
[2] Там же. – С. 132.

отец и сын князья Ромодановские: Федор Юрьевич (1686-1729) и Иван Федорович (1717-1729)[1].

9 марта 1697 года из Москвы в Западную Европу отправилось так называемое Великое посольство. Накануне поездки «государь Петр I, приняв намерение обозреть тайно европейские государства собственною своею особой под именем Преображенского полка урядника Петра Михайлова, в свите Великого русского посольства 26 декабря 1696 года отправил майора Адама Адамовича Вейде и подьячего Михаила Волкова через Курляндию, Пруссию и Саксонию к австрийскому монарху в гонцах объявлением о приезде туда оного. По прибытии велено им оставаться в Вене и между тем присматриваться к военным делам».

Как видим, первыми «глашатыми» оказались военный и дипломат. Да и сам Петр выбрал себе маску «урядника Преображенского полка». Зачем? А все очень просто: «Направляясь инкогнито в составе посольства, Петр предусмотрительно освободил себя от участия в обременительных торжественных церемониях и протокольных мероприятиях, выиграл для себя драгоценное время и подключался к переговорам лишь там, где считал это действительно необходимым». Состав участников «Великого посольства», общая численность которого с охранной и прислугой насчитывала около 200 человек, царь обозначил сам. Посольство составляли «три великие особы», более двадцати знатных дворян, 35 офицеров и сержантов Преображенского полка (в числе которых значились царь и его верный Алексашка Меньшиков). Для переброски «Великого посольства» из Москвы к западным русским границам было подготовлено около одной тысячи подвод и саней (с их сменой в Новгороде и Пскове).

[1] Соколов, В. Военная агентурная разведка. История вне идеологии и политики / В. Соколов. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. – С. 61.

Первую остановку «Великое посольство» сделало в Риге. Там оно оставило о себе неизгладимое впечатление.

Губернатор города швед Дальбер отмечал: «Некоторые русские позволили себе расхаживать по городу, влезать на высокие места и таким образом изучать его расположение, другие опускались во рвы, исследовали их глубину и срисовывали карандашом планы главнейших укреплений».

Разведка? Да, «чистой воды!». Обеспокоенный действиями русских, губернатор заявил первому послу, Лефорту, что он «не может себе позволить, дабы больше шести человек русских вдруг находились в крепости, и будет с ними для пущей безопасности караул ходить». Даже Петру (правильнее сказать, уряднику Преображенского полка Петру Михайлову) не было сделано никаких послаблений: «И когда царское величество для довольствия своего изволил с некоторыми особами из своей свиты в город ходить, то хотя его подлинно знал, такой же караул, как выше писано, приставили и злее поступали, нежели с прочими, и меньше дали времени быть в городе»[1].

Петру ничего не оставалось, как отсиживаться в местной «гостинице». Там, однако, он получил возможность составить подробное письмо, отправленное в Москву дьяку А. Виниусу, который ведал царской перепиской и которому было поручено суммировать все сделанные царем заграничные наблюдения: «Мы ехали через город и замок, где солдаты стояли в пяти местах, которые были меньше 1000 человек, а сказывают, что все были. Город укреплен гораздо, только недоделан». В этом же письме Петр отдельной строкой замечает как бы невзначай: «Впредь буду писать тайными чернилами, - подержи на огне и прочтешь…, а то здешние людишки зело любопытные».

Такая предосторожность не была излишней, ведь, по мнению современных исследователей, «Великое посольство» из

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 133-135.

огромного потока информации, которая буквально обрушилась на его участников, сосредоточило свое внимание на одном из самых главных направлений – найти кратчайший путь к усилению военной мощи России и особенно к созданию военного флота. А зачем делиться добытыми секретами с противником, зачем сообщать всей Европе о своих «белых пятнах» в военно-морском деле?

Первым в деле добычи информации оказался сам царь. Пока спутники Петра I, обремененные церемониальными мероприятиями, были на переезде в Кенигсберг, царь, прибывший туда на неделю раньше, успел пройти краткий курс артиллерийской стрельбы и получил аттестат, который свидетельствовал, что «господина Петра Михайлова признавать и почитать за совершенного в метании бомб, и в теории науки и в практике, осторожного искусного огнестрельного художника». Вот так!

Не успели остыть орудийные стволы в Кенигсберге, как с небольшой свитой Петр Михайлов продолжал двигаться, почти без остановок, на почтовых перекладных, впереди всего «Великого посольства». Один за другим мелькали города: Берлин, Бранденбург, Гольберштадт. Остановились только у знаменитых заводов Ильзенбурга, где пытливый Петр ознакомился с «выпуском чугуна, варкой железа в горшках, ковкой ружейных стволов, производством пистолетов, сабель, подков». В Германии Петр оставил несколько солдат Преображенского полка, перед которыми поставил задачу обучиться всему, что знают в артиллерийском деле немцы. Один из преображенцев, сержант Корчмин, в своих письмах к царю перечислял все, что уже было им постигнуто, и подытоживал: «А ныне учим тригонометрию».

Петр в ответном послании с удивлением вопрошал: как это преображенец Семен Буженинов «осваивает тонкости математики, будучи совершенно неграмотным?»

Корчмин с достоинством поведал: «И я про то не ведаю, но Бог и слепых просвещает».

В сентябре 1697 года «Великое посольство» прибыло в Гаагу, где начались продолжительные переговоры с голландцами: «русской стороны было высказано пожелание, в возможно короткие сроки, получить помощь кораблями, оружием, пушками и артиллерийскими ядрами. Послы просили Нидерланды построить для России семьдесят военных кораблей и более сотни галер». Эта просьба «не была уважена и сообщена послам в смягченном до последней степени любезности виде».

Долгих девять месяцев русские провели в Голландии, хозяева вели переговоры неторопливо, а гости занимались не только дипломатией, но и иными делами, рыская по стране, они интересовались всем: от выращивания тюльпанов до производства кораблей и прочим[1].

Проявляя заботу о военной мощи Российского государства, царь Петр во время своего первого путешествия в Европу в 1698 году нанял для работы в России свыше тысячи человек, подавляющее большинство которых составляли офицеры. Именно они принесли в органы военного управления передовые взгляды на ведение боевых действий, на военную разведку как вид их боевого обеспечения. Таким образом, если вдуматься, впервые в мировой истории была организована широкая утечка умов из развитых стран в Российское государство. Иностранцам были созданы все условия для нормальной и плодотворной работы, прежде всего военно-научной и военно-педагогической. Что касается разведки, то переселенцы в течение двух десятилетий выполняли приоритетную задачу по привлечению наиболее талантливых военных из числа своих бывших соотечественников для службы в России. Хотя эта работа велась довольно-таки сумбурно, но через двадцать лет она обеспечила потребность государства в военных кадрах за счет внутреннего, так сказать, «продукта».

Надо сказать, что не все иностранцы оказались пригодными для бескорыстной службы, далеко не каждый прижился в

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 137-138.

России. В это число попало и немало проходимцев, и любителей легкой наживы, да и просто людей невысокой квалификации. Воспользуются этим, конечно, и иностранные спецслужбы для насаждения в Москве, в русской армии и на флоте своей тайной агентуры. (Петр это хорошо запомнит, сделает выводы, ибо во вторую свою зарубежную поездку в Европу в 1716-1717 годах контракты с иностранцами будут заключаться с большой осторожностью).

Здесь на сцену выступила контрразведка: не дай Бог пропустить «вражину» на русскую землю. Зная взрывной характер Петра Алексеевича, русские дознаватели, прежде чем протянуть контракт на подпись, выуживали у потенциального соискателя царской службы всю подноготную.

Через далекий Архангельск прибывали в Россию иноземные капитаны, штурманы, боцманы, лекари, матросы, корабельные и огнестрельные мастера. Согласно указам Петра, их размещали по богатым дворянским и купеческим дворам. Один за другим тянулись из-за границы длиннющие обозы с огнестрельным и холодным оружием, парусным полотном, разнообразными материалами и инструментами. А. Виниус, встречавший и людей, и обозы, старательным образом учитывал все, что приходило из-за рубежа, составляя подробные описи[1].

С самого начала XVIII века Россия «активно втягивается в водоворот международной политики», завязываются её связи с западноевропейскими державами.

Политика широких международных связей Петра, его войны и завоевания, по меткому выражению В.О. Ключевского, «поставили Россию в новые внешние условия, втянули ее в международную сутолоку Европы, наделали ей новых друзей и врагов. Россия сделалась органическим членом европейской народной семьи и из равнодушной наблюдательницы запад-

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 139.

ноевропейских движений превратилась в их деятельную, хотя иногда невольную нежелательную участницу».

Требовалась разработка новой, многоцелевой и очень гибкой внешней политики, новой дипломатической стратегии. А это, в свою очередь, вызывало большую постоянную потребность в добротной своевременной информации, в том числе и секретной.

В петровские времена в международной практике понятия «дипломат» и «разведчик» были синонимами и означали фактически одно и то же: шпион. В вышедшей в 1716 году в Париже книге некоего Кальера так и говорилось: «Посла называют почетным шпионом; и в самом деле, одна из его главных задач – открывать секреты двора, при котором он находится»[1]. Петру нужно было много послов. Еще в начале его царствования Россия поддерживала постоянные дипломатические отношения с Голландией, Польшей, Швецией, Данией, Австрией, Турцией. Позднее при нем были открыты постоянные представительства во Франции, Пруссии, Англии, Мекленбурге, Гамбурге, Венеции, Курляндии, Бухаре.

Примечательно, что при Петре возникает новая форма представительства России за рубежом – двойное представительство, официальное и тайное. В 1717 году Петр посетил Париж, и в результате проведенных им там переговоров вскоре был подписан так называемый Амстердамский договор – союз России, Франции и Пруссии. Петр давно стремился к улучшению отношений с Францией и немедленно после подписания договора назначил в Париж полномочного министра барона Шлейница, бывшего до тех пор представителем России при Ганноверском дворе. Но Петр, по всей видимости, не доверял иностранцу и вскоре направил в Париж поручика гвардии графа П.И. Мусина-Пушкина, которому велено было действовать секретно от Шлейница. Впрочем, вполне возмож-

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. - Т. 1. – С. 67-68.

но, что в данном случае Петр I использовал опыт своего отца, у которого сложилась практика назначения в каждое посольство представителя Приказа тайных дел.

Петр не раз подчеркивал, что является преемником своих предков в области внешней политики. Но эту политику он проводил уже в новых условиях, на более высоком уровне. Петр I сохранил Посольский приказ, который позднее был преобразован в Коллегию иностранных дел в связи с общей реорганизацией правительственного аппарата. Сохранил и преемственность кадров (руководители приказа – В.В. Голицын, Е.И. Украинцев и др.). При Петре I в 1699 году послом в Голландию был назначен *Андрей Артамонович Матвеев* (сын последнего руководителя Посольского приказа при Алексее Михайловиче). Андрей Матвеев, едва начав свою дипломатическую карьеру, сразу был назначен на ответственную должность в страну, где перекрещивались внешнеполитические интересы практически всех европейских государств.

Матвеев быстро установил хорошие личные связи с представителями ряда иностранных государств и наладил дело так, что вскоре стал получать от них заслуживающую внимания конфиденциальную информацию. Не обошлось, правда, без курьеза. Молодой Матвеев проявил столь экстраординарную «прыть», что в том же 1699 году сообщил из Голландии царю о ходе переговоров Е.И. Украинцева с турками быстрее, чем это сделал сам Украинцев из Константинополя.

В 1701 году он получил сведения о тайно готовящейся шведами под прикрытием рыболовства морской экспедиции в Архангельск с целью поджога и разрушения этого города. Информация, получившая подтверждение из других источников, позволила заблаговременно подготовиться к должной встрече «рыбаков» и разгромить агрессора. Петр с восторгом отозвался об этой операции: «Зело чудесно!»

Позднее Матвеев сообщает Петру информацию о принятом в сентябре 1708 года шведским королем Карлом XII тайном решении отказаться от прямого движения его войск к

Москве через Смоленск и Можайск и повернуть на юг, на Украину. «Из секрета здешнего шведского министра, – писал Андрей Артамонович в Посольский приказ, – сообщено мне от друзей, что швед, усмотря осторожность царских войск невозможность пройти к Смоленску, также по причине недостатка в провианте и кормах, принял решение идти на Украину». Примечательно, что Андрей Артамонович не просто пересылает полученную им секретную информацию, но прежде сам пытается осмыслить, проанализировать её, дать в своем донесении соответствующее обоснование ей достоверности. В частности, он указывает на то, что на территории Украины нет «никаких регулярных фортеций с сильными гарнизонами», которые могли бы сковать и задержать передвижение шведских войск. Кроме того, он высказывает предположение о намерении шведов вступить в союз с поляками и крымским ханом, а также использовать часть казачества для выступления против Москвы… Петр прислушался к этой информации.

Нет нужды напоминать читателю о результатах исторической Полтавской битвы, но к именам военных полководцев, обеспечивших победу («Шереметев благородный, и Брюс, и Боур, и Репнин») по праву можно было бы добавить и имя Андрея Артамоновича Матвеева, царского посла в Голландии, находившегося в это время за сотни верст от поля брани.

Впоследствии А.А. Матвеев принимает деятельнейшее участие в формировании и реализации курса российской внешней политики в Европе. Используя противоречия между европейскими державами, он сумел удержать правительства Голландии и Англии от помощи Швеции в войне против России, так называемой Северной войне 1700-1721 годов. В этом заключается его общепризнанный вклад в историю отечественной дипломатии.

По возвращении в Россию в 1715 году он становится одним из ближайших сподвижников Петра, удостаивается графского титула, звания сенатора и назначается главным «законником» страны – президентом Юстиц-коллегии. В 1727 году,

выйдя в отставку, он в мыслях снова и снова возвращается к временам Стрелецкого бунта, историю которого, связанную с трагической гибелью его отца, он уже давно начал писать, но так и не закончил…[1].

Но русское посольство в Голландии было не единственным источником поставляемой в Россию информации. Посол Василий Лукич Долгоруков в ноябре 1708 года сообщал Петру Алексеевичу о проводимой по указу Карла XII кампании по набору пополнения:

«Хотя как возможно по всей шведской земле берут рекрут, и за великой скудностью людей пишут стариков, у коих от старости зубов нет, и ребят, которые не без труда поднять мушкет могут, собрав и таких не чают, чтобы мочь знатного с такими людьми учинить»[2].

Как пишут специалисты, «подобные донесения послов, безусловно, представляли большой интерес для русского военного командования, они помогали вскрыть вероятный характер действий противника, состояние его войск и пополнения рекрутами»[3].

В петровскую эпоху дипломатия не отделяется от стратегической внешней разведки, составляя с ней единое целое. Каждому послу, отправляемому за границу, вручались многостраничные тайные секретные инструкции, охватывающие широкий круг вопросов, подлежащих освещению[4].

Неизбежно возникает вопрос о нравственном уровне тогдашней дипломатии. Возможно, читатель будет шокирован описанием того, как в своей повседневной деятельности дипломаты использовали такие неблаговидные методы, как взятки, подкупы иностранных деятелей и т.д. Между тем то-

---

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 68-70.

[2] Телицын, В.Л. Российские спецслужбы. От Рюрика до Екатерины Второй. – С. 167.

[3] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 67.

[4] Алексеев, М.А. Указ. соч. - Книга I. – С. 24.

гда это вовсе не считалось зазорным. Моральные, этические принципы служили простой формой дипломатического красноречия. Для дипломата его частная, личная мораль не имела ничего общего с моральным содержанием его служебной дипломатической деятельности. Гарольд Никольсон, считавшийся классиком буржуазной дипломатии, скептически замечая, что вообще «дипломатия не является системой моральной философии», писал о дипломатах XVII века: «Они давали взятки придворным, подстрекали к восстаниям и финансировали восстания, поощряли оппозиционные партии, вмешивались самым пагубным образом во внутренние дела стран, в которых они были аккредитованы, они лгали, шпионили, крали». Удивляться надо не тому, что русские послы везли с собой сундуки, набитые соболями и червонцами, что они давали взятки и подкупали иностранных сановников, а тому, что они сохраняли убеждение в предосудительности таких действий и явно стыдились их. Исторические документы свидетельствуют о многочисленных проявлениях морального негодования петровских дипломатов и самого Петра по отношению к фактам наглого мошенничества, прожженного интриганства, обмана и лжи. В такого рода сентенциях сказывалась патриархальная наивность и нравственная девственность неофитов. Впрочем, они хранили ее не слишком бережно, ибо надо было жить, точнее говоря, России необходимо было выжить в среде сплошной враждебности[1].

В Уставе воинском 1716 г. Петр I впервые подводит *законодательную и правовую базу под разведывательную работу*. Однако та, как и прежде, велась децентрализованно и бессистемно[2].

Масштабный государственный руководитель, зная все о разведке, в равной мере обязан быть осведомленным и о способах противодействия ей. Петр Великий был из их числа.

[1] Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого. – С. 9.
[2] Соколов, В. Военная агентурная разведка. – С. 66.

Единственный пример из многих. 1702 год. Один из «птенцов гнезда Петрова», первый профессиональный разведчик *Петр Андреевич Толстой*, направленный резидентом в Турцию, запрашивает «центр» о тайных способах связи с ним: «О посылке в Москву тайных писем какову быть состоянию, с кем их посылать, и где и кому велеть отдавать, понеже почты нет, а ходоки до Москвы бывают по случаю и не часто, а когда получаются ездоки, и тем иногда в тайностях и поверить будет невозможно; и для того не благоволит ли великий государь учинить почты до Киева под образом купцов, или как великий государь укажет». Ответ великого государя на запрос вполне профессиональный и, безусловно, ответственный: «Почта до Киева есть, и о том, чтобы переслать секретно, указы пошлютца: а преж сего чрез кого посылки писмам были, и о том явилось в статейных списках, с которых ему даны для ведомости списки ж. А с нужными делами мочно и нарочно присылать кого пристойно, за что на Москве платить будут, и особливая статья о почте ему дана с тайными статьями». Как видим, канал доставки разведывательной информации продуман на большом российском и внероссийском пространстве во всех его деталях. А работа такого рода есть важнейший элемент и разведки, и контрразведки[1].

Практичный Петр I не жалел для своих разведчиков денег на подкуп иностранных дипломатов. В то время агенты рублями не брали, а поскольку долларов еще не было, то выручали шкурки горностая и соболя. Этот процесс называли «дачными делами», от глагола «давать». Слово «дача» сейчас воспринимается однозначно: домик на лоне природы, «вдали от шума городского». Но некогда, в XVII-XVIII веках, в это слово вкладывали совершенно иной, житейский, смысл: взятка, подачка, подкуп.

[1] Труды Общества по изучению истории отечественных спецслужб. – Том II. – С. 24.

В международной практике тех дней «дача» была отнюдь не возбраняемым деянием и, более того, часто присутствовала в официальных финансовых документах в качестве самостоятельной, «полноправной» статьи расходов. При Петре I «чрезвычайные расходы» (т.е. суммы на подарки, секретные выдачи, подкуп иностранных дипломатов) в 1710 году составляли, согласно Архивам внешней политики Российской империи, 148 тысяч рублей. К концу царствования императрицы Елизаветы Петровны, через полвека, эта сумма возросла уже до 360 тысяч рублей[1].

2.2. Русские разведчики на защите Российской империи по всем азимутам

Непревзойденным мастером разведки своего времени был искусный политик и ловкий дипломат петровских времен Петр Андреевич Толстой. Будучи послом России в Турции, он неизменно прибегал к «дачным делам», такого рода «чрезвычайным расходам», добиваясь для своей страны информации о военных намерениях турок, оказывая прямое воздействие на представителей османских властей, побуждая их выступать против военных конфликтов с Россией.

Петр Андреевич Толстой был личностью яркой и самобытной. Кто другой проявил бы в международных условиях столько настойчивости, изворотливости и хитрости в защите российских национальных интересов? Он умел быть вкрадчивым и суровым, резким и обходительным, действовал напористо и мудро, избегал излишнего обострения ситуации и добивался при этом оптимальных результатов. Сколько ума, выдержки и находчивости приложил Толстой, чтобы предотвратить, скажем, выступление турок против России в наиболее трудный для нее начальный период Северной войны, когда военные действия на два фронта могли привести к самым тя-

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти т. – Т. 1. – С. 71.

желым и непредвиденным последствиям. Сколько фантазии и политического чутья потребовалось будущему кавалеру высшей награде империи – ордена Андрея Первозванного, чтобы склонить к тайному сотрудничеству многих иностранных политических и церковных деятелей, снабжавших правительство Петра I исключительно важной секретной информацией.

Петр Андреевич Толстой родился в 1645 году. Происходил из небогатого дворянского рода, близкого к Милославским. Поэтому во время Стрелецкого бунта он был одним из тех, кто распространял слухи о гибели царевича Ивана и призывал к расправе с Нарышкиными, родственниками матери Петра. После прихода Петра I к власти Толстой был удален в глубокую провинцию, в Устюг Великий, где и стал воеводой, прослужив там около двенадцати лет.

Трудно сказать, как бы в дальнейшем сложилась жизнь опального вельможи, если бы не визит Петра в это «Богом забытое» место. Гром артиллерийского салюта с крепостного вала, организованный в подобной глухомани, обильный ужин и обстоятельная беседа Петра с Толстым, видимо, произвели на царя благоприятное впечатление, и 52-летний воевода обратился к Петру с просьбой разрешить «на старости лет» изучить военно-морскую науку. Царь направил его на учебу в Италию.

Толстой побывал во многих городах Италии, изучил итальянский язык, освоил кораблевождение. Перед отъездом венецианский князь выдал ему специальный аттестат, в котором указывалось, что он освоил множество морских профессий и по своим личным качествам является «мужем смелым, рачительным и способным»[1].

Толстой вернулся домой человеком с изящными манерами, облаченным в европейское платье, а главное – получившим хорошее по тем временам образование. Но не море стало родной стихией Толстого. Царь нашел ему иное применение.

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 72.

2 апреля 1702 года указом Петра I Толстой был назначен послом России в Турции.

Дипломатическая миссия Петра Андреевича началась в весьма напряженной международной обстановке. Время испытаний для России определялось двумя событиями: катастрофическим поражением под Нарвой в ноябре 1700 года и выходом из войны союзницы России – Дании, которая была разбита шведской армией. Положение России усугублялось возможностью нашествия с юга, со стороны Османской империи, чего очень опасались в Москве. Задача русской дипломатии состояла в том, чтобы предотвратить такое нападение.

Царь лично составил для посла в Турции особое задание, которое иначе как разведывательным не назовешь.

«Необходимо выведывать и описывать тамошние народы; состояние; какое там правление; какие правительственные лица; какие у них с другими государствами будут поступки в воинских и политических делах; какое устроение для умножения прибыли или к войне тайные приготовления, против кого морем или сухим путем; какие государства больше уважают; который народ больше любят», – инструктировал Петр I новоизбранного дипломата. Не забывал мудрый царь и о чисто военной разведывательной информации. «Сколько войска и где держат в готовности, и сколько дается ему из казны; также, каков морской флот, нет ли особенного приготовления на Черном море… Конницу и пехоту после царской войны не обучают ли европейским обычаям… Бомбардиры, пушкари в прежнем ли состоянии, или учат вновь, кто учит…»[1].

В середине 1702 года русское посольство во главе с П.А.Толстым торжественно въехало в турецкую столицу. Уже в первые часы своего пребывания на турецкой земле Петр Андреевич ощутил настороженное отношение Порты к России. Вместо обычного праздничного кортежа сопровождения Толстой заметил большую группу вооруженных всадников, кото-

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 73.

рые с явным недоброжелательством разгоняли толпу любопытных, наблюдавших за процессией. И это несмотря на то, что русское посольство заранее объявило о своих мирных планах и намерениях, в том числе и о желании заплатить за ограбление турецких купцов и торговцев запорожской вольницей.

Толстой еще не был хорошо знаком с местной политической ситуацией, не располагал достаточным числом помощников, на которых можно было бы опереться, информации которых можно было бы доверять. Поэтому в первую очередь нужно было приобрести надежных друзей, в частности, Толстой рассчитывал на помощь патриарха Иерусалимского Досифея. Иерусалим находился тогда под владычеством Османской империи, и духовная власть Досифея распространялась на все православное население империи. Патриарх и раньше по мере возможности оказывал содействие родственной ему по православной вере Москве. Поэтому одновременно с верительной грамотой посла Толстой вез в своей личной канцелярии и обращение российского руководства к патриарху Досифею. В нем выражалась просьба «дабы к тому после нашему был еси во всяких приключающихся ему делах способник делом и словом, елико возможно». В письме содержалась также просьба к Досифею быть послу Толстому «советником и искрением помощником»[1].

Досифей имел немало влиятельных и верных друзей не только в отдельных провинциях империи, но и в самой Турции, которые по его просьбе стали оказывать Толстому большую помощь в сборе секретной информации. Именно через одного такого информатора Петр Андреевич узнал, что мать правящего султана не слишком симпатизирует антирусски настроенному министру Далтабану при дворе сына и что за вполне определенную «дачу» готова замолвить «нужное слово» перед султаном. Толстой отсчитал дюжину горностаев и

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 74.

соболей, которыми, кстати, оплачивался и его личный дипломатический труд (из-за отсутствия в то время «твердой валюты»). Затем подумал-подумал и присовокупил к ним алмазное перо на шапку да кушак с отделкой из драгоценных камней. Уж больно нужна была помощь престарелой султанши. После чего Далтабан скоропостижно скончался, а на самом деле был задушен шнурком султанских янычаров. Бесконечными взятками («дачами») высокопоставленным сановникам Османов Толстой одних делал союзниками России, натравливая их на других приближенных султана. В 1706 году после очередной операции Толстого с «дачами» удавлены были два паши, занявшие антирусскую и прошведскую позицию. Никаких угрызений совести по поводу такого образа дипломатической работы Толстой не испытывал и, вернувшись в здание российского посольства, с гордостью сообщил подчиненным о смерти выданных им пашей, добавив: «Дай Бог, чтобы они все передушили друг друга!»[1]

Вместе с Досифеем в интересах России трудился и его племянник Спилиот. В основном он доставлял секретную переписку, наладившуюся между патриархом и Толстым. Но иногда и по собственной инициативе сообщал русскому послу секретную информацию, давал полезные советы, как поступать в том или ином случае во время переговоров с турецкими властями. Петр Андреевич высоко ценил заслуги Досифея и Спилиота. В своих сообщениях в Москву он писал, что и патриарх, и его племянник, «забыв страх смертной, радостною душою великому государю работают».

Позднее одним из самых ценных агентов Толстого среди турецких подданных становится выходец из Черногории Савва Владиславович. Он на службе российской разведки-дипломатии будет вести работу среди балканских славян,

[1] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и её преемники. 1718–1726. – С. 125-126.

находившихся под властью Турции, за что получит от российского императора титул графа Рагузинского[1].

Многие негласные помощники П.А. Толстого работали на благо России не ради получения вознаграждения или каких-либо других личных выгод. Как докладывал Толстой канцлеру Головкину, «эти люди чистосердечно трудятся без боязни и от мене платы никакие не требуют»[2].

А сведения, которые добывали добровольные помощники Толстого, были многоплановы и требовали не столько наблюдательного глаза, сколько проницательного, аналитического ума и широкой политической эрудиции. По заданию Петра Толстой должен был регулярно поставлять в Москву подробную информацию о составе сухопутной турецкой армии и её дислокации. Столь же обстоятельные данные должны были поступать от Толстого и его друзей о турецком флоте, его вооружении, типах кораблей, даже о зарплате офицеров. Особым разделом было предусмотрено выяснение планов османского руководства относительно модернизации сухопутных и морских крепостей: «В Черноморской протоке хотят ли какую крепость сделать и где (как слышно было), и какими мастерами, или засыпать хотят и когда (речь шла о Керченском проливе), ныне или во время войны».

Среди 16 пунктов секретной инструкции Петра I послу в Турции был и такой: дать характеристику султана и его окружения; сообщить, сам ли султан правит страной или через своих фаворитов; имеет ли склонность к войнам и воинским забавам или более озабочен покоем и т.д.

Несмотря на огромные усилия русского посла сдержать Порту от нападения на Россию, отношения между двумя странами становились все напряженнее. Из Москвы последовало указание действовать «дабы Порту до зачинания войны не до-

[1] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. – С. 126-127.
[2] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 74.

пустить (також бы и татарам позволения на то не давали) не жалея никаких иждивений, бы превеликие оные были».

Здесь же, в Турции, Петр Андреевич Толстой постиг и азы контрразведки. В 1708 году его агентура принесла ему два перехваченных письма к турецкому султану от лидера восставших казаков-староверов на Дону Кондратия Булавина. Петр Андреевич переправил их царю в Москву с предупреждением: турецкая агентура уже работает с казаками, пытаясь сделать их пятой колонной в тылу России на случай близкой войны. От Толстого же Петр I получил фактически предупреждение о возможной измене гетмана Ивана Мазепы, поскольку информация отдельной агентуры Мазепы в Турции Петру приходила полностью противоречащей сведениям Толстого. В своих письмах Петру и канцлеру Головкину Толстой прямо сомневался в искренности служения Мазепы интересам России и обвинял гетмана во лжи, смело споря с реляциями своего начальника Головкина, а скоро выявленная открытая измена Мазепы в пользу турок и шведов подтвердила правоту российского посла в Стамбуле. После этого глава внешнеполитического ведомства России Гавриил Головкин прислал Толстому депешу: «Зело вами довольны за ведомость о турецком намерении»[1].

В те же годы Толстому пришлось изобличать ложь своего заочного оппонента Мустафы-аги, который был таким же первым постоянным послом Османской империи в России, каким был сам Толстой. Мустафа-ага в России зарекомендовал себя чванливым и вечно раздраженным человеком недалекого ума, постоянно встревая в конфликты с администрацией Петра I, а после возвращения в Стамбул заявил, что русское правительство плохо к нему относилось и вообще настроено к Турции крайне враждебно. При этом Мустафа-ага еще и скрыл по возвращении от султана несколько писем русского царя к нему. Толстому пришлось за взятки пробивать себе

[1] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. – С. 126-127.

аудиенцию у султана и на ней изобличать ложь бывшего посла в России, а заодно и жаловаться на его скандальное поведение в Москве, в доказательство Петр Андреевич принес султану копии писем к нему Петра I, не переданных Мустафой-агой. Главным же козырем обвинения в адрес зарвавшегося дипломата стала пересказанная Толстым султану история о том, как его посол в России пренебрежительно забыл подаренный ему лично Петром I портрет самого царя, чем нанес обиду уже лично российскому государю.

Отметим, как крутится по спирали история дипломатии: сравнительно недавно газеты писали о том, что на одной из свалок Варшавы нашли книгу Бориса Ельцина «Исповедь на заданную тему» с дарственной надписью от самого автора и бывшего президента РФ для бывшего президента Польши Леха Валенсы. А еще триста лет назад нашего правителя столь же бесцеремонным отношением к его подарку обидел заносчивый посол Османской Порты. Толстой тогда убедил султана Ахмета в том, что его посол в Москве со своими обязанностями не справляется и личным нетактичным поведением поссорил его с Петром Великим. Толстой при этом безапелляционно от имени Петра потребовал казни Мустафы-аги, но султан ограничился ссылкой его на окраины Османской империи[1].

Толстой сразу же обнаружил, что источником агрессивных побуждений служит Крым. Лишенный по новому договору русской дани и «права» разбойничьих набегов, крымский хан непрерывно подстрекает султанский двор к враждебный действиям против России[2].

Забот у посла хватало, и он жаловался на трудности поддержания связи с верными греками, а особенно на недостаток денег. «Ныне известно одному богу, в какой живу нужде, – писал Толстой, – из соболей, присланных мне в годовое жалованье, до сего времени не продал ни одного и впредь их скоро

[1] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. – С. 127-128.
[2] Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого. – С. 186.

продать не надеюсь». Оказывается, в Турции запретили носить соболя всем, кроме султана и визиря. Поэтому посол просил присылать жалованье деньгами. В начале 1706 года Толстой слезно умолял Ф.А. Головина освободить его от тяжелой службы в Константинополе. Узнав об этом, Петр решил ободрить посла собственноручным письмом и попросить из-за важности его миссии потерпеть: «Господин амбасадер! Письмо ваше мы благополучно приняли, на которое и о иных делах писал к вам пространнее господин адмирал. Что же о самой вашей персоне, чтоб вас переменить, и то исполнено будет впредь; ныне же для бога не поскучь еще некоторое время быть, большая нужда там побыть, которых ваших трудов господь бог не забудет, и мы вам никогда не оставим»[1]. Царское письмо обрадовало посла, и он написал Головину, что отныне и думать об отказе от своей тяжелой службы не будет, «хотя бы и до конца жизни моей быть мне в сих трудах». Обстановка в Стамбуле действительно нередко доставляла русскому послу неприятности. Например, много затруднений вызывали крайне частые смены великих везиров, то есть глав правительств. Сообщая о смене некомпетентного везира другим, более сообразительным, Толстой писал: «Воистину зело убыточны частые их перемены, понеже всякому везирю и кегае его (помощнику) посылаю дары немалые, и проходят оные напрасно, а не посылать невозможно, понеже такой есть обычай, и так чинят все прочие послы»[2].

Решение главной задачи – поддержания любой ценой состояния мира с Турцией, чтобы избежать войны на два фронта, – требовало постоянных усилий русского представителя. Ему приходилось действовать в обстановке противоречивых тенденций султанского двора, интриг продажного султанского окружения, происков ярых ненавистников России, тайных и явных маневров иностранных дипломатов. Толстой с его

[1] Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого. – С. 222-223.
[2] Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого. – С. 223.

изощренным умом довольно циничного склада как нельзя более удачно подходил для такой беспокойной жизни. Но и ему приходилось туго.

Постоянным противником Толстого был французский посол в Стамбуле барон Шарль де Ферриоль. Давние союзнические отношения Франции с Турцией, обширные экономические связи двух стран предопределяли его роль, которая была столь значительной, что турки даже прозвали Ферриоля «вице-султаном». Французская политика в Турции определялась участием Франции в войне за испанское наследство. Желанным союзником для нее была Швеция, отвлеченная Северной войной против России. Поскольку прекратить эту войну оказалось невозможно, Франция помогала Карлу XII побыстрее закончить её победой над Россией. Этому, естественно, способствовала бы одновременная война Турции против России. Франция всеми силами пытается внушить туркам необходимость такой войны, используя миф о русской опасности. Так, в марте 1706 года французский посол вручил меморандум своего правительства, в котором говорилось: «Все толкает царя на войну с Турцией: настроение у греков и валахов и его чрезвычайная амбициозность. Потому надо опередить царя и напасть на него, пока он не может справиться со Швецией».

Вопреки явной заинтересованности России в мире с Турцией французский посол пытается настойчиво вызвать страх перед русской угрозой, доказывая необходимость превентивной войны против северного соседа[1].

В начале 1707 года Толстому удалось через верных людей познакомиться с содержанием писем французского посла в Стамбуле Ферриоля, в которых дипломат убеждал турецкие власти в необходимости начала военных действий против России. Значение такого события трудно переоценить.

П.А. Толстой принял вызов француза и своевременно «среагировал» на его закулисные интриги. Среди прочего в

[1] Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого. – С. 223-224.

дело были пущены сильнодействующие «снадобья»: деньги и подарки. На созванном султаном тайном государственном совещании победила партия мира, искусно поддерживаемая П.А. Толстым. Поход против России не состоялся. Российский посол не без удовольствия отмечал тогда в личном докладе царю, что «подарки французского посла попали даром, а ему эта операция обошлась лишь в несколько шкурок горностая и четыре пары соболей»[1].

Но иногда русские и французские интересы совпадали, и Толстой стремился это использовать. Так было, в частности, с попытками французского посла побудить Турцию вмешаться в антиавстрийское восстание в Венгрии, чтобы заставить императора ослабить свои войска, действовавшие против Франции. Правда, эти усилия французской дипломатии успеха не имели. Рассеялись также надежды Толстого на то, что удастся отвлечь Турцию войной против Австрии. Если французский посол препятствовал Толстому в решении его основной задачи, то английский посол в Стамбуле Саттон и посол Голландии Кольер, напротив, помогали ему сдерживать Османскую империю от нападения на Россию. Морские державы, опасаясь вступления Карла XII в испанскую войну на стороне Франции, стремились отвлечь его войной с Россией. Однако в их интересы не входило быстрое окончание этой войны в результате победы Швеции. Ведь после этого Карл снова мог вернуться в Европу. Англия и Голландия боялись, что вступление Турции в войну ускорит победу Швеции. Они хотели, чтобы Швеция и Россия подольше воевали друг с другом до взаимного истощения. Поэтому Саттон и Кольер помогали русскому послу в умиротворении султанского правительства[2].

Что касается «иждивений», то, к сожалению, нет точных данных о том, сколько денег пришлось пустить в ход Толсто-

[1] Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 71-72.
[2] Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. – С. 224.

му для удержания Турции от войны. Правда, называют приблизительные цифры. Турецкий везир Хасан, которому специально поручили следить за русским послом на протяжении нескольких лет, утверждал, что Толстой ради мира «роздал в различных местах около 3000 кошелей или полтора миллиона талеров». Однако эта сумма представляется явно преувеличенной, хотя, несомненно, мир с Турцией России обошелся недешево[1].

Против Толстого действовали послы-разведчики главных неприятелей России в Европе – шведского короля Карла XII, польского короля Станислава Лещинского и крымского хана Девлет-Гирея. Единственным же относительным его союзником в Стамбуле был посол молдавского господаря Кантемира. Толстой был вынужден находиться в напряжении, разгадывая очередные комбинации чужих разведок и их союзников при дворе султана. Так что оперативной работе Толстой в сане посла России в Турции обучался не менее успешно, чем флотоводству ранее в Италии[2].

Каждый новый дипломатический шаг П.А.Толстого в Турции давался с неимоверным трудом. В конце 1708 года в стране берут верх неблагоприятные для России, занятой войной со шведами, тенденции. Турецкое правительство приступает к ускоренным военным приготовлениям: строительству кораблей, пополнению артиллерийского парка и увеличению количества боеприпасов. Крымский хан готовится к войне. Военный совет Порты обсуждает конкретные планы по ведению наступательных операций против российской армии. А тут еще сам Петр I «подлил масла в огонь». Весной 1709 года царь едет в Азов. И в Турции сразу же распространяется слух о возможности нападения российских судов на турецкий флот. Положение становится критическим. И в это время из турецкой столицы в Москву идет шифрованная депеша посла

[1] Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого. – С. 225.
[2] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. – С. 126.

Толстого, в которой говорится: «с великим труда иждивением и с немалой дачею» удалось убедить великого визиря, что русский царь прибыл в Азов «ни для чего иного, разве ради гуляния, ибо царское величество имеет нрав такой, что в одном месте всегда быть не позволит»[1].

Война не затронула южный порог России, и сражения на два фронта, грозившего разорить страну, не произошло. Петр был доволен. Весной 1709 года П.А.Толстой получил заслуженную награду: был удостоен царского портрета, украшенного бриллиантами. Немногие из петровских вельмож могли похвастаться такими наградами!

Победа Петра I под Полтавой на некоторое время «облегчила жизнь» русского посла. Турки перестали открыто брящать оружием и угрожать войной. В январе 1710 года Ахмед III принял в Стамбуле Толстого и торжественно вручил ему грамоту о ратификации мирного договора 1700 года. Казалось бы, успех налицо. Но это было только на первый взгляд. В своем послании государственному канцлеру Г.И. Головкину Толстой писал: «Не изволь удивляться, что я прежде, когда король шведский был в великой силе, доносил о миролюбии Порты, а теперь, когда шведы разбиты, сомневаюсь… Турки не верят, чтоб Его Величество не начал войны, когда он будет от других войн свободен»[2].

И в самом деле. От недоверия турок к открытой враждебности – всего один шаг. Четыре раза, и это за три года, Турция объявляла войну России, только один раз предпринимала широкие наступательные операции. В конце ноября 1710 года Толстой получил секретную информацию о предстоящем совещании Великого дивана у султана по поводу очередного разрыва с Россией. Он немедленно сообщает об этом царю, но послание не успевает дойти до адресата. Война уже объявлена, и первой ее жертвой становится сам русский посол. Дом и

[1] Очерки истории российской внешней разведки: в 6-ти тт. – Т. 1. – С. 75.
[2] Очерки истории российской внешней разведки: в 6-ти тт. – Т. 1. – С. 76.

имущество Петра Андреевича подвергаются разграблению, а его самого сажают на дряхлую клячу, и через весь город везут в тюрьму Едикале, расположенную на южной окраине Стамбула, на берегу Мраморного моря. С точки зрения турецких властей, такого рода дипломатические «демарши» не являлись чем-то из ряда вон выходящим. С началом военных действий весь дипломатический состав той или иной враждебной миссии турки сажали в тюрьму, где он содержался в тяжелых условиях, без всяких скидок на положение и возраст заключенных.

Вот как описывал свое положение в турецкой неволе сам Петр Андреевич: «Меня привезли в Семибашенную фортецию, посадили прежде под башню в глубокую земляную темницу, зело мрачную и смрадную».

Турки, очевидно, догадывались, что Петр Андреевич был непревзойденным «дачником», и их очень заинтересовал «списочный состав» получателей взяток с турецкой стороны. А их было немало. Поэтому турки, как писал из темницы Толстой, «к тому же на всяк день угрожали мучениями и пытками, спрашивая, кому министрам их сколько давал денег»[1].

Вся дошедшая до нас корреспонденция Петра Андреевича Толстого из тюремных казематов заслуживает того, чтобы о ней рассказать подробнее, поскольку она – свидетельство не только искусства и ловкости петровского дипломата, но и недюжинных разведывательных способностей. Дело в том, что турки напрочь отрезали Толстого от внешнего мира, как и сотрудников его посольства. Он долго думал, как исхитриться и дать знать о своем положении в Москву. Никто из послов западных стран не желал навещать узника Семибашенной «фортеции». И тут Петра Андреевича посетила удачная мысль: пригласить посла молдавского господаря Кантемира, симпатизировавшего России и тайно присягнувшего на верность Петру, и передать через его записку на волю.

[1] Очерки истории российской внешней разведки: в 6-ти тт. – Т. 1. – С. 76.

Турки не могли отказать послу Молдавии в его желании навестить коллегу – молдаванин был допущен в тюрьму, где содержался Толстой. За первым посещением последовало другое, и Петр I стал, таким образом, достаточно подробно информированным о трудных буднях своего чрезвычайного и полномочного посла.

Около двух лет провел Толстой в турецкой неволе. В середине апреля 1712 года при содействии английского и голландских послов был подписан русско-турецкий мирный договор, одним из условий которого было освобождение Толстого и возвращение его в Россию. Петр I быстро отреагировал на этот договор, и уже 20 мая 1712 года отправил царскую грамоту на имя великого визиря Юсуф-паши. Петр I сообщал о ратификации договора, который он, царь, «изволит принять и содержать».

На годы работы Толстого послом в Турции приходится и первый достоверно зафиксированный случай тайного убийства российской разведкой своего потенциального перебежчика за границей. То есть убивали в таких случаях и раньше, но в документах подтверждений не осталось. Петр Толстой же в своем письме-отчете в Россию непосредственному начальнику, главе Иностранного приказа Головкину, сознается не без гордости перед ним и заодно перед историей в такой акции: «У меня уже было такое дело: молодой подьячий Тимофей, познакомившись с турками, вздумал обусурманиться. Бог мне помог об этом сведать. Я призвал его тайно и начал ему говорить, а он мне прямо объявил, что хочет обусурманиться, я его запер в своей спальне до ночи, а ночью он выпил рюмку вина и скоро умер – так Бог его сохранил от беды»[1].

По современным меркам посол России Толстой в Стамбуле совершил явное преступление, которое вряд ли может быть оправдано даже его попыткой поначалу отговорить жертву от перемены православной веры, воспринимаемой тогда одно-

[1] Симбирцев И. Первая спецслужба России. – С. 128.

значно в качестве предательства. При этом заметно из письма, как сам Толстой не то что испытывает после учиненного нравственные колебания, но горд своей акцией и заметно весел – ведь он почти шутит. Здесь видна злая ирония – «Бог уберег от беды», да и вряд ли стоило Толстому здесь вообще упоминать Бога после того, как он отравил такого же русского человека, возможно, временно заблудившегося в своей душе или попавшего под чье-то влияние. Не будем так уж осуждать Толстого, в истории с несчастным Тимофеем он действовал в духе своего непростого времени и был уверен в правоте своей акции и её пользе для Отечества. Главное, чтобы современные деятели и руководители разведок делали правильнее выводы из таких старых историй. Для нас же сейчас важнее то, как этот документ характеризует самого Петра Андреевича Толстого. Здесь он за чередой прошедших лет в строках дошедшего до нас письма немного приоткрыл нам свою личность. Именно таким наш посол в Турции и глава будущей российской спецслужбы и был: талантливый и умный человек, но при всем том он легко мог пойти на убийство из убежденности в правильности своего дела службы, а затем и гордиться совершенным. Есть ли странность, что этот человек возглавит Тайную канцелярию, или это закономерно?[1]

Долгие годы провел в Турции в качестве посла России П.А. Толстой. Это был период постоянных конфликтных ситуаций в отношениях между двумя странами, и Толстой в меру своих сил и возможностей стремился не обострять обстановки и содействовать мирному решению споров. Петр оценил работу и мужественное поведение своего посла в заключении. В 1712 году Петр Андреевич возвратился в Россию и был обласкан наградами и вниманием своего правителя. Он получает графский титул и статус тайного советника, становясь одним из самых могущественных сановников петровской империи. Теперь он фактически первый советник Петра по

[1] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. – С. 128-129.

внешнеполитическим вопросам, он выезжает с царем на зарубежные переговоры.

Не ошибся Петр I с П.А.Толстым и в случае особо деликатного свойства, когда направил престарелого дипломата, чтобы вернуть из Европы беглеца – царевича Алексея. Толстой ловко справился с этим заданием.

Разведчиком и дипломатом Толстой действительно зарекомендовал себя отличным. Один из его коллег, тоже видный петровский дипломат и разведчик, Андрей Матвеев, дал Петру Андреевичу в то время такую характеристику: «В уме зело остер и великого пронырства» – для разведчика и дипломата это лучшая характеристика, лучшая аттестация, да и для главы тайной полиции очень подходящие качества[1].

Шли годы, менялись порядки, политические пристрастия и ориентиры. На царском престоле оказался сын царевича Алексея – Петр II. И тут Петр Андреевич позволил себе маленькую «слабинку». Памятуя об отношениях между отцом и сыном (Петром I и Алексеем), Толстой в кругу друзей неосторожно высказался против воцарения Петра II. Это высказывание быстро достигло ушей капризного монарха. Вердикт был краток: сослать в Соловецкий монастырь. И 82-летний старец провел последние дни в холодной камере тюремного каземата. Великий «дачник» умер в бедности: «два шлафора теплые, которые при нем, Толстом, в тюрьме были ветхие и згнили. Одеяло при нем же, Толстом, згнило»[2].

Среди тех, кто достоин памяти в истории российской внешней разведки, князь *Андрей Яковлевич Хилков* стоит особняком. Слишком уж необычны условия, в которых он вел, точнее сказать – умудрялся вести без малого два десятка лет разведывательную работу, отдав ей без остатка всю сознательную жизнь, полную тягот и испытаний. Его биография в

[1] Симбирцев, И. Первая спецслужба России. – С. 131.
[2] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти томах. – Т. 1. – С. 77-78.

чем-то схожа с жизненным путем Петра Андреевича Толстого, но только отдельными штрихами, в сокращенном виде, в однозначно трагическом варианте. Петр Толстой знал и горе, и счастье, дожил до восьмидесяти четырех лет. Наш герой прожил ровно в два раза меньше, рано ушел из жизни, почти не познав радостей.

Андрей Хилков по происхождению принадлежал к одному из наиболее древних и разветвленных родов России, ведущих свое начало от удельных князей Стародубских, которые в восемнадцатом колене считались потомками самого Рюрика.

Родоначальником Хилковых был князь Иван Федорович, прозванный Хилком за слабое здоровье. О нем известно, что в 1511 году он ходил в поход «Литву воевать», а в 1535 году стал первым воеводой в Серпухове. Видно, несмотря на физические недуги, духом был крепок. Хилок передал это качество своим потомкам. С тех пор многие Хилковы воеводили, состояли на ратной, государевой службе.

Андрей, родившийся в 1676 году, был третьем сыном в семье князя Якова Васильевича Хилкова, окольничего при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, старшем брате Петра I. Двенадцатилетним мальчиком Андрей с помощью отца начал придворную карьеру. Это было обычным явлением в допетровской Руси. В обязанности княжича входило прислуживание на церемониях приема иноземных посольств, а позднее оформление деловой переписки в Посольском приказе. Для юноши эта служба стала хорошей практикой общения с дипломатами. Она длилась до 1697 года, когда по решению Петра I Андрей Хилков, как и Петр Толстой, был послан в Италию «для изучения мореходства и кораблестроения».

Трудно было Андрею, которому едва минул 21 год, расставаться с молодой женой Марией и новорожденной дочерью Ириной, впоследствии их и видеть-то практически не довелось. Жена Хилкова была дочерью окольничего Василия Михайловича Еропкина, московская усадьба которого стояла по соседству с фамильным особняком Хилковых – в районе

Остроженки, где до сих пор сохранились Хилков и Еропкин переулки.

В Италии Андрей изучал не только навигацию, кораблестроение и языки, но и политическую и экономическую обстановку в Средиземноморье, общаясь с послами России из Венеции и Неаполя. В Россию он вернулся в 1700 году, накануне войны со Швецией, и почти сразу же снова выехал за границу с особым поручением царя.

Готовясь к войне, Петр стремился как можно дольше сохранить в тайне от шведов свои намерения. Чтобы усыпить их бдительность, он и отправил Андрея Хилкова в Швецию с целью подтверждения Кардисского мирного договора и одновременно – «обстоятельных разведок, с какими делами и для чего живут в Стокгольме посланники иностранных держав»[1].

Хилков прибыл в Стокгольм 18 июля 1700 г. Незадолго до этого король Карл XII отправился в Данию для подписания мира с тамошним королем. Поэтому чиновники короны предложили Хилкову на выбор «отправить свое дело без короля в Стокгольме» или выехать вслед за Карлом, чтобы лично вручить ему грамоты. Хилков предпочел добиться личной встречи.

Преодолев за две недели 570 верст, он догнал короля в дороге и 13 августа удостоился королевской аудиенции. Хорошо изучив в Италии латинский язык, который был тогда в особом почете как язык науки и международного общения, Андрей произнес на нем целую речь, уверяя монарха в миролюбивой сущности своей миссии, и передал ему послание Петра. Это произвело на Карла и его придворных, включая государственного секретаря Швеции графа Пипера, весьма благоприятное впечатление. Приезд Хилкова убедил их на какое-то время, что Россия не намерена воевать со Швецией. Андрей получил от короля приглашение отправиться вместе с ним и послами

[1] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти тт. – Т 1. – С. 79-80.

других держав в Копенгаген. Вместе они пересекли на королевской яхте пролив Зунд, и Андрей смог подробно осмотреть находившееся в проливе эскадры шведского, датского, английского и голландского флотов, прибывшие на заключение мира, подписанного 19 августа.

30 августа Хилков получил у Карла вторую аудиенцию, на которой король принял у него верительные грамоты в качестве дипломатического представителя России в Швеции... Случилось так, что как раз 30 августа Петр I принял решение об объявлении войны Швеции.

Карл, потрясенный «коварством московитов», распорядился опечатать имущество посланника Хилкова, а его самого посадить под арест в доме, который он снимал под посольство, вместе с тремя другими служащими – переводчиком и двумя подьячими. Для князя это, конечно, не было неожиданностью, он готовился к этому. Хилков находился под усиленным наблюдением, хотя еще располагал некоторой, весьма ограниченной, свободой действий.

С началом войны были интернированы находившиеся в Швеции «торговые и работные люди из России, общим числом 111 человек». Их имущество было конфисковано, а сами они были собраны в Рюссгордене – русском купеческом дворе в центре Стокгольма, откуда их отправляли на принудительные работы. Купцы возмутились таким обращением, поскольку не считали себя военнопленными, и стали добиваться свидания с Хилковым, который сам еще ничего не знал о своей дальнейшей судьбе. Хилков тут же отправил Карлу протест против условий содержания купцов. Одновременно, поскольку купцы были собраны из разных мест, он смог в беседе с ними выяснить экономическое положение тех районов Швеции, где сам не побывал, и отправил срочную информацию Петру по этим вопросам.

В ноябре 1700 года, после поражения россиян под Нарвой, в плен к шведам попали сподвижник Петра I Я.Ф. Долгорукий, командующий артиллерией русской армии грузинский

царевич Александр Имеретинский, генералы Трубецкой, Бутурлин, Вейде, Головин и другие. В Швеции в 1702 году содержалось 160 особо важных русских пленных, большинство пребывало в стокгольмской тюрьме Грипсхольм.

Хилков оставался под домашним арестом, но получил право регулярно навещать русских пленных. Режим его содержания был смягчен, поскольку Карл хотел в это время обменять его на посла Швеции в России Т. Книппера. Однако Петр I освободил Книппера без обмена. О причинах такого демарша можно только догадываться: Андрей Хилков нужен был именно в Стокгольме, ведь Карл все-таки не ограничивал некоторые права Хилкова, и самое важное – переписку. Пользуясь этим, князь посылал в Москву письма, написанные шифром либо тайнописью (бумагу надо было нагреть для того, чтобы поверх безобидного содержания проступили тайные чернила). На свое положение Андрей перед царем не роптал, домой не просился, хотя, что и говорить, тянуло к молодой жене.

Большинство писем шло от Хилкова в Копенгаген, в российское посольство в Дании, сохранившей нейтралитет. Там информация дополнялась послами Андреем Петровичем Измайловым, а впоследствии Василием Лукичом Долгоруковым и переправлялись в Россию вместе с посольской почтой. В частности, от Хилкова была получена информация о готовящейся в 1701 году атаке шведской эскадры адмирала Шебалда на Архангельск. Боевые корабли Швеции шли к Архангельску под видом «китобойной флотилии», однако их движение находилось в поле зрения российской разведки – помимо сведений Хилкова из самой Швеции, аналогичные сообщения пришли от царских представителей в нейтральных Голландии и Дании, где эскадра готовила снаряжение.

Дальнейшие события развивались так: на подступах к Архангельску эскадра взяла на борт трех русских лоцманов во главе с кормчим Дмитрием Рябовым, которые специально поджидали шведов. Они посадили два шведских корабля на

мель прямо перед спешно и тайно поставленной в гавани Архангельска батареей береговой артиллерии. Эскадра поспешила сдаться, а лоцманы в суматохе сумели скрыться.

В разгар новогодних праздников в следующем, 1702 году, в ночь с 2 на 3 января, несколько русских узников совершили побег из стокгольмской тюрьмы. Среди них были генералы Вейде, Бутурлин, Трубецкой. Однако вернуться в Россию удалось лишь одному беглецу – подполковнику Андрею Гордону, сыну П.И. Гордона – одного из основателей регулярной русской армии. Остальных ждал карцер в подвале Ратуши в Стокгольме, затем их развезли по разным тюрьмам Швеции, чтобы избежать новых групповых побегов.

А вот что писал А. Хилков в одном из своих тайных донесений по этому поводу: «Лучше быть в плену у турок, чем у шведов: здесь русских ставят ни во что, ругают и бесчестят; караул у меня и у генералов внутри; купцов наших замучили тяжкими работами…»[1]

Сам Хилков оставался в Стокгольме, продолжая посылать в Россию донесения, в том числе и шифровки, которые хранятся сейчас в фондах Центрального государственного архива древних актов. С 1704 года в подготовке сообщений ему помогал взятый в плен под Нарвой офицер Алексей Ильич Манкиев, хорошо знавший шведский, латинский и польский языки. Дипломатические («явные») письма попадали в Коллегию иностранных дел, а «тайные», включая шифровки, – в собственный Кабинет Императорского Величества.

Хилков мужественно продолжал вести в Швеции активную работу, оставаясь под домашним арестом. Ему удалось отсудить у шведов часть купеческих капиталов, арестованных в 1700 году. На эти деньги он подкупал информаторов и связников, в том числе среди тюремной охраны. Полученные сведения он переправил в Россию двумя большими «блоками» в

[1] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 81-82.

1706 и 1708 годах вместе с освобожденными по обмену Петром Лефортом и Александром Гордоном.

Поражение шведов под Полтавой вызвало ужесточение режима содержания Хилкова. Королевский прокурор Аксель Спарре нащупал к этому времени канал утечки информации. Сперва Хилкова пытались перевербовать: когда Карл XII двинуть войска через Польшу и Украину на Москву, ему предложили принять лютеранство и занять пост «советника по Московии» при короле. Когда он ответил резким отказом, в 1709 году один из его переводчиков скончался, а помогавший Хилкову старший подьячий посольства утонул при загадочных обстоятельствах. Тогда Хилков по своей инициативе зачислил в штат посольства Манкиева и стойко продолжал работать.

Разгром под Полтавой изменил настроения шведов. Хилков, уже десять лет находившийся в неволе, писал Петру I в 1710 году: «…здесь общая наклонность к миру, мешает один король – он скорее переведет до последнего человека, но не помирится, пока все не возвратит…»[1] Но хотя мир не был заключен, в 1710-1711 годах состоялся большой размен пленных, когда были освобождены и отправлены в Ревель Бутурлин, Вейде, Долгорукий и еще 42 офицера. В это время Хилкову было разрешено посетить под надзором охранявшего его шведского генерала Нирота пленных русских военачальников Автонома Головина и Ивана Трубецкого в тюрьме близ Або. Вместе они решили не соглашаться на размен и оставаться в плену у шведов до конца военных действий, уступив свою очередь младшим офицерам. Этот благородный поступок ободрил многих молодых пленников, еще остававшихся в заточении и едва переносивших тяготы тюремной жизни.

В 1713 году Хилкова перевели из Стокгольма в заключение в крепость Вестерос. Вслед за ним приехал Манкиев, который вез с собой рукопись начатого им в Стокгольме труда

[1] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти тт. – Т. 1 – С. 82-83.

«Ядро российской истории», описывавшего события «от Адама» до 1712 года. Саму работу писал Манкиев, однако в ней принимал участие и Хилков, хорошо знакомый с древнерусскими рукописями. (В начале службы Хилкова при Посольском приказе его наставником был известный русский археограф и историограф конца XVII века Родион Кириллович Полуектов).

Когда Хилков еще находился в Стокгольме, по его просьбе ему помогал в работе шведский историк Петрей, от которого он узнал многие подробности политического и экономического состояния Швеции, о чем регулярно извещал Петра. В Вестеросе он также общался с охранниками, призванными из разных районов Швеции, и узнавал от них важные сведения о положении дел в стране. Так, в письме 1714 года Хилков извещал Петра о расширении штатов в шведских коллегиях иностранных дел, торговли, юстиции, военных дел и большой казны, о введении там новых должностей ревизоров и о распродаже патентов на эти должности. Работа над рукописью по русской истории была завершена в 1715 году.

Три года спустя, в начале 1718 года, Хилков скончался в Весторосе от туберкулеза, обострившегося за долгие годы заключения. Он не дожил полгода до Аландского перемирия, по которому в Россию были возвращены последние пленные, включая Трубецкого, Головина и Манкиева. Александр Ильич Манкиев сопровождал на галере на Аландские острова свинцовый гроб с телом Хилкова, привезенный туда 18 октября 1718 года. Оттуда прах Хилкова был перевезен в новую столицу России Санкт-Петербург и погребен с высшими офицерскими почестями на кладбище Александро-Невской лавры. К сожалению, могила не сохранилась.

Вернувшись в Россию, Манкиев отчитался о своем пребывании в Швеции перед Коллегией иностранных дел, утвердившей его зачисление в штат 1709-м годом. Затем как специалист по Швеции, имеющий там много ценных знакомств, Манкиев был вновь послан туда готовить мирный Ништадт-

ский договор вместе с генерал-адъютантом А.И. Румянцевым. Он пробыл в Швеции до 1720 года, а затем работал по размежеванию границ между Россией и Швецией вместе с графом Шуваловым в 1722-1723 голах. Вскоре он заболел и, ослабленный 18 годами заключения, скончался в 1723 году. Перед смертью он успел передать экземпляр «Ядра российской истории» с сопроводительным письмом единственной дочери Хилкова – Ирине. «Ядро российской истории» было впервые опубликовано в 1770 году. Книга пользовалась огромным успехом, выдержав три издания за десять лет[1].

Паткуль – разведчик волею судьбы. Он родился в тюрьме, в стокгольмском застенке, где содержались его родители по обвинению в государственной измене. Точная дата его рождения неизвестна – предполагается, что где-то около 1660 года. Сын знатного прибалтийского дворянина, *Иоганн Рейнгольд фон Паткуль* волею судеб в первых дней своей жизни оказался в водовороте событий, сотрясавших Европу в конце XVII – начале XVIII столетий.

В результате многочисленных войн, проходивших на протяжении всего XVII века, Швеция стала одним из могущественнейших государств Европы. Ее владения простирались не только по всей Скандинавии, Финляндии, части Карелии, Прибалтики и далее – по побережью Европейского континента, где издревле располагались германские княжества. Шведы претендовали и на часть исконно русских земель.

Они чувствовали себя хозяевами в Лифляндии, которая со второй половины XVI века включала в себя территорию нынешнего юга Эстонии и северную часть Латвии до реки Даугавы.

В 1689 году шведский король Карл XI отобрал земли у лифляндских дворян, и в Стокгольм для переговоров была направлена депутация от прибалтийских земель, в состав которой входил Паткуль. К этому времени он, несмотря на столь необычное «начало» его биографии, сумел дослужиться до чина капитана шведской армии. Как это вышло – остается загадкой. По всей вероятности, шведы считали, что дети не отвечают за деяния своих родителей, и видели в Паткуле весьма незаурядную личность.

[1] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 83-84.

Депутация поставила перед королем вопрос о возвращении отобранных им земель. Особенно резкую позицию занял Иоганн Паткуль. Его дерзость и категоричность предъявления своих прав вызвали гнев короля[1].

Требования депутации не были удовлетворены. В 1692 году Паткуль снова подает королю жалобу от имени лифляндского дворянства с угрозами в адрес шведского правительства. За это в 1693 году он был обвинен в подстрекательстве к бунту. В 1694 году шведский суд приговорил Паткуля к отсечению сначала правой руки, а потом головы.

Богатое имущество Паткуля было конфисковано, сам он спасся бегством в Швейцарию, а затем во Францию. Он пытался ходатайствовать о своем помиловании перед новым шведским королем Карлом XII. Но тщетно.

В 1698 году, укрывшись в Саксонии, Иоганн Паткуль решил посвятить свою жизнь борьбе со шведами и сделал основную ставку на курфюрста Августа II, который к тому же в 1697 году был избран королем Польши.

Саксония – одно из крупнейших княжеств Германии – уже в то время было очагом быстрого промышленного роста. Там успешно развивалось горное дело, текстильная промышленность, в Мейсене вскоре возникло производство фарфора. Как раз в ту пору организуются первые Лейпцигские ярмарки, которые впоследствии приобрели не только общегерманское, но и международное значение. Княжество являлось древним центром культуры и просвещения: еще в 1409 году был основан

[1] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 85.

университет в Лейпциге, а в 1502 году – в другом саксонском городе – Виттенберге.

Паткуль полагал, что Лифляндия могла бы выиграть от вхождения в состав саксонско-польского альянса. Однако он довольно скоро пришел к выводу, что выступать против Швеции можно только объединенными силами скандинавских стран, поскольку саксонско-польский союз шведов не одолеет. Паткуль обладал природной способностью устанавливать контакты с людьми, оказывать на них влияние, да к тому же, пользуясь славой человека, дерзнувшего предъявить жесткие требования шведскому королю, он вошел в доверие к курфюрсту и начал внушать ему мысль о необходимости борьбы со шведами.

В ту пору Швеция доставляла беспокойство многим странам Западной Европы. Паткуль сумел провести переговоры с королем Дании и получил от него согласие войти в коалицию для борьбы со Швецией. Такая же работа была проделана им в Пруссии. Причем Паткуль действовал настолько тонко и конспиративно, что не было допущено никакой утечки информации о проводившихся им тайных переговорах.

Но взоры Паткуля главным образом были обращены к России. Он считал, что если Россия поддержит коалицию, то можно всерьез рассчитывать на успех в борьбе с ненавистной Швецией.

А тем временем русский царь Петр I совершал поездку по странам Европы в составе российского посольства. Петр выступал под именем Петра Михайлова, числившегося бомбардиром Преображенского полка.

Первым пунктом, который наметил посетить Петр, была Рига, находившаяся под контролем шведов. Они не хотели пускать русских в этот город, но Петр проявил настойчивость, и шведы уступили, установив, правда, плотную опеку. Несмотря на то, что шведы буквально дышали в затылок каждому русскому, входившему в группу Петра, царь сумел со своими соратниками тщательно обследовать порт и крепость Ри-

ги. Поездка по Прибалтике была использована Петром для проведения рекогносцировки, и ему действительно удалось составить представление о силах шведов в этом регионе.

Петр I готовился к схватке с северным соседом, преграждавшим выход России к Балтийскому морю. Но начинать войну со Швецией Россия не могла, поскольку еще шла война с Турцией. Воевать на два фронта России было не по силам.

В 1699 году в Москву приехал Паткуль со своим тайным планом создания коалиции для борьбы со шведами. Петра уговаривать не пришлось, поскольку он сам давно вынашивал идею «укоротить руки» шведскому королю. Русский царь увидел, что Паткуль является толковым человеком, он не только проделал огромную работу по выяснению позиций Саксонии, Польши, Пруссии и Дании, но и сумел склонить монархов этих государств к совместной борьбе со Швецией.

Петр, узнав эпопею Паткуля, убедился, что перед ним человек, чьи личные интересы объективно совпали с государственными интересами России, и это обстоятельство привело к плодотворному альянсу.

В ноябре 1699 года был подписан тайный военный договор между Россией, Польшей, Пруссией и Данией. Петр обещал вступить в войну со Швецией после завершения мирных переговоров с Турцией.

В июле 1700 года в Константинополе был заключен договор, по которому Россия получала Азов с прилегающими территориями и вновь построенными крепостями (Таганрог, Павловск, Миус), освобождалась от уплаты ежегодной дани крымскому хану и получила право на дипломатическое представительство в Турции на равных основаниях с другими державами. В августе Россия объявила войну Швеции.

Тайная деятельность Паткуля в значительной степени ускорила процесс создания союза государств против Швеции. Его ставка на Россию как на мощную силу, которая могла обеспечить решающую роль в борьбе со Швецией, оказалась верной. Ему импонировала решимость Петра твердо отстаи-

вать интересы своей страны, реализации которых препятствовала Швеция. Паткуль добровольно вызвался служить России, и Петр с готовностью принял его, зачислил на русскую службу и определил в тайные советники, присвоив ранг чрезвычайного посла и воинское звание генерал-майора.

Своими делами Паткуль доказал, что он действительно располагал большими возможностями. Его обширные связи при дворах союзных государств позволяли ему собирать важную информацию. Разведывательные данные, поступавшие в Москву от лифляндского дворянина, позволяли в значительной степени дополнять представление о конкретных действиях союзников. А Паткуль вел разведку не только в Польше, но и в Пруссии, и в Австрии. Там интересы России представлял тогда малоопытный посол князь Петр Алексеевич Голицын, который испытывал затруднения с заведением нужных связей при дворе императора. В частности, он никак не мог наладить отношений с Кауницем, который занимал тогда пост канцлера Австрии.

Для оказания помощи Голицыну в Вену был направлен Паткуль. Кауниц, как видное и влиятельное лицо при венском дворе, был человеком надменным и, зная себе цену, не каждого иностранца допускал к своей особе. Тем не менее, Паткуль довольно быстро установил контакт с Кауницем и нашел с нм общий язык. К сожалению, в архивах не сохранилось сведений, как Паткуль «обхаживал» Кауница. Известно лишь, что австрийский канцлер дал согласие работать в пользу русского царя за определенную мзду. Однако после отъезда Паткуля из Вены Голицыну таки не удалось развить отношения с Кауницем. К тому же в Москве, в Посольском приказе, был проявлен бюрократический подход – там ожидали вначале информации от Кауница, а потом уже собирались решать вопрос с деньгами.

А Паткуль продолжал активно действовать. Имея хороших информаторов, он в Пруссии, например, сумел перехватить канал переписки прусского двора с королем Швеции. Используя свои возможности, Паткуль собирал информацию о настроениях в высшем чиновничестве и в военной верхушке всех союзных стран.

Петр, получая секретные сведения от Паткуля, внимательно следил за тем, как его союзники по коалиции нарушали договоренности и готовы были вступить в сепаратные переговоры с общим врагом. Он принимал меры по оказанию на них соответствующего воздействия. Усилиям русского царя способствовал и Паткуль. Он имел возможность влиять на прусских министров и тем самым содействовал удержанию Пруссии на позициях союзнических обязательств.

В 1704 году Петр I высоко оценил работу Паткуля и присвоил ему очередное звание – генерал-поручика.

В своих донесениях в Москву Паткуль неоднократно отмечал непоследовательность польского короля в отношении союзнического договора. Летом 1705 года он настойчиво просил Петра принять его для личного доклада по очень важному делу. При этом он просил указать ему любое место, куда он мог бы прибыть с докладом. Петр назвал ему три города – Вильно, Ковно или Гродно. Кроме того, Петр подчеркивал, что если дело столь неотложное, то Паткуль мог бы воспользоваться шифром и передать ему информацию письменно. Но встретиться им уже не было суждено.

Через имевшуюся у него агентуру Паткуль установил, что польский король отправил к Карлу XII своих министров Имгофа и Фингстейна для ведения сепаратных переговоров. Паткуль не мог скрыть возмущения и выступил с резким протестом перед Августом.

Позиция Паткуля встревожила саксонцев и их ставленника на польском троне. Под предлогом участия в переговорах саксонцы заманили Паткуля к себе и арестовали. Паткулю было предложено молчать обо всем, что ему известно об их предательских планах, дав подписку в обмен на свое освобождение. Отказ грозил пожизненным заточением.

Паткуль с гневом отверг эту сделку. Тогда саксонцы выдали стойкого прибалта шведам. 10 октября 1707 года он был колесован шведами, а затем обезглавлен и четвертован.

Так погиб Иоганн Рейнгольд Паткуль, лифляндский дворянин, добровольно предложивший свои услуги русскому царю, служивший ему верой и правдой во имя борьбы против общего врага. Он внес свою лепту в дело ликвидации длительного господства шведов на побережье Балтики. В результате тяжелой борьбы со Швецией Петр I, наконец, осуществил заветную мечту и прорубил «окно в Европу»[1].

В царствование Петра I взоры России были впервые обращены в сторону *среднеазиатских земель.* В то время о них мало что знали. Долетали отдельные слухи о таящихся там несметных богатствах. Но точной информации не было. Слухи перемешивались с различными фантастическими историями, уснащенными восточной экзотикой, что, конечно, снижало их достоверность.

В общих чертах было известно, что еще во второй половине XVI века на землях, которые простирались от побережья Каспийского моря на западе до границы с Китаем на востоке и от Арало-Иртышского водораздела на севере до границ с Персией и Афганистаном на юге, сложилось два крупных феодальных государства – Бухарское и Хивинское ханства.

Бухарское ханство значительно расширило свои владения во времена правления Абдулла-хана II в 1557-1598 годах. Тогда оно завоевало Балх и Фергану, Ташкент, Хорасан с Гератом, Мешхед и Хорезм. Это были годы его наибольшего политического расцвета. В городах развивались ремесло и торговля, шло строительство.

Хивинское ханство образовалось в 1512 году и включало в себя земли древнего Хорезма в низовьях реки Аму-Дарьи, кочевья туркмен на Мангышлаке, Дахистане, по Узбою, а также

[1] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти тт. – Т. 1 – С. 87-89.

северную часть Хорасана. В ту пору Хорезм включал в себя северо-восточную часть современного Ирана, Мервский оазис и северо-западные части современного Афганистана.

До середины XVIII столетия в Хивинском ханстве шла постоянная междоусобная борьба, велись непрерывные войны с Бухарой, Персией, с кочевниками-туркменами. Феодальное государство подрывалось и острой национальной рознью между узбеками и туркменами[1].

Феодальные порядки Хивы тесно переплетались с патриархально-родовыми и рабовладельческими отношениями. Хан пользовался неограниченной властью. Большую роль играло мусульманское духовенство.

Правители Бухары и Хивы испытывали сильное давление со стороны Персии и Османской империи, а потому в поисках союзников с некоторым интересом, хотя и с опаской, поглядывали в сторону России. Хивинский хан даже трижды обращался к Петру I с прошением о принятии Хивы в российское подданство. Это было в 1700, 1703 и 1714 годах. Но царь тогда был озабочен делами на западных границах империи.

Петр проявил интерес к Средней Азии, когда получил секретные сведения о том, что в долине Аму-Дарьи открыты большие месторождения золота. Планы Петра по преобразованию России требовали огромных затрат, поэтому весть о месторождениях золота не могла не заинтересовать его. И он лично написал указ Сената: «Послать в Хиву с поздравлением на Ханство, а оттоль ехать в Бухары к Хану, сыскав какое дело торговое, а настоящее – проведать про город Иркет». Другими словами, речь шла о конкретном разведывательном задании, осуществление которого планировалось провести под прикрытием торгово-дипломатической миссии.

Начались сборы экспедиции в Хиву, а затем в Бухару, хотя главной целью была проверка сообщений о наличии золота в этих ханствах. Петр смотрел дальше: если бы не подтверди-

[1] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 90.

лись поступавшие вести о золоте, то надо было разведать возможность его получения путем торговли с Индией через среднеазиатские государства.

Во главе экспедиции был поставлен уроженец Северного Кавказа *Дивлет-Кизден-Мурза*, который после крещения стал князем *Александром Бековичем Черкасским*. Сенат выделил ему для сопровождения вооруженный отряд в четыре тысячи человек. Позднее к отряду было присоединено еще две тысячи казаков.

Из Астрахани экспедиция князя Черкасского направилась в Гурьев, а оттуда через туркменские пески – к Хиве. Переход от колодца к колодцу в изнуряющей жаре показался князю не самым трудным делом, когда он столкнулся с недоверием и враждебностью, встретившись с людьми хана на подступах к Хиве, а затем оказавшись в ставке хана.

Князь Черкасский, подозреваемый в захватнических намерениях, был схвачен и казнен. Погибли или были обращены в рабство люди из состава посольства и его сопровождения. Лишь немногим удалось бежать и добраться до Астрахани. Они-то и поведали о гибели экспедиции.

Но Петр не отступил от своих планов и решил направить посольство в Бухару. В то время в Петербурге как раз находились представители бухарского хана. Петр заявил им, что собирается направить к хану русское посольство и представил Флорио Беневени, который должен был возглавить эту миссию.

Флорио Беневени, итальянец, находился на русской службе и оказал на деле свою преданность Петру и России. Беневени хорошо знал Восток, его нравы и обычаи, легко сходился с людьми, устанавливал полезные связи. Он бывал в Константинополе, владел турецким и персидским языками. Главная задача, поставленная перед ним, сводилась к негласной проверке сведений о золоте. Но, кроме того, он должен был установить торговые отношения с Бухарой, и Беневени предстояло

выяснить, какое влияние на бухарского хана оказывают Персия и Турция.

В 1719 году русское посольство отправилось в Бухару через Персию вместе с возвращающимися домой бухарскими посланниками. Переправившись через Каспийское море, они высадились на персидском берегу. Путь был нелегким. Не обошлось и без вооруженных провокаций. Но русские на сей раз были готовы дать должный отпор.

В 1720 году русское посольство, наконец, прибыло в Тегеран.

Все это время Беневени не сидел без дела: и на побережье Каспия, и в Тегеране он собирал информацию военно-политического характера и направлял ее в Петербург.

Пребывание в Тегеране снова затянулось, но, в конце концов, шах соизволил отпустить Беневени. Покинув столицу Персии, русское посольство в сопровождении бухарских коллег прибыло в Бухару в конце 1721 года.

Хан внешне благосклонно принял Беневени, и тот три года проработал на земле Бухары. Несмотря на пристальное наблюдение, Беневени делал свое дело. Ему удалось выяснить, что золотоносный песок выносится в Аму-Дарью горными речками. Он сделал вывод, что месторождение золота находится где-то в горах.

И действительно, как потом удостоверились и сам Беневени, и его люди, в горах Бодахшана находились залежи руды, содержащей золото. В других местах были залежи меди, свинца и железных руд. Были выявлены месторождения и серебряных руд. Беневени выяснил также, что все эти месторождения строго засекречены, находятся под личным контролем хана и никому не разрешается заниматься их разработкой. Об этом в Петербург ушло обстоятельное сообщение[1].

[1] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 91-92.

Беневени проанализировал позицию бухарского хана и пришел к выводу, что запрещение на разработку богатых месторождений преследовало разумные цели. Ведь если бы Китай или Персия дознались о залежах золота, серебра, меди и других ценных рудных пород в бухарских недрах, не избежать бы хану нашествия чужеземцев.

Понимая сложное положение, в котором оказался Беневени, находившийся под неусыпным доглядом со стороны ханской стражи, в Петербурге решили послать ему в помощь сотника, выступавшего под видом торговца. Этот сотник, имя которого, к сожалению, в архивах не сохранилось, бродил со своим товаром по просторам бухарской земли. В Балхе и Бадахшане сотник обнаружил английские товары и английских купцов.

Так в те далекие годы на просторах Средней Азии «встретились» интересы России и Англии, вылившиеся в последующем в длительную борьбу за влияние в этом регионе.

Но все это было впереди, а пока Флорио Беневени выяснил, что хан и другие влиятельные бухарцы тяготятся зависимостью от Персии и исподволь тянутся к России. Но эти настроения, в общем-то, были довольно переменчивы.

Летом 1722 года, когда русские войска начали Персидский поход, и до Бухары и Хивы дошла весть о взятии Дербента, Баку и Решта, проперсидские силы присмирели и перестали строить козни русскому послу. В эти дни к Беневени прибыл посланец из Хивы, который привез письмо от хана, выражавшего свою «радость» по поводу победы русских войск и приглашавшего посла заехать в Хиву при возвращении в Россию.

А Беневени действительно уже собирался в обратный путь. Да хан Бухары не отпускал его. Томительно тянулись дни, и однажды к Беневени зашел бухарский посол, с которым они проделали долгий путь из Петербурга через Тегеран в Бухару. За время путешествия, насыщенного множеством событий, у них сложились добрые отношения, которые посол тщательно скрывал от окружающих. Работа Беневени с послом не

прошла даром. И бухарец сообщил, что скоро ему будет дано разрешение уехать из Бухары, но в дороге будет предпринята попытка уничтожить посольство.

Вскоре, получив от хана разрешение на отъезд, русское посольство отправилось в путь. Кровавой резни удалось избежать. Сам Беневени воспринял попытку разделаться с посольством как стремление восточных властелинов не выпускать из своих владений носителей секретов о них и их землях. В Хиве, которую не могло миновать русское посольство, Беневени пришлось испытать на себе и восточное гостеприимство, и коварство. 17 сентября 1725 года Флорио Беневени и его посольство, наконец, прибыли в Астрахань.

Так закончилась опасная и длительная эпопея российского посланника, разведчика Флорио Беневени. Собранные им сведения о положении в Бухарском и Хивинском ханствах, о нравах и обычаях проживавших там народов, значительно расширили представление, сложившееся в Петербурге о государствах Средней Азии. Беневени подтвердил стремление Персии и, в какой-то степени, Турции оказывать влияние на эти мусульманские государства. Но главное, что удалось установить Беневени, это зарождавшийся интерес Бухары и Хивы к России и первые, еще неустойчивые, намерения пойти на установление межгосударственных отношений.

Что касается дальнейшей судьбы Беневени, то по возвращении в Петербург он был назначен на работу в Коллегию иностранных дел. Его большой личный опыт и хорошее знание Востока позволило ему успешно осуществлять руководство одним из отделов Коллегии – так называемой экспедицией «турецкого и других языков»[1].

[1] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти тт. – Т. 1. – С. 93-94.

2.3. Некоторые итоги деятельности разведывательных служб России во времена Петра Великого

Царь придавал большое значение разведывательному обеспечению вооруженных сил империи. Благодаря усилиям Петра Великого был создан **государственный разведывательный ресурс** сил и средств, сосредоточенный в руках императора[1]. С целью более профессионального освещения вопросов военной политики иностранных государств и состояния их вооруженных сил военные чины направляются за границу с разведывательными целями как в составе временных посольств, так и отдельно, под прикрытием выполнения официальных поручений. Так, в 1697 году в состав «великого посольства», отправленного Петром Великим в Западную Европу для укрепления союза России с рядом западноевропейских государств в интересах борьбы с Турцией, был включен майор Преображенского полка Адам Адамович Вейде. Он собирал, обрабатывал и обобщал материал по организации и боевой подготовке иностранных армий. Его доклад о деятельности *«саксонской, цесарской, французской и нидерландской армий»* вошел в историю как *«Устав Вейде»*.

В этот же период военные чины армии и флота стали направляться за границу с разведывательными целями под прикрытием выполнения официальных поручений – обучения, а также стажировки в иностранных вооруженных силах. Известно, что сам Петр I изучал западноевропейский военный и военно-морской опыт, а также кораблестроение в Голландии. В этих же целях широко применялись волонтерская, то есть добровольная служба русских офицеров в армиях и флотах иностранных государств, а также привлечение на русскую службу иностранцев-носителей современных западноевропейских военных и военно-технических знаний и умений как в сухопутные силы, так и в военно-морской флот.

[1] Соколов, В. Военная агентурная разведка. – С. 61.

Одновременно стала применяться практика назначения на посты руководителей и в состав постоянных миссий за границей военных. В 1711 году послом России в Голландии был назначен подполковник князь Борис Иванович Куракин, участвовавший с Семеновским полком в Полтавской битве.

Непосредственное руководство разведкой на государственном уровне в эти годы осуществлял лично Петр I – русский царь, ставший в 1721 году императором.

В 1696 году в России был создан новый для неё вид вооруженных сил – Военно-морской флот, который в силу возникших потребностей стал формировать и развивать собственную разведку[1].

В начале XVIII века в русском языке появляется иностранное слово **шпион**, которое до этого прочно закрепилось во многих иностранных языках. В XVIII и XIX веках слово «шпион» относили и к тем, кто занимался разведкой в пользу Российской империи, и к тем, кто вел разведку против нее. *«Зело оберегайтесь шпионов на Воронеже»,* – указывал Петр I тамошним воеводам в 1703 году. *«Из Риги шпиона своего жду вскоре»,* – докладывал А.И. Репнин в 1704 году российскому самодержцу. *«Он верный шпион есть»,* – встречаем запись а «Архиве князя Куракина», относящуюся к 1711 году.

Почти одновременно со словом «шпион» появляются производные от него **шпионство** и **шпионский**. Из-под пера Петра I, когда до него дошли непроверенные сведения об изменении направления движения шведских войск, исходит распоряжение А.Д. Меншикову: «… *зело нужно чрез добрых шпигов (к чему лучше нет попов) проведать, намеряют ли неприятели маршировать (к Двисне)…»* А.В. Суворову принадлежит авторство в словосочетании **дубль-шпион**. В письме, датированном 1778 годом, русский генералиссимус следующим образом выражает недоверие к информации, поступаю-

[1] Алексеев, М.А. Указ. соч. Книга I. – С. 25-26.

щей от крымского татарина: *«Мустафа… – тож сомнителен, как дубль-шпион»*[1].

22 октября 1721 года, после окончания Северной войны и заключения Ништадского мира, канцлер граф Головкин на торжественном заседании Сената от имени сенаторов обратился к Петру I с просьбой принять титул «Отца Отечества, Петра Великого и Императора Всероссийского». Царь принял лишь звание императора, что и дало России, несмотря на отсутствие колоний, имперский статус (термин «империя» возник в Древнем Риме и восходит к латинскому слову imperium – «высшая власть»; современное понимание слова «империя» предполагает наличие имперской метрополии и колоний.

Этим актом закреплялось новое европейское положение России. Страна стала единственной империей в мире, которая развивалась, жила не под знаменем захвата отдаленных колоний и уничтожения более слабых этносов. Еще античные авторы не раз отмечали, что славяне не обращают пленников в рабов, а включают их в свою общину, но только в том случае, если сами невольники делают такой выбор.

Со временем Россия за счет смежных территорий постепенно, почти бескровно расширилась до одной шестой части планеты и создала на просторах от Балтики до верхнего течения Юкона на Североамериканском континенте и от Кавказа до Арктики сообщество народов, самой историей и географией непосредственно связанных с Россией. В последующем вооруженные силы Российской империи не раз бывали в результате военных баталий в Европе, но всегда оставляли её территорию, не пытаясь «присвоить» чужие, не входящие в российское геополитическое пространство.

Необходимо сказать, что принятие царем титула императора всероссийского шокировала Европу: ломался план создания Европейского союза во имя вечного европейского мира, согласно которому России отводилась роль шведской колонии. Этот документ был разработан за два года до рождения Петра, в 1670 году, великим немецким математиком и философом Лейбницем. Его суть заключалась в том, что каждая великая европейская держава должна была получить свою долю экспансии вне Европы. Ссориться друг с другом впредь не разрешалось, как не рекомендовалось и нарушать «эксплуатационные нормы». По Лейбницу, мир делился на шесть эксплуатационных участков:

– Англии и Дании выделялась Северная Америка;
– Франции – Африка и Египет;
– Испании - Южная Америка;
– Голландии – Восточная Индия;
– Швеции – Польша и Россия.

Сразу выступила с признанием новой империи только Пруссия. Даже любимая Петром Голландия колебалась год – до 1722-го. Дания признала за российскими самодержцами право именоваться императорами в 1723 г. Побежденная Швеция – в 1733-м. «Германская» империя австрийских Габсбургов – в 1747-м, Франция – в 1757 году, Испания – в 1759-м.

Рекорд озлобленности поставила Польша. Она признала новый статус России лишь в 1764 году – через 43 года после принятия титула Петром![1]

Масштабный государственный руководитель, зная все о разведке, в равной мере обязан быть осведомленным и о способах противодействия ей. Петр Великий был из их числа.

В условиях Северной войны на фоне разведывательной деятельности шведов русской разведке приходилось заниматься не только собственно разведкой, но и контрразведкой, которая играла немаловажную роль в русской армии[2]. Руководил контрразведывательной деятельностью сам Петр I. «Донесения поступали к нему от генералов, командующих отдельны-

[1] Алексеев, М.А. Указ. соч. Книга I. – С. 27.

[1] Соколов, В. Указ. соч. – С. 67.

[2] Васильев, И.И. Зданович, А.А. Спецслужбы в зеркале социологии // Труды Общества изучения истории отечественный спецслужб. Том II. – С. 24-25.

ми войсковыми формированиями. Ответы Петра всегда отличались конкретностью, лаконичностью и вместе с тем удивительной точностью указаний, которые сразу схватывали суть проблемы», – пишет В.С. Гражуль. Воспроизведем поистине классический эпизод из истории русской контрразведки, в котором особенно явлен профессионализм царя в контрразведывательном деле. Вот этот случай. «В феврале 1706 года фельдмаршал Огильви сообщил из Гродно, что ими задержана женщина, подозреваемая в шпионаже. Дело оказалось весьма запутанным и требовало терпеливого изучения. На допросе она заявила, что ее перебросили в русский тыл по личному распоряжению шведского короля, что ей удалось обмануть Меньшикова, что она якобы потом жила на квартире у скорохода Меньшикова – Францишека и что ее русские перебрасывали в шведский тыл с письмом «от немцев» к Карлу XII. После этого шведы вновь перебросили ее с письмами через фронт, и она-де жила у русского капитана, «веселилась и танцевала» и оговорила целый ряд лиц. Огильви решил, что ее надо казнить, ибо это – просто-напросто проститутка, которая оговаривает людей». В.С. Гражуль сообщает читателю, что «такое примитивное решение, похоже, возмутило Петра, и он разразился следующим письмом: «Бабу-шпионку, которая обличилась и разыскиваете, то зело изрядно, а что тут же пишете, что хощете оную казнить, то зело противно, ибо пишете, что Францышку и прочих арестовать, а когда она казнена будет, то в ту пору с ними делать будете и кто будет прав или виноват?

Також может быть, что еше и иные есть, которые все покроются ея смертью, у нас враги внутри останутся, которая тем ворам ослабла яко нарочно от вас учинена будет. Чего для отнюдь не казнить, но пытать и держать еще ради лутчего розыску да указуя»[1].

[1] Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. – Том II. – С. 25.

Один лишь эпизод, а как он многозначен. Простая «баба-шпионка», но сколько вокруг нее задействовано лиц: высшие руководители двух воюющих держав – Петр I и Карл XII – два видных военачальника, одно доверенное лицо Меншикова – его курьер-порученец («скороход»), некий русский капитан и безымянные должностные лица (русские и шведы), которые ведут «игру» друг с другом, забрасывая ее с заданием через линию фронта, туда и обратно. (На самом деле вовлеченных в это дело лиц гораздо больше, чем здесь названо.) Судьбу ее не может решить командующий («фельдмаршал») – что, она столь важная персона? Или что-то другое крылось за этим? Почему для этого нужно вмешательство самого Петра I? Но поражает зрелый взгляд на суть дела 34-летнего контрразведчика в царских регалиях. Концовка письма-указа не оставляет сомнения в том, что, требуя вести и дальше тщательную разработку, он надеется на разоблачение ее возможных сообщников. Смеем предположить и несколько иное. Царь в своем категорическом требовании мог надеяться, что при дополнительном расследовании (не исключено и с его собственным участием, что было не редкость) заслуженное наказание могли бы понести и те, кто, как очевидно, с самого начала весьма легкомысленно, а может быть, преступно-легкомысленно вел эту работу[1].

Сам Петр I был беспощаден к изменникам. Разглашение государственной тайны было им приравнено к самым тяжким преступлениям: «когда кто злым образом и на время, или вовсе тайно коллегиальных писем и документов что унесет… когда кто постороннему, кому не надлежит тайности коллегии сообщит резолюции, прежде времени объявит протоколы… таковым за преступление как высшим, так и нижним надлежит чинить смертная казнь, или вечная на галеры ссылка с вырезыванием ноздрей и отнятием всего имения»[2].

[1] Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. – Том II. – С. 25.

[2] Телицын В.Л. Российские спецслужбы. От Рюрика до Екатерины Второй. – С. 170.

Как отмечают известные нам исследователи, пристальное внимание в своей деятельности Петр I обращал также на борьбу с иностранными разведками, неустанно требовал бдительности от всех офицеров и служилых людей, считал первостепенно важным сохранение государственной тайны. Так, в Положении о Коллегии иностранных дел, в частности, говорилось: «К делам служителей коллегии иметь верных и добрых, чтоб не было диряво, и в том крепко смотреть, а ежели кто непотребного в оное место допустит, или ведая за кем в ем деле вину, а не объявит, то будут наказаны яко изменники». Да, этот период в истории России можно считать едва ли не единственным, когда «перебежчиков» и «изменников» можно было пересчитать буквально по пальцам. Не то, чтобы все вмиг испугались окрика Петра. Нет. Свою роль сыграл иной фактор: передовая часть общества (в первую очередь та, которая общалась с иностранцами) была вся увлечена идеями общественных преобразований. А потому была далека от мысли изменить своей стране или рискнуть пойти на контакт с иностранными разведками. Это так, и этим объясняется мизерный процент «предательства» в петровскую эпоху.

Нельзя согласиться с утверждением, что Петр I придавал большое значение внешней разведке, но не в состоянии оказался создать собственную соответствующую структуру. В сфере создания внешней разведки в наследство от петровской эпохи остались только отдельные люди, «зачатки генерал-квартирмейстерской (штабной) службы и воинский устав», утвержденный еще 30 марта 1716 года, в котором отмечалось, что «эта служба обязана … производить разведку». Правда, при Петре Великом были предприняты первые попытки иметь собственных военных атташе при армиях иностранных государств. В роли подобных военных агентов выступали дипломаты, бывшие гвардейские офицеры, естественно, одновременно выполнявшие общие задания, определяемые внешней разведкой. При Петре Великом, отмечается в исследованиях, особенно наглядно проявляется одна из особенностей русской

внешней разведки, которая уходит в начало XX века – совмещение целей и задач военной и внешней разведки (ярким примером тому могут служить действия дипломатических представителей России в Западной Европе и Турции). Но время диктовало и ограничивало правила игры, выше которых прыгнуть было невозможно.

Все исследователи согласны в одном: заслуга Петра Великого состоит в том, что он подготовил основы для дальнейшего развития страны во всех областях, в том числе и разведывательной[1].

О военной разведке можно говорить еще много, поскольку конец XVII – начало XVIII веков ознаменовались целой серией европейских войн, и без «добычи» необходимых для победоносного окончания военных действий сведений о противнике не смогла бы обойтись ни одна из европейских армий. В том числе и русская. В чем преуспевала русская военная разведка в этот период, так это, бесспорно, в войсковой разведке: многочисленные битвы и сражения служили источником для ее обогащения и дальнейшего развития. Внимательно русская разведка наблюдала за теми изменениями, которые происходили в иностранных вооруженных силах, в первую очередь – за изменениями в артиллерийском деле, в вооружении пехоты, в тактике действий всех родов войск.

Но были и досадные «проколы». О них уже немало написано, и стоит обратиться к соответствующей литературе: «Неожиданное поражение в ходе Прутского похода 1711 года также следует отнести к крупному провалу русской разведки. Своими оценками она фактически дезинформировала Петра о благоприятных условиях похода на Турцию. Были значительно преуменьшены реально существующие трудности этой кампании, явно переоценены свои силы. Считалось, что одно лишь появление русских войск в этом районе сразу же приведет к очередной славной победе. Не справилась со своими за-

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 171-172.

дачами и войсковая разведка. Налицо была излишняя эйфория от славной Полтавской победы. В результате пришлось соглашаться практически на все унизительные требования турецкой стороны (сдача Азова, уничтожение ряда крепостей), необходимо было также спасать самого царя, который, находясь с войсками в полном окружении, составил даже свое завещание. Это бесславное поражение еще более убедило Петра в значимости достоверной разведывательной информации. Царь продолжал учиться, порою на тяжелых и горьких для него уроках: ведь из 25 лет его царствования фактически лишь один год был для России мирным»[1].

Так считают историки. Добавим от себя: для Петра была свойственна некоторая самоуверенность от небольшого успеха и стремление без всякой, порой, подготовки ринуться решать другую, более сложную проблему. Мало того, любая, даже самая малая неудача, только раззадоривала Петра, он становился совершенно неуправляемым, отказывался пересматривать свои планы или даже более глубоко вникать в суть проблемы. То есть он мог действовать, что называется «напролом». И здесь уже никто, даже самые умнейшие люди из разведки, не могли убедить его в необходимости сменить «вектор» своих действий. Так получилось, например, с Прутским походом 1711 года. Не стоит, правда, сбрасывать со счетов и просчеты военной разведки. Но дело даже не в этом, а в том, что Петр Алексеевич поторопился двинуть свои войска к юго-западным границам, не просчитал все возможные варианты, не вник в предоставленные дипломатическими службами и внешней разведкой резоны и, наконец, не определил сам для себя, что даст ему победа (или поражение) в ходе этих военных действий. Итог: многотысячные жертвы и необходимость уступить противнику[2].

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 173-174.
[2] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 174.

В 1709 году заканчивается борьба на российской территории, но война еще не закончена. Европейские государства только после Полтавской битвы по-настоящему вступили в войну. Многие из западноевропейских правителей поспешили выразить свое восхищение петровскими победами и русским оружием. Польский король поспешил поздравить Петра и заключить новый договор, отказавшись от прежних притязаний на русские земли. А датский король прислал уполномоченного посланника предлагать оборонительный и наступательный союз против шведов. Король французский спешил сообщить через секретаря французского посольства в Дании, что желает вступить в союз с русским императором. Прусский король заключил оборонительный союз с Россией.

Великобритания продолжала вести очень осторожную по отношению к России политику, не оставляя своих попыток давления на Данию, Пруссию и Польшу. В стороне от доброжелательных отношений с Россией держалась и Австрия. Хотя она после Полтавы пыталась сделать вид, что готова вести с восточным соседом спокойную политику. Роль дипломатической разведки все более возрастала.

Петр I оценил огромное значение тайнописи – с этим согласны все. И вот почему. Необходимость в серьезном использовании шифровок являлась более чем насущной задачей, так как Петр вел огромную работу во внешнеполитической и внутриполитической сфере. «Хотя появление тайнописи в России датируется XII-XIII веками, использование криптографии для засекречивания государственной переписки началось лишь в эпоху правления Петра I», – пишет американский исследователь Дэвид Кан[1]. «Всплеск дипломатических отношений требовал использования шифров в массовом количестве; начавшаяся Северная война привела к росту и дальнейшему совершенствованию видов тайнописи. Все русские по-

[1] Кан, Д. Взломщики кодов / Д. Кан. – Пер. с англ. А. Ключевского. – «Секретная папка» – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – С. 101.

слы при иностранных дворах пользовались специальными шифрами («цыфирь», «азбука», «ключ») для переписки с руководящими лицами Посольской канцелярии и царем». Именно Посольский приказ, а затем и Коллегия иностранных дел, отвечавшая за важнейшие политические связи между Россией и ее союзниками, оставалась «главным учреждением царя по организации систематического использования тайнописи». Под непосредственным руководством Петра и «начального президента государственной посольской канцелярии» А.Ф. Головина работало «цыфирное отделение».

Петр Алексеевич вел просто огромную переписку с высшим командирским составом русской армии и флота, русского внешнеполитического ведомства, министрами, губернаторами и другими лицами. Исследователям известна шифрованная переписка царя с адмиралом Ф.М. Апраксиным, фельдмаршалами Огильви, Б.П. Шереметьевым. Большое значение Петр I придавал качеству тайнописи. Так, царь с неудовольствием сообщает Огильви: «Цыфирь вашу я принял, но оная зело к разобранию легка»[1].

Вот несколько интересных историй, связанных с российскими внешней и военной разведками времен Петра Великого.

При осаде шведским королем Карлом XII Полтавы, её комендант А.С. Келин за неделю до Полтавского сражения регулярно сообщал сведения о противнике Петру в шифрованных письмах, спрятанных в полых бомбах, методически перебрасываемых из-за крепостных стен в русский военный лагерь. Так, например, 21 июня А.С. Келин дал знать А.Д. Меньшикову о наблюдавшейся из Полтавы тревоге в шведском лагере и перегруппировке войск противника. Кроме того, уже в то время появляются условная сигнализация, подтверждающая получение А.С. Келиным шифровок:

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 175-176.

«Когда сии писма получите, то дайте в наши шанцы сегодня знак, не мешкав, одним великим огнем и пятью пушечными выстрелами… что вы те писма получили»[1].

Петр Алексеевич занимался не только составлением и обработкой шифров, но и уделял должное внимание средствам осуществления тайной переписки. Например, в апреле 1714 года император писал русскому послу в Швеции И.Ю. Трубецкому:

«Посылаю к вам три скляницы для тайнова писма: чем перво писат под А. которая войдет в бумагу и ничево знат не будет; потом под В. – теми чернилы потом писат, что хочешь явъново; а третье пот С. – то когда от нас получишь писма, оною помазат, то чернилы сойдут, а первое выступит». При создании шифрованных посланий Петр I не забывал о мерах предосторожности, направляя секретные записки в особых, специально для того приготовленных «контейнерах».

17 февраля 1706 года он пишет одному из адресатов: «замешкались за тем, что азбуку переписывали и в пуговицу вделывали»[2].

«Российские «цыфирные азбуки» и «ключи» начала XVIII века представляют собой простые шифры замены, при которой отдельные элементы текста замещаются на условные обозначения. Подлежащие шифровке тексты писались на русском, французском, немецком и греческом (или других) языках. В качестве условных знаков вырабатывалась целая система цифр, идеограмм, специальных знаков, специально для того составленных алфавитов. Так, в шифровках Петр изображал имя украинского гетмана Мазепы (после его открытого перехода на сторону шведского короля Карла XII в октябре 1708 года) в виде топора и виселицы, предводителя восстания в 1707-1709 года Кондратия Булавина – виселицы.

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – 183-184.
[2] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 184.

Однако простота тайнописи, изображаемая как легкодоступная для дешифровки того времени, совсем не то, что было на самом деле: один из русских шифров петровской эпохи англичане сумели прочитать лишь через 25 лет»[1].

Раз уж речь пошла об Англии, стоит вспомнить об интересном случае в истории русской разведки, когда в 1713 году последняя провела крупную вербовку в Англии. В тот год объектами вербовки являлись английский посол в Нидерландах лорд Стаффорд и некто Витворт. Русским послом в то время в Гааге был князь Куракин, встречавшийся со Стаффордом и достаточно его изучивший. Стаффорд, по мнению русских, вел «антирусскую пропаганду», доказывая, что появление российских войск на Балтийском море означает «упадок внешней торговли для всех западноевропейских стран».

В середине года Стаффорд сообщил, что английская сторона настаивает на том, чтобы союзники приняли сторону англичан и голландцев в переговорах о мире со Швецией. «Датские и саксонские министры заявили Куракину что они вынуждены согласиться и по указанию своих королей готовы дать Стаффорду взятку в сорок тысяч червонных. Они предложили Куракину взять на себя часть расходов и внести двадцать тысяч.

Куракин сообщил об этом царю и получил указание: на медиацию не соглашаться, но принять «Bona Officia» (ни к чему не обязывающее посредничество). При этом дал инструкцию обещать Стаффорду двадцать тысяч ефимков, «если он к интересам царского величества покажет себя достаточно склонным»[2].

Одновременно предложено было вербовать и Витворта, который был назначен английским уполномоченным для мирных переговоров. По сведениям русских дипломатов, он относился доброжелательно к России и северным союзникам. Интересно при этом, что в русской разведке тщательно изучали намеченных к подкупу лиц, следили за их политической эволюцией. Так, в директивах, касающихся этой вербовки, указано, что он, вероятно, согласится сотрудничать, в частности, еще и потому, что «хотя и ласкается к нынешнему торийскому министру, но сердцем виг; обещать ему тайно 50 000 ефимков, если он поможет заключению мира на желаемых условиях».

[1] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 184.
[2] Телицын, В.Л. Указ. соч. – С. 185-186.

На всю же разработку ассигновано было 100 0000 ефимков. Из «Bona Officia» англичан ничего не вышло. Да и сам Петр не особенно стремился теперь воспользоваться услугами Англии, ибо он получил информацию о том, что положение шведов ухудшилось.

В 1715 году вновь последовало указание Петра вербовать английских министров. «Он был заинтересован в том, чтобы англичане не настаивали на передаче Польше Лифляндии и Риги. Петр в самом начале войны обещал Августу эти земли. Царь до времени не хотел отказываться от этих обещаний, но и не собирался их выполнять. Поэтому было предложено князю Куракину, ведшему переговоры с англичанами, сообщить по секрету тем английским министрам, которые склонны к стороне царского величества, что царь не может уступить эти территории полякам, ибо они не выполнили договор и оставили русские войска без помощи во время турецкой кампании, в результате русские проиграли войну и потеряли Азов».

Если же посол «увидит в министрах склонность, то должен предложить в конфиденции, чтобы рассудили, какая польза будет королю Великобританскому и обеим морским державам принуждать царское величество Ригу и Ливонию уступить польскому королю и Речи Посполитой»[1].

Вот что писал специалист по вопросам истории российских спецслужб В.С. Гражуль: «Широкое развитие дипломатической и политической разведки в полном смысле этого слова начинается со времен Петра Великого. Московское гос-

[1] Телицын, В.Л. Указ соч. – С. 186-187.

ударство вступало в дипломатические отношения с другими государствами и значительно раньше. Посольства иностранных держав встречаются рано в России, намного раньше петровской эпохи. По мере надобности цари, в свою очередь, посылали посольства за границу. Однако эти посольства носили временный характер: были так сказать, дипломатическими миссиями с особыми поручениями. В некоторых странах были русские резиденты, отправлявшие дипломатические функции.

Но только с начала XVIII века Петр I устанавливает нормальные дипломатические отношения с европейскими дворами. Русская дипломатия становится на твердую почву, превращается в «регулярную» государственную службу.

Дипломатическая, или политическая разведка, однако, не являлась тогда самостоятельной частью государственного аппарата, и тайное изучение (разведывание) чужих стран было возложено на дипломатическое ведомство – Посольский приказ, а позже на Коллегию иностранных дел и их представителей за границей – послов, посланников и резидентов. Впрочем, и в других государствах Западной Европы тогда еще не было отдельного аппарата зарубежной разведки.

…Петр начал проводить в жизнь свой план преобразования России, чтобы направить концентрированную мощь огромного государства на расширение западных и южных границ, возвращение исконно русских земель, захваченных шведами в смутное время, на выход России к морям. Он «начал прорубать окно в Европу». Петр оказался не только энергичным администратором и полководцем, но и первоклассным дипломатом, и умелым организатором разведки. Поистине приходится только удивляться его разносторонним дипломатическим и разведывательным комбинациям, которые давали блестящие бескровные победы.

Он сумел окружить себя преданными единомышленниками, отличными сотрудниками, талантливыми разведчиками-дипломатами, понимавшими своего умного шефа с полуслова.

История русской дипломатии и русской дипломатической разведки при Петре – это блестящая страница истории Российского государства на одном из важнейших этапов его развития»[1].

В капитальном труде Н.Л. Волковского отражена еще одна сторона деятельности Петра Великого – *противоборство с Западом в сфере информационной войны*, которая тесно смыкается с разведкой и контрразведкой. Северная война шла не только на поле боя и на дипломатическом поприще, но и в области публицистики.

В первый период войны (1700-1706) газеты, выпускавшиеся в Швеции и немецких княжествах, изображали Россию варварским государством, угрожавшим Европе. Так, газета, выходившая в 1701 году в немецком городе Фрейштадт, которая называлась «Секретные письма о замечательных предметах государственного и ученого мира, состоящие из двенадцати различных почт на 1701 год», всячески расписывала храбрость шведских солдат, военное искусство шведских офицеров, а русских людей называла «малообразованными трусами». Газета предсказывала следующим образом развитие войны в Прибалтике: «Лифляндия сделается театром многих кровавых дел и как таковая будет наводнена громадною толпою татар и других восточных народов. Однако следует предполагать, что шведы своим храбрым и правильно устроенным войском победят это множество и с честью окончат войну, что уже предсказано хорошим началом»[2].

Для большей убедительности газета ссылалась на войну за Прибалтику при Иване IV, в которой Россия потерпела поражение. Она применяла уже сложившиеся в то время антирусски настроенных авторов приемы изображения России: варварская страна, угрожающая культуре христианских народов.

---

[1] Цит. по: Телицын, В.Л. – С. 187-189.

[2] Волковский, Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 1 / Н.Л. Волковский. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. – С. 107-108.

Люди ее изображались трусливыми и малодушными дикарями. Это было характерно и для других газет, враждебно настроенных к России. Победу шведов под Нарвой они рассматривали как торжество правого дела.

В начале Северной войны шведы распространяли в пограничных районах России манифест Карла XII, в котором Россия обвинялась в нарушении мирного договора и в развязывании войны. В нем говорилось, что Петр I без всякого на то основания напал на Ивангород и Нарву и мучил жителей. В манифесте далее подчеркивалось, что русский царь со своим войском поступил не по-христиански, что Карл XII мог бы так же поступить, но он такого варварства не допустит. Он обещал попам, торговым людям и крестьянам королевскую милость. Шведы распространяли в Европе письма на немецком и других языках, в которых говорилось, что Петр «оную войну без правильных и законных причин начал»[1].

Таким образом, шведы с самого начала Северной войны стремились использовать печатное слово в качестве оружия против России, распространяя клеветнические измышления о русской армии, русском народе, о политике Русского государства, поднимая общественное мнение Европы против России, стремясь дезориентировать население страны. В этих условиях вражеская пропаганда представляла большую опасность. В противовес ей необходимо было показать, что Россия не варварская страна, а культурная, или, как тогда говорили, христианская, и в кровопролитной войне виновата не она, а Швеция[2].

Русское правительство много внимания уделяло созданию благоприятного мнения о России в западноевропейских странах. Был выпущен специальный манифест, который разъяснял смысл войны со Швецией и призывал на русскую службу иностранных специалистов. В этом манифесте указывалось, что

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 108.
[2] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 108.

все мысли правительства обращены на то, «коим образом и способом мы как безопасение наших рубежей от всех неприятельских нападений извне содерживати и обороняти, тако наши и наших государств преимущества, правы и справедливости… паки оградити»[1]. Манифест разъяснял, почему в России создается мощная армия: «Того ради мы войсковое состояние, яко единая из наибольших подпор всех государств и правительств, в государстве наших учредити трудимся таким образом, дабы наше войско во всех потребных воинских действиях искусно сочинено, подправое и порядочное обучение приведено и пристойному управлению учреждению быти могло».

Однако таких публикаций разового характера было недостаточно для противостояния пропаганде противника. При таких обстоятельствах правительству необходим был *периодический печатный орган*, освещавший вопросы, имевшие совсем недавно значение государственной тайны.

Поэтому 16 декабря 1702 года Петр I приказал «по ведомостям о воинских и других делах, которые надлежат для объявления Московского и окрестных государств людям, печатать куранты, ведомости, в которых приказах о чем ныне какие есть и впредь будут присылать», а 2 января 1703 года в Москве вышел первый номер этих курантов под названием «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах»[2]. Таким образом, возникла первая русская газета, причем уже в первом номере в противовес иностранным высказываниям о слабости военной силы России «Ведомости» сообщили: «На Москве вновь ныне пушек медных, гаубиц и мартиров вылито 400, те пушки, ядром по 24, 18 и по 12 фунтов. Гаубицы бомбом девяти и трех и двухпудовые и меньше. И еще много форм готовых великих и средних к ли-

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 109.
[2] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 109.

тью пушек, гаубиц и мортиров. А меди ныне на пушечном дворе, которая изготовлена к новому литью, больше 40 000 пудов лежит». Русскому читателю эта информация давала уверенность в силе своего государства и его армии, а противника заставляла бояться их[1].

В этом же номере рассказывалось еще несколько «воинских дел». Так, сообщалось, что священник Иван Окулов с охотниками напал на шведскую границу, «шведов побил многое число и взял рейтарское знамя, барабаны и шпаг, фузей и лошадей довольно, а что взял запасов и пожитков он поп, и тем удовольствовал солдат своих, а остальные пожитки и хлебные запасы, коих не мог забрать, все пожег».

Словом, уже первый номер показал, какого характера будет газета. Петр Великий зорко следил за тем, чтобы она не была только хроникой событий; он заботился, чтобы она сообщала сведения, «полезные, между прочим, и военным людям возбуждающе в них воинскую доблесть» и устрашала врага, и возбуждала дух народа.

Наибольшее внимание «Ведомости» стали уделять освещению Северной войны. Показывать ход ее военных событий газета начала с небольших сообщений, в которых говорилось о победе русских войск. Так, уже в первом номере отмечалась «преславная победа на разных местах», сообщалось, что взяты «грады крепкие», «многое число» пленных, однако царь по своей гуманности многих «на свободу отпустил». В Москву, подчеркивала газета, Петр вступил «с великим триумфом», привез шведскую артиллерию, которая была взята русскими войсками под Мариенбургом и Шлиссельбургом. Таково сообщение о Северной войне в первом номере «Ведомостей». Таким образом, уже в этом первом номере имелась определенная тенденция в освещении вопроса, содержалось некоторое обобщение о значимости победы, о гуманности в обращении с пленными шведами. Все это имело определенный

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 109-110.

смысл, если вспомнить клеветнические измышления вражеской прессы, о которых говорилось выше.

В начале 1703 года «Ведомости» поместили материал о военных действиях в Ингрии. Газета сообщала, что Петр приказал освободить пленных, а жителям Лифляндии велел объявить, что все бесчинства «против его указа учинены» и что если жители Лифляндии пожелают, то он возьмет их под свою защиту и освободит от всех налогов и податей. И в адрес шведов говорилось: «Против того генерал Шлипенбах оное письмо по всей земле всенародно объявити приказал»[1].

Этим газета опровергала вражеские сообщения о зверствах русских солдат в Лифляндии, о которых противники России немало распространялись. «Ведомости» утверждали: бесчинства чинились вопреки воле царя, царь готов взять население Лифляндии не только под свое покровительство, но и освободить его от налогов и податей. Разумеется, подобное сообщение в период войны в Прибалтике имело большое политическое значение.

После нарвского поражения русское командование выработало план «малой войны». Суть его заключалась в выматывании сил противника ударами подвижных отрядов, в подготовке армии к большим наступательным операциям. Поэтому «Ведомости» в этот период большое внимание уделяют освещению действий этих небольших отрядов и героизму русских людей в борьбе с врагом.

Рассказывая о «малой войне» со шведами, газета помещала, как правило, заметки. Так, 22 марта 1703 года сообщалось, что шлиссельбургский губернатор, возглавив отряд, совершил поход на неприятельские мызы, находившиеся в 95 километрах от крепости. Отмечалось, что над неприятелем одержана победа «изрядну». Газета писала об удачном походе русских отрядов на Ивангород, на Нарву.

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 110-111.

«Ведомости», информируя о завоевании русскими войсками территории Ингрии, неизменно подчеркивали значение одержанных побед при овладении крепостями и населенными пунктами. Так, сообщая о том, что русские войска взяли «славную крепость Канцы», газета подчеркивала значение завоевания этой крепости: «Канцы – изрядная корабельная пристань». Такая характеристика имела далеко идущий смысл. Шведы писали, что для них потеря Канцов «значения не имеет, так как Канцы – худо укрепленные гнезда». Таким образом, в маленьком сообщении «Ведомостей» разоблачалось утверждение вражеской прессы[1].

«Ведомости» не раз писали о большой силе русской армии. Например, 29 мая 1703 года газета сообщала: «К королю польскому царское величество писал нарочно, что сам со стом тысячью человек ратными людьми в Лифляндскую землю идет, так же и в Литву хощет великие силы послать». Газета приводит явно преувеличенные данные о численности русской армии, готовящейся вступить в Лифляндию. Этим самым «Ведомости» стремились поднять авторитет Русского государства, устрашить противника. Такая тенденция показа многочисленности и мощи русской армии прослеживается на протяжении почти всей истории петровских «Ведомостей»[2].

Со временем русская армия стала одерживать значительные победы над шведами, и газета публикует обширные материалы о них, в которых содержится не только информация о сражении и фактах, связанных с ними, но и комментарии, обобщения, чего не было до этого в публикациях о Северной войне. Так, в «Ведомостях» от 11 августа 1703 года, сообщая о том, что крепость Копорье сдалась, комментировали: «…таким обычаем вся Ижорская земля, кроме Ивана города, покорилася». Подобным комментарием газета напоминала читателю: мы отобрали часть земли, захваченной у нас шведами.

[1] Волковский, Н.Л. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 111.
[2] Волковский, Н.Л. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 111.

Однако Ивангород еще находится у неприятеля. Аналогичные комментарии содержались в корреспонденциях «Ведомостей» от 18 июля, 24 августа, 4 октября, 23 декабря 1703 года и во многих последующих номерах газеты. Это говорит о стремлении ее редакции усилить пропагандистский характер публикаций.

Далее, стремясь показать значимость одерживаемых над шведами побед, газета начинает публиковать списки пленных и трофеев, взятых у неприятеля. Впервые такая публикация в «Ведомостях» появилась 2 мая 1704 года в связи с победой русских войск на реке Амовже в районе Чудского озера. Обычно в приводимых списках перечисляли по чинам шведов, взятых в плен, называлось количество каждого вида трофеев. Такая подача материала давала возможность более отчетливо, выразительно представить читателю значимость одержанной победы[1].

«Ведомости не раз подчеркивали, что русские войска «не только оружием и силою, но и умом побеждать умеют». Например, с большим подъемом газета рассказала о «военной хитрости», примененной русским командованием под Нарвой летом 1704 года в период осады ее русскими войсками, в результате которой самонадеянному противнику был нанесен удар[2].

27 июля 1704 года «Ведомости» сообщали о завоевании русскими войсками города Юрьева (Дерпта). Факт завоевания русскими войсками города Юрьева комментируется следующим образом: «Итако с Божьею помощью сей славный и крепкий отечественный град возвращен». Таким образом, газета писала не о завоевании, а о возвращении славного русского города Юрьева. Учитывая ответственность, с которой относились руководители «Ведомостей» к печатному слову, мы можем утверждать, что газета умышленно подчеркивала

[1] Волковский, Н.Л. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 112.
[2] Волковский, Н.Л. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 112.

возвращение «отечественного града», т.е. писала о войне, как тогда говорили, за земли «отцов и дедов». Такое освещение вопроса на страницах массового политического органа имело большой смысл.

В «Ведомостях» подчеркивались мужество и стойкость русских воинов, гуманность командования, не только освободившего 3 тысячи пленных шведов, но и вернувшего и частично оружие, т.е. стремление показать, что русская армия воюет по обычаю «христианских и политичных народов». Эти мотивы на страницах первой печатной газеты не случайны, они представлены чрезвычайно широко. Газета освещала вопросы Северной войны в определенном плане, противопоставляя свое толкование вражеским выдумкам о «варварстве» и неимоверной жестокости русской армии[1].

Также во второй половине 1704 года «Ведомости» напечатали ряд сообщений о действиях русских войск в Прибалтике. Так, в номере от 2 октября 1704 года газета напечатала заметку о том, что в Дерпте жители царю «присягу учинили». Мысль, что население завоеванной территории подчинилось Русскому государству, неоднократно проводилась и в других публикациях газеты[2].

В начале 1705 года «Ведомости» не раз приводили преувеличенные данные о численности русской армии, находящейся в Литве. Так, 29 января 1705 года газета в заметке «Из Кракова» сообщила, что «московские войска вкупе в поход пойдут», имея 20 тысяч человек пехоты и 16 тысяч конницы. Нетрудно понять смысл подобных сообщений: газета подчеркивала силу русской армии, ибо важно было это внушить читателю русскому и иностранному[3].

Следует заметить, что «Ведомости» ничего не сообщают о неудачах, потерях русских войск. А то, что они были, свидетельствуют другие источники, описывающие эти боевые действия. Все это говорит о том, что «Ведомости» выполняли пропагандистскую задачу, и, видимо, газете было запрещено сообщать данные о потерях русских войск и их неудачах. Таким образом, можно говорить о существовании в России своеобразной *военной цензуры* в период Северной войны. То, что в позднее написанных военно-исторических работах неблагоприятные для русской армии факты были обнародованы, объясняется тем, что их политическая острота уже исчезла[1].

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 114-115.
[2] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 115.
[3] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 116.

В предполтавский период, в 1707-1708 годах, когда для России наступила весьма опасная фаза Северной войны, когда она осталась без союзников при явном недоброжелательном отношении Англии, Франции и Голландии к ее стремлению выйти к берегам Балтийского моря, вопросы борьбы за общественное мнение приобрели особое значение, тем более, что шведы, захватив в 1708 году русскую типографию, использовали ее для печатания прокламаций, которые названы в грамоте Петра I малороссийскому народу от 9 ноября «прелестными письмами во образе пасквилев»[2].

Война в области публицистики имела не меньшее значение, чем война оружием. В 1708 году «Ведомости» не опубликовали ни одной иностранной корреспонденции – все материалы рассказывали о борьбе со шведами и внутренней жизни страны. Газета проявляла большую гибкость и находчивость, чтобы осветить военно-политические события, предшествовавшие Полтавской битве, в выгодном для России свете. Освещая их, «Ведомости» с позиции органа правительства подходят к отбору фактов и их комментарию. Большинство публикаций посвящено борьбе со шведами. В год вступления шведских войск на территорию России применялась тактика действий русских военных отрядов по тылам противника. Эту борьбу, героизм русских воинов, их успехи в борьбе с интер-

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 118-119.
[2] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч.1. – С. 119.

вентами и показывает первая русская газета[1]. В газете утверждается прием повторения публикации актуальных политических вестей, начатый в 1705 году с того, что несколько раз возвращались к описаниям торжеств по поводу побед русских войск. Новым явилось для газеты и то, что в ее корреспонденциях появилось больше публицистических элементов, с помощью которых она стремилась воздействовать на читателя[2].

«Ведомости» наиболее активно воздействовали на общественное мнение в наиболее сложный период 1709 года – когда противник с территории Белоруссии и Украины угрожал захватить Москву и лишить Россию политической самостоятельности. В этот период газета призывала народ Белоруссии и Украины к сопротивлению, показывала жестокость и зверства врага по отношению к мирному населению. Она поднимала, как тогда говорили, «дух народа». В газете за 1709 год почти нет заметок, а её публикации представляли собой довольно подробные описания военных действий того периода, в которых подчеркивалось мужество и героизм русских воинов, чем стремилась вызвать патриотические чувства читателей.

Газета, освещая успехи наших войск, воодушевляла русских воинов, вселяла в них уверенность в своих действиях и показывала, что армию короля Карла XII, считавшуюся в то время лучшей в Европе, можно побеждать[3].

«Ведомости» подробнейшим образом, эмоционально, доходчиво рассказали о Полтавском сражении, подчеркнув жестокость и коварство врага, который хотел уничтожить пленных.

Большое значение для поднятия духа русских войск имел приказ Петра I перед Полтавской битвой, который был написан с большой публицистической силой. В нем говорилось:

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 119.
[2] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 120.
[3] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. – С. 121.

«Воины. Вот пришел час, который решит судьбу отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, а за род свой, за отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас смущать слава неприятеля, будто непобедимого, который ложь вы сами своими победами нам ним неоднократно доказали. А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего». Приказ Петра I оказал большое вдохновляющее влияние на участников сражения, о чем пишут современники. В 1812 году его опубликовали перед Бородинским сражением.

Полтавской битве «Ведомости» посвятили два номера, заголовки их напечатали киноварью. В номере от 2 июля описана Полтавская битва, в номере от 15 июля дано описание преследования шведской армии и пленения её у Переволочны. Газета дала краткое, но яркое описание великой победы[1].

Исход Полтавского сражения имел громадное влияние на новую расстановку сил в международных отношениях в Западной Европе. Поэтому не случайно, что после Полтавского сражения не только в Швеции, но и в других западноевропейских странах политики, журналисты, писатели пытались долгое время скрыть победу русских над шведами или представить ее в ложном освещении. Так, в одном из номеров шведской газеты за 1709 год был помещен отрывок из письма генерала Крассау, написанного им 19 июля, в котором сообщалось, что король жив и здоров, и что Полтава шведами взята. Причем в том же номере был еще ряд корреспонденций, в которых указывалось, что русские под Полтавой потеряли 20 тысяч человек, что Полтава занята шведами и началась война России с Турцией. Такая же дезинформация о результатах Полтавского сражения повторялась и в газетах некоторых европейских государств.

[1] Волковский, Н.Л. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 123.

Только после того, как русские дипломаты распространили подлинные реляции о Полтавской битве, их начали помещать и в европейской печати. Впоследствии шведы, как современники, так и исследователи последующих поколений, упорно не хотели признавать факт разгрома своих войск русской армией под Полтавой. Профессор Стилле писал: «Поражение под Полтавой еще не является само по себе окончательной катастрофой для шведской армии».

И дальше Стилле писал, что «шведы отступают благополучно, отразив попытки преследования русских и уведя с собой обоз и артиллерию; это не бегство. Не вина Карла, если силы ему, наконец, изменяют, он впадет в забытье, никто из генералов не вступает в командование армией, и она стихийно идет мимо переправ через Ворксслу к Днепру, где после отъезда короля, передавшего команду Левенгаупту, шведы, вопреки приказанию короля, проводят бессонную ночь в бесплодных попытках устроить переправу и утром, под давлением Левенгаупта, сдаются без боя вдвое слабейшему противнику». Главную причину неудачного исхода Полтавского сражения для Карла XII шведская печать объясняла тем, что король не мог сам управлять боем. Она оправдывала его политику, говоря, что его война с Россией носила оборонительный характер.

В России современники и историки высоко оценили публикации «Ведомостей» от 2 и 15 июля 1709 года, описывающие сражение под Полтавой. Желябужский и Гюйссен почти без изменений включили их в свои сочинения. В сравнительно большой литературе о Полтавской победе «нет более краткого и в то же время более убедительного описания великого события», чем в указанных номерах «Ведомостей».

После Полтавского сражения все побежденные Карлом XII союзники Петра I снова поднимают голову и стремятся возобновить союз с Россией против Швеции. Даже те государства, которые в прошлом игнорировали Русское государство, а иногда враждебно относились к нему и оказывали шведам прямую или косвенную помощь, пытаются установить дружественные отношения и заключить союз с Россией. Во второй половине 1709 года войска Меншикова действовали в Польше, оказывая помощь Августу II, а другая часть русской армии во главе с Апраксиным и Шереметьевым приступила к боевым операциям в Прибалтике. Изменившееся положение России отражалось в «Ведомостях».

В 1710 году русские войска снова одержали ряд крупных побед над шведами, взяв Выборг, Ригу, Ревель и ряд других крупных городов. Взятию Выборга, имевшему в кампании 1710 года особое значение, газета посвятила номер от 12 июля, напечатанный гражданским шрифтом (впервые гражданским шрифтом был напечатан номер «Ведомостей» от 1 февраля 1710 года)[1].

После Полтавского сражения, когда мощь русской армии была вне сомнений, отпала необходимость расписывать ее доблесть и умелые действия. Номер о взятии Выборга имеет другую особенность. Он подробно объясняет причины, по которым русское командование не выполнило условий капитуляции. Газета объясняла, за какие «неправды, чиненные против царя неприятелем», этот основной пункт не выполнен. Указывалось, что шведы держат в заключении резидента Хилкова, что они задержали русских купцов – парламентариев. «Ведомости» подчеркивали: «Когда те все помянутые неправды с неприятельской стороны исправлены будут, выборгский гарнизон будет отпущен». Этим объяснением достигалась цель: во-первых, указывалось вероломство шведов, во-вторых, готовность русского командования выполнить свое обязательство. Все это говорит о том, что подобный материал газеты был рассчитан не только на русского читателя[2].

Одна из славных страниц в истории русского флота – Гангутское сражение. Ему был посвящен самый объемистый номер «Ведомостей» за 1714 год. Он был напечатан без даты, в Петер-

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 124-125.
[2] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 125-126.

бурге, гражданским шрифтом, под заголовком «Реляция о случившейся морской баталии между российскою аванрагдиею и швецкой эскадрою». Кроме текста, в номере помещен и большой реестр, в котором перечисляются взятые шведские суда, офицеры и трофеи. В Москве номер был перепечатан древнеславянским шрифтом 21 августа 1714 года. «Ведомости» дали описание знаменитого сражения кратко и четко. Как и в большинстве других случаев, газета повествует, но не объясняет и не доказывает. Однако в тексте комментируются отдельные эпизоды, факты, делаются обобщения, как, например, «воистину нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых»[1].

После победы русского флота при Гангуте война вступила в заключительный период своего развития. Она велась на территории противника. Россия выступила как сильное государство, которому несравненно легче было воевать со шведами, чем в предыдущие годы, и это нашло свое отражение в газете – в подборе материала, его оформлении, подборе фактов, в ироническом отношении к противнику. Если факты, сообщаемые в газете, вызывают сомнение, газета указывает на это. Прием, который газета ранее не применяла. Применяя его, она показывала, что стремится сообщать своим читателям истинные факты. Номер газеты от 21 июля 1719 года оформлен как «Реляция из Ламеланта». В нем сообщалось, что на генеральном консилиуме было решено учинить десант в Швецию, что русские корабли счастливо в шведские шхеры вступили. Газета иронизировала: «Господам шведам уже и за морем на своей стороне тошно становится». Ранее о неприятеле «Ведомости» так не писали. Самим характером материалов о Северной войне газета говорит об изменившемся соотношении сил, о том, что Швеция перестала быть для России опасным противником. Этот же номер газеты сообщал, что «российские войска уже внутрь старой Швеции недалеко от Стокгольма счастливо вступили без всякого супротивления».

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 127-128.

Одновременно «Ведомости» старались обосновать действия русских войск на территории Швеции. Они писали о том, что царь «в сей кампании умеренные поступки показал, ибо… не пошел прямо на разорение внутрь неприятеля». Только когда царь убедился в том, что шведы не хотят мира и выявилось «швецкое во всем упорство», был послан флот «внутрь их провинций».

Приведенную мысль всячески распространяли в стране. Митрополиту Стефану Яворскому было приказано распространять ее во всех церквах [1].

Адмирал Апраксин распространял среди шведского населения манифест Петра I, в котором указывалось, что русские «к замирению пред целым светом» предложили и в заключении мира «не отрекались». Дальше в манифесте указывалось, что вторжение в Швецию делалось «единственно для того, чтобы желаемого замирения достигнуть можно было».

Чтобы сделать шведов более сговорчивыми, Брюс и Остерман посоветовали Петру употребить против неприятеля «сильное средство – разорение всех мест до Стокгольма», так как без нанесения шведам «большего урона достичь своих намерений нельзя». «Ведомости» рассказывали об этих действиях русских войск. Так, в номере от 22 августа 1719 года газета напечатала корреспонденцию о разорении русскими войсками шведского города Норд-Кениг. Сообщая об этом, «Ведомости» апеллируют к патриотическим чувствам населения России. Указывая, что шведы получили возмездие за их бесчинства около Смоленска и на Украине, где они не только жгли и разоряли, но и посылали «подкупленных поджигателей», которые сожгли несколько русских городов[2].

Многие корреспонденции «Ведомостей» свидетельствовали о слабости шведских войск, которые не могли сопротивляться русским отрядам, совершавшим рейды на территории

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 128.
[2] Волковский, Н.Л. Указ. соч. – Ч. 1. – С. 129.

противника, чтобы заставить его сдаться. Так, 8 сентября 1720 года газета, сообщая о десанте русских отрядов близ городов Старой и Новой Уммы, писала, что, когда русские войска подошли к берегу, неприятель, «не чиня никакого сопротивления, отступил». Десант захватил военные магазины, ветряные и водяные мельницы, вражеские суда и «немалую добычу скота получил», после чего «счастливо» возвратился.

Победе русского флота в Гренгамском сражении, которое произошло в конце июля 1720 года, «Ведомости» посвятили специальный выпуск, состоявший из 15 страниц.

Он оформлен как реляция командовавшего русским галерным флотом в этом сражении князя Голицына «из Финляндии, из острова Сандо». Дано подробное и убедительное описание боя, которое заканчивается словами: «И по окончании того дела, взятые неприятельские суды приведены к галерному флоту, а сколько неприятелей взято живых и побито и что наших при том побито и ранено что взято на тех судах артиллерии, амуниции и протчего, тому при сем следующий реестр». Газета привела реестр на 9 страницах, подчеркивая этим значительность победы при Гренгаме.

Смысл публикаций «Ведомостей» о военных действиях русских войск в Швеции в последний год перед заключением 30 августа 1721 года в Ништадте мира был таков: шведы не в состоянии оказывать сопротивление русским отрядам на своей территории и при появлении русских войск бегут в панике, бросая оружие, военные заводы; не помогает им наличие в отдельных районах значительных военных сил, возглавляемых видными шведскими генералами. Газета считала важным популяризацию подобных известий, так как подобные сообщения имели большое общественное значение не только в России, но и за рубежом[1].

Особое место в политической литературе России первой четверти XVIII века заняла книга П. Шафирова «Рассуждение

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 130-131.

о Свейской войне». Она была издана как оправдательная записка, в ответ на ропот народный», показывавшая войну со шведами как государственную необходимость. Сказанное подтверждается заключительной частью книги Шафирова, которая представляет собой обращение к читателю. Здесь мы находим такие слова: «Не негодовать или скучать подобает, но терпеливо понести оную и трудолюбиво искати с его же помощью добраго и безопасного конца сея войны»[1].

Первое издание «Рассуждения о Свейской войне» вышло в 1717 году, второе издание – в 1722 году, т.е. через 5 лет, что в то время, когда книги довольно медленно продавались, было необычным явлением. Обращает на себя внимание тираж второго издания книги – 20 тысяч экземпляров. Таким тиражом в то время книги не выходили. Издание книги в небывалом количестве само по себе говорит о значении, которое ей придавали. В 1717 году, т.е. в год, когда было выпущено первое издание книги, она была переведена и издана на немецком языке.

Таким образом, книга Шафирова была политическим трактатом, призванным прежде всего воздействовать на русского читателя, убедить его в законности войны со шведами и в необходимости, несмотря на все трудности, довести ее до победного конца. Вместе с тем трактат Шафирова был призван опровергнуть измышления о России, распространявшиеся в европейской прессе[2].

С сообщением о заключении Ништадтского мирного договора «Ведомости» вышли 12 сентября 1721 года. В газете сообщалось, что «корона швецкая вечно уступает нам Лифляндию, Эстлендию, Ингрию и знатную часть Карелии, с городами Ригою, Ревелем, Нарвою, Перновым, Выборгом и Кексхольмом».

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С 131.
[2] Волковский, Н.Л. История информационных войн. Ч. 1. – С. 131.

Таким образом, первая русская печатная газета «Ведомости», на своих страницах подробно освещая борьбу за побережье Балтийского моря между Россией и Швецией, заложила основы русской военной публицистики, которая впоследствии получила дальнейшее развитие. Газета умело воздействовала на небывало широкий ранее читательский круг. В её материалах преобладало публицистическое направление. Они содержали меткие комментарии, четкие выводы и обобщения, выраженные ясным и доходчивым языком. Газета стремится поднять престиж Русского государства, показать, что оно ведет войну как «политичная христианская страна» вопреки утверждениям врагов.

Хотя газета имела в виду в первую очередь читателя из привилегированных слоев общества – дворянина, офицера, купца, – но, освещая подробнейшим образом ход Северной войны, она так или иначе апеллировала к более широкому кругу читателей, ибо нельзя было писать о боевых действиях, забывая солдата. Для этого «Ведомости» писали на ясном, доходчивом, понятном широкому кругу людей языке. Вот несколько примеров. Вместо слова «возвещают» редактор ставит – «пишут», вместо слова «преставился – «умре», вместе «элекция» – «собрание»[1].

Печатался в газете Петр I, проявляя большой интерес к периодической печати, не раз редактируя «Ведомости» и давая указания по поводу освещения военно-политических событий.

Со смертью Петра прекратилась активная внешняя политика России, реформирование государства, а вместе с этим затихло и развитие журналистики[2].

Итак, подводя черту под правлением Петра Великого вообще и под действием в этот период специальных служб, стоит отметить, что русский император ставил перед собой и перед своими приближенными (в том числе и руководителями разведки и сыска) просто глобальные задачи:

– Россия должна стать сильной сухопутной страной в Европе, и влияние ее на Запад должно быть определяющим;

– Россия должна стать «притягательным центром» для всех славянских народов. А это означало и влияние на Востоке, где славянская община была в те времена сильна;

– Россия должна добиться выхода к Черному и Средиземному морям, где она могла столкнуться с Австрией;

– Россия должна превратиться в жестко централизованное государство, на охране интересов которого стоят спецслужбы.

Отсюда и отличительная черта российских спецслужб – широкие масштабы работ. Впервые в истории России спецслужбы распространяют свое влияние и на всю Россию, и на всю Европу, и на большую часть Азии.

Второй отличительной чертой спецслужб при Петре Алексеевиче была их активность. Русский царь никогда не ограничивался только одной информацией. Спецслужбы использовали очень разнообразные агентурные комбинации и применяли агентурные контрмеры.

Впервые во времена Петра Алексеевича была поставлена задача борьбы с дезинформацией, клеветой, лжесвидетельством. Петр требовал от русских спецслужб тщательной разработки, проверки и критического подхода ко всякого рода доносам.

В 1715 году Петр приказывает не обращать внимания на анонимные письма. Любую анонимку он приказывал сжигать, не читая, «понеже многим являются подметные письма, в которых большая часть воровских и раскольнических вымышлений, которыми под видом добродетели яд свой наливают».

А за четырнадцать лет до этого Петр Алексеевич подписал указ «о казнении смертной казнью ложных свидетелей».

При Петре Великом спецслужбы использовали и всю совокупность научных достижений. Так, в переписке Петра с Головкиным за 1706 год содержалось сообщение последнего,

[1] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 132-133.
[2] Волковский, Н.Л. История информационных войн. – Ч. 1. – С. 134-135.

так как секретарь фельдмаршала Огильви – некий Пейч заподозрен в написании подметных писем, то в целях разработки Пейча его переписка и подметные письма были подвергнуты настоящей научной экспертизе.

Экспертиза включала в себя следующие этапы: письма были предъявлены трем группам «экспертов»:

а) писарям, присланным гетманом Мазепой;

б) двум ученым монахам из Киево-Печерского монастыря;

в) двум монахам из Братского монастыря.

Все группы исследовали письма раздельно и дали отдельные заключения.

Так, в этих аспектах, как и во многих других, Петр уловил тенденцию провидчески[1].

[1] Телицын, В.Л. Российские спецслужбы. От Рюрика до Екатерины Второй. – С. 256-258.

Рекомендуемая литература

Авдеев, В.А., Карпов, В.Н. Секретная миссия в Париже. Граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915 – 1917 гг. / В.А. Авдеев, В.Н. Карпов. – М.: Вече, 2009.

Алексеев, М.А. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Книга I / М.А.Алексеев. – М.: Издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998. – 432 с.

Васильев И.И., Зданович А.А. Спецслужбы в зеркале социологии // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. II.

Волковский, Н.Л. История информационных войн / Н.Л. Волковский. В 2 ч. Ч. 1. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003.

Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого / Н.Н. Молчанов. – М.: Международные отношения, 1990.

Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт. – Т. 1: От древнейших времен до 1917 года.- М.: Международные отношения, 1995. – 240 с.

Симбирцев, И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718–1725 / И. Симбирцев – М.: ЗАО Центр-полиграф, 2008.

Соколов, В. Военная агентурная разведка. История вне идеологии и политики / В. Соколов. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. – 527.

Телицын, В.Л. Российские спецслужбы. От Рюрика до Екатерины Второй / В.Л. Телицын. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 430 с.

Научно-популярное издание

Подрепный Евгений Ильич
Титков Евгений Павлович
СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА РОССИИ
Русская разведка от великих князей до Петра Великого
Спецкурс

В авторской редакции

Набор А.М. Ефимович, С.В. Щенниковой
Технический редактор Никонов С.П.
Верстка и вывод оригинал-макета А.М. Ефимович
Подписано в печать 15.01.2015. Формат 60 х 84/16.
Усл. печ. листов 9,3. Тираж 100 экз. Заказ № 750.

Издатель: ОО «Ассоциация ученых г. Арзамаса»
607220, г. Арзамас Нижегородской обл., ул. Калинина, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровка, 37.

ISBN 978-5-903523-09-2